

**КНИЖНОЕ ДЕЛО
В СИБИРИ**

(конец XVIII — начало XX в.)

Сборник научных трудов

НОВОСИБИРСК

**Академия наук СССР
Ордена Ленина Сибирское отделение
Государственная публичная научно-техническая библиотека**

**КНИЖНОЕ ДЕЛО В СИБИРИ
(конец XVIII — начало XX в.)**

Сборник научных трудов

**Новосибирск
1991**

ББК 46II.63 (ч 85)

Книжное дело в Сибири (конец ХУШ – начало ХХ в.): Сборник научных трудов / ГПНТБ СО АН СССР. – Новосибирск, 1991. – 196 с.

Сборник посвящен всестороннему изучению книжного дела Сибири конца ХУШ – начала ХХ в. Авторы освещают проблемы книгоиздательской деятельности в Сибири, читательских интересов сибиряка, библиотечного дела и распространения книги. Наибольшее внимание уделяется развитию местного книгоиздательства – деятельности типографий и издающих организаций, книгоизданию на различных территориях Сибири, выпуску отдельных видов изданий. Статьи сборника расширяют наши представления о круге чтения крестьянства и других сословий Сибири, переводческой деятельности Иркутской духовной миссии, становлении библиотечного дела в Тюмени и Якутске, торговле политической книгой в начале ХХ в.

Материалы сборника представляют интерес как для специалистов-книговедов, так и для более широкого круга исследователей истории культуры Сибири.

Редакционная коллегия:

В.Н. Волкова, канд. искусствоведения (отв. ред.)

Т.Н. Соболевская, канд. филол. наук

Рецензенты:

В.И. Баяндин, канд. ист. наук

А.Н. Маслова, канд. пед. наук

ISBN 5-7623-0032-3

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Академии наук СССР (ГПНТБ СО АН СССР), 1991

О КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОТНОШЕНИЯХ ЦЕНТРА И ПРОВИНЦИИ
(Судьбы деятелей первого книгоиздательского центра Сибири)

Тобольская типография Корнильевых – один из наиболее интересных книгоиздательских центров русской провинции конца ХУШ в. Отказ от чисто регионального подхода при ее изучении позволяет по-новому взглянуть на место тобольской печати как в культурном развитии края, так и страны в целом. Например, анализ биографий сибирских пионеров книжного дела вносит новые штрихи в наши представления о культурном взаимодействии центра и провинции, а также позволяет рассмотреть некоторые возможные варианты культурных взаимоотношений.

Становление и развитие книгоиздания в конце ХУШ – начале ХІХ в. проходило в Сибири весьма автономно, без существенного влияния столичных издателей и литераторов. Отдаленность Тобольска затрудняла общение с профессиональными книгоиздателями. Сложны были поездки сибиряков в Москву и Петербург для приобретения необходимых навыков издательского дела или приглашение столичных мастеров книжного дела.

При этом и среди литераторов Тобольска также не было "профессионалов", знакомых всероссийскому или сибирскому читателю. Известны лишь редкие примеры публикаций местных авторов, увидевших свет до того, как появился первый издательский центр Сибири.

Например, П.П. Сумароков начал писать еще в годы военной службы – по свидетельству сына, при аресте в его бумагах были найдены стихи, которые "вооружили против него некоторых начальников" /1/. До отправки в ссылку он сумел опубликовать лишь одно стихотворение "Клеон Дамону говорил" в издаваемом Ф.О. Туманским журнале "Лекарство от скуки и забот" (1786. Ч. I. № 16).

Судя по примечанию к стихам И.И. Бахтина в "Иртыше, превращающемся в Ипокрену", автор также пытался напечатать свои литературные опыты еще в начале 80-х гг. /2/. Но первые его публикации появились только в 1786 г. – в журнале "Лекарство от скуки и забот" были помещены "Эпитафия" (Ч. I. № 12), шесть "Мадригалов" и две эпиграммы (Ч. I. № 13).

Н.И. Ахвердов в 1786 г. издал в Петербурге свой перевод "Письма А.Р. Менге к дон-Антонию Понзу". Он же в 1787 г. опубликовал перевод книги о воспитании /3/.

Эти единичные контакты со столичными книгоиздателями до открытия типографии в Тобольске вряд ли позволили местным писателям и переводчикам подняться выше уровня любительских опытов. Издательской работой до момента открытия типографии в Тобольске никто из них также не занимался.

В Европейской России литераторы, даже проживая в провинции, могли одновременно сотрудничать и с местными, и со столичными издателями. Так, живущий в Калуге В.А. Левшин издавал свои сочинения и в типографии местного Приказа общественного призрения, и в Москве /4/. Подобная параллельная работа способствовала писательскому росту, создавала условия для более интенсивной писательской и издательской практики. Отдаленность же Сибири не позволяла поддерживать контакты со столичными издательствами. Первоначальные навыки литературно-издательской деятельности местные авторы приобретали именно в Сибири.

Исходя из этого, было бы вполне логично все их успехи отнести на счет духовной атмосферы Тобольска, самобытной сибирской культуры, что и позволило местным издателям и литераторам столь плодотворно работать. Но несмотря на всю актуальность темы культурной самобытности регионов страны, эту проблему не следует рассматривать изолированно от других вопросов.

Успешному становлению гуманитариев прежде всего способствовал высокий уровень образования, полученный большинством из них в столицах. Так, воспитанный в Петербурге П.П. Сумароков знал несколько языков, рисовал, прекрасно музицировал /5/. Несколькими иностранными языками владели И.И. Бахтин /6/, Георг Фризе /7/, Н. Смирнов, прослушавший курс в Московском университете /8/. Хорошее образование в Петербургской учительской семинарии получили и тобольские учителя Т.М. Воскресенский, И.А. Набережнин, В.Я. Прудковский, а также окончивший Московскую духовную академию И.Б. Лафинов. Они были направлены в Тобольское главное народное училище в конце 1788 г. наряду с другими выпускниками семинарии, ехавшими учительствовать в Иркутск, Уфу, Кольвань по указу об открытии в "великороссийских губерниях" главных народных училищ /9/. Приобретенные знания позволили местным учителям

преподавать латинский язык (Воскресенский, Набережнин, Прудковский), российскую грамматику, геометрию, механику и физику (Воскресенский), политическую историю, географию, естественную историю (Лафинов) /10/. Н.С. Смирнов в 1790 - 1792 гг. руководил солдатским училищем в Кударинской крепости в Забайкалье, одновременно являясь там преподавателем российской грамматики, естественной истории, французского языка, геометрии, географии и других предметов /11/.

Н.И. Ахвердов в 1776 - 1779 гг. сопровождал графа А.Г. Бобринского и наследника Павла Петровича в поездках по Европе. В течение восьми лет (с 1799 по 1807 гг.) отстоял воспитателем при великих князьях Николае Павловиче и Михаиле Павловиче, с 1811 г. был почетным членом общества "Беседы любителей русского слова", с 1816 г. - почетным членом Академии художеств /12/. Чтобы достичь подобных званий и должностей, необходимо быть достаточно образованным человеком.

Близкое знакомство в последующие годы Н.И. Ахвердова с Г.Р. Державиным /13/ и И.И. Бахтина с В.М. Карамзиным /14/, П.П. Сумарокова с Н.М. Карамзиным также подтверждает высокий интеллектуальный уровень, широкий круг интересов вышедших из Сибири деятелей культуры.

Влияние Петербурга и Москвы сказалось не только на культурном уровне первых сибирских книгоиздателей, но и на их мировоззрении. Произведения тобольских авторов свидетельствуют об их хорошем знании наиболее интересных философских и общественных теорий того времени.

В "Иртыше..." неоднократно помещались отрывки из отдельных сочинений Вольтера. Один из таких переводов "Каким образом познаем мы расстояния, величины, виды и положения предметов", сделанный П.П. Сумароковым по книге Вольтера "Основы философии Ньютона", знакомит читателей "Иртыша..." с сенсуалистической теорией Дж. Локка /15/. По признанию одного из авторов журнала, И.И. Бахтина, в годы существования "Иртыша..." он был большим поклонником Вольтера и его идей. В сборнике "Вдохновенные идеи", выпущенном в Петербурге в 1816 г., он пишет: "В тридцать же два года, в тридцать шесть, даже в сорок я еще был Вольтерист и Орлеанская девица была карманная моя книжка" /16/. Интерес к французскому читателю необходимо рассматривать не столько как свидетельство ра-

дикализма тобольских литераторов, сколько как отражение общего интереса к этому автору, характерного для того времени. Как отмечает П.Р. Заборов, в XVIII в. о Вольтере "говорили почти все, хотя, разумеется, степень знакомства с его творчеством в разных общественных кругах и просто у разных людей была различной" /17/.

Мировоззренческие интересы местных деятелей культуры нашли отражение и в репертуаре первой сибирской типографии. При этом необходимо отметить, что решающее влияние общерусской культуры на формирование репертуара тобольского издательства было предопределено и более глубокими процессами. Судя по данным "Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в.", продукция провинциальных типографий в это время составляла крайне незначительную часть общерусского книжного репертуара - в провинции было напечатано примерно около 300 книг и журналов - менее 1%. Естественно, что при таком положении дел была вполне понятна ориентация местных литераторов на круг авторов и проблем, отраженных в столичных изданиях. Вполне закономерно, что издатели не уделяли значительного внимания чисто сибирской тематике, разрабатывая в своих оригинальных и переводных произведениях темы, волновавшие все русское общество.

Судя по переводам, выполненным Г. Фризе, председатель Палаты уголовного суда был хорошо знаком с передовыми социальными доктринами второй половины XVIII в., и прежде всего с теорией общественного права /18/, ориентировался в европейских эстетических учениях /19/. Статьи "Нечто о человеке" и "Нечто к состоянию людей относящаяся" свидетельствуют об осмыслении идей общественного договора Ж.Ж. Руссо /20/. Работа Н. Шукшина "Нужнейшие экономические записки для крестьян" написана под влиянием идей физиократов. Данные факты подтверждают, что местные деятели культуры стояли на просветительских позициях и в своем творчестве продолжали развивать те темы, которые волновали широкие круги русской общественности второй половины XVIII в.

Признавая значительную роль центра страны в развитии книжной культуры Сибири, было бы неверным рассматривать это влияние как воздействие только в одном направлении. Культурное, интеллектуальное влияние было подобно маятнику: получив в столицах образование и первые литературные навыки, сибирские литераторы и книгоиздатели своим дальнейшим творчеством обогатили общероссийское

культурное достояние, а также литературную, книжную жизнь Петербурга и Москвы.

Книги и журнальные публикации, подготовленные тобольскими литераторами, способствовали обогащению общерусского книжного репертуара, вносили дополнительные нюансы в общую картину отечественного книгоиздания. Подтверждением этого, например, является тот факт, что некоторые из опубликованных в тобольской периодике переводов появлялись здесь, опережая аналогичные материалы в других русских изданиях того времени /21/.

По мнению Е.И. Рубинштейна, "участие провинции в литературной жизни XVIII в. проявилось в издании в Петербурге и Москве книг, переведенных и написанных в провинции" /22/. Полагаем, что не меньшее, если не большее значение имел сам факт литературной практики, накопления издательского и писательского опыта, полученного в провинции в самом начале творческого пути представителями культуры XVIII в., в том числе и выходцами из Сибири. Как отмечено В.И. Баскаковым, значение этого явления состоит в том, что "лучшие силы, таланты, дарования, выраставшие в провинции, вливались в общерусское литературное развитие, делали его более мощным". В этом, по мнению исследователя, заключается "одна из важнейших функций провинции в отечественном литературном движении" /23/.

В начале XIX в., покинув Сибирь, И.И. Бахтин и П.П. Сумароков опубликовали ряд книг собственного сочинения. В 1816 г. И.И. Бахтин издал в Петербурге сразу три своих книги: "Вдохновенные идеи", "И я автор", "Ревнивый. Драма в пяти действиях". В сборнике "И я автор" И.И. Бахтин отредактировал и "исправил" многие тексты предыдущих публикаций, в основном взятые им из "Иртыша...", включив дополнительно несколько новых сочинений ("Песня", "Стихи моему будущему начальнику, которого совсем не знаю" и др.).

П.П. Сумароков издал "Собрание некоторых сочинений, подражаний и переводов" (М., 1809), "Истинный способ быть здоровым, долговечным и богатым" (М., 1809 - 1810), "Источник здравия, или Словарь всех употребительных снедей, приправ и напитков" (М., 1800), "Совершенный лакировщик, или Полное и подробное руководство к составлению и употреблению всякого рода лаков" (М., 1799). Две из этих книг, - "Источник здравия..." и "Истинный способ быть здоровым..." подготовлены на основе материалов издаваемой в То-

больше П.П. Сумароковым "Библиотеки ученой" /24/.

В 1808 г. после восьмилетнего перерыва П.П. Сумароков выпустил вторую часть "Собрания некоторых сочинений, подражаний и переводов" (Ч. I - 2. М., 1800 - 1808). Этот двухтомник содержит почти все опубликованные поэтические произведения, ранее увидевшие свет на стр. лицах "Иртыша...", "Приятного и полезного препровождения времени", в "Аонидах", "Журнале приятного, любопытного и забавного чтения", а также "Вестнике Европы". После выхода двухтомника П.П. Сумароков, по словам сына, "уже не писал более стихов" /25/.

После прекращения деятельности тобольской типографии часть литераторов периодически печаталась в столичных журналах. Так, И.И. Бахтин опубликовал в "Русском вестнике" два стихотворения "Ручей" (1808. Ч. 4. № 10) и "Молитва" (1810. Ч. 4. № 10). В 1817 г. в периодическом издании "Дух журналов" были изданы его стихи, посвященные Г.Р. Державину ("Надгробие", "К портрету надписи" и др.), а также "Мадригал", нравоучительная повесть "Степаша, или Образ воспитания", написанная автором в 1799 г., а также "Письмо к сыну моему от 18 октября сего 1817 года" /26/.

Стихи "К моему другу", "На отъезд милой женщины", а также прозаические сочинения "Руины" и "Путешествие по Сибири г-на Трунина. Письма, писанные им к другу, живущему в Москве" И. Трунина были помещены в "Новостях русской литературы на 1802 год" (М., 1802). II стихотворений и прозаический отрывок "Вечер на горе Моего" опубликовал в журнале "Приятное и полезное препровождение времени" Н.С. Смирнов (М., 1794 - 1796. Ч. 4 - 9, II). Объем его публикаций в столичном журнале оказался более значителен, чем в тобольском "Иртыше...".

В этом же журнале напечатал стихи "Плач и смех", а также "Мадригал Д.И.Б-н" П.П. Сумароков (1796. Ч. 7). В "Аонидах" Н.М. Карамзина были изданы его же "Купидон, лишенный зрения", "Любовный силлогизм", басни "Новизна", "Кедр", а также многочисленные эпиграммы (М., 1793. Кн. 3). Стихи П.П. Сумарокова попали в "Журнал приятного, любопытного и забавного чтения" (М., 1802. Ч. 1), "Вестник Европы" (М., 1804. Ч. 8). Некоторые его произведения были помещены также в "Собрании русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов", изданном В. Жуковским (М., 1811), а также в сбор-

нике "Пантеон русской поэзии", подготовленном П. Никольским (Спб., 1815), сборнике "Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах", повторно изданном Обществом любителей отечественной словесности (Спб., 1822. Ч. 3, 6), сборнике "Опыт русской анфологии, или Избранные эпиграммы, мадригалы, эпитафии, надписки, апологии и некоторые другие мелкие стихотворения", собранном М. Яковлевым и изданном И. Слениным (Спб., 1828). Произведения П.П. Сумарокова были также в сборниках "Собрание русских стихотворений, взятых из лучших российских стихотворцев" (М., 1815) и "Суворов в родной поэзии. Сборник песен, легенд, преданий, од, посланий и других стихотворений XVIII - XIX столетий" (Спб., 1900).

Тот факт, что произведения бывшего тобольского литератора встречаются в столь многочисленных изданиях, свидетельствует о признании его современниками как одного из талантливых писателей своего времени.

О несомненном интересе к творчеству вышедших из Тобольска авторов свидетельствует и то, что некоторые из их произведений найдены в рукописных сборниках. Так, стихотворение И.И. Бахтина "Возражение", а также стихи Н.С. Смирнова "Стихи на смерть", "Ответ", "Отрывок. О, душенька моя", "Кольцо (Подражание Лафонтену)" и "Оскорбленная любовь" наряду с произведениями И.И. Дмитриева, Г.Р. Державина, Я.Б. Княжнина, В. Рубана, П. Потемкина, Д.И. Фонвизина включены в рукописный сборник "Разные сочинения. Начаты 1793", хранящийся в Государственной публичной библиотеке /27/.

Стихотворение П.П. Сумарокова "Альнаскар" наряду с произведениями "Ермак" И.И. Дмитриева и "Смерть Ермака" К.Ф. Рылева попало в тетрадь рукописных копий стихотворений (1794 - 1821) /28/. Стихотворение П.П. Сумарокова "Лишенный времени Кулидон" вместе с рукописной копией поэмы А.С. Пушкина "Кавказский пленник" и стихами И.М. Долгорукого находится в рукописном сборнике 1831 г. /29/. Его же стихотворение "К человеку" сохранилось в рукописном сборнике стихотворений XIX в. /30/, "Ода в громко-нежно-нелепоновом вкусе" имеется в списках 1840-х гг. /31/. Ряд эпиграмм П.П. Сумарокова хранится в архиве журнала "Русская старина" в собрании эпиграмм 1811 - 1816 гг. /32/.

Поскольку большинство тобольских авторов ограничилось участием в периодике, то их сотрудничество в корнильевских изданиях

можно было бы рассматривать как явление эпизодическое. Но некоторые выходцы из Тобольска воспринимались современниками как авторы, достойные внимания. Не случайно в сборниках того времени их имена соседствуют с именами И. Дмитриева, Д. Фонвизина, Г. Державина, Я. Княжнина и других известных писателей. Для таких литераторов в работах исследователей появились устойчивые определения "вторые среди первых" или "первые среди вторых" /33/. В лице П.П. Сумарокова, И.И. Бахтина и Н.С. Смирнова мы как раз и имеем типичных представителей этого "второго эшелона" литературы, тот "литературный фон" эпохи /34/, без учета которого невозможно объективно оценить и наиболее выдающиеся произведения того времени. Творческие успехи в столичной литературной жизни выходцев из Тобольска позволяют говорить о тобольском этапе их творчества, послужившем основой дальнейшего литературного развития.

П.П. Сумароков – единственный из числа тобольских литераторов, кто впоследствии занимался издательской деятельностью. В 1802 г. он становится редактором "Журнала приятного, любопытного и забавного чтения", издаваемого в типографии товарищества В.С. Кряжева, Готье и Мея в Москве. После непродолжительного перерыва, в 1804 г. П.П. Сумароков по просьбе Н.М. Карамзина сменяет последнего на посту редактора "Вестника Европы". Рассмотрение его дальнейшего пути позволяет сделать вывод о преемственности сибирского и столичного периодов деятельности П.П. Сумарокова.

Взаимоотношения центра и провинции сложны и многообразны, в связи с чем и не вписываются в определенные схемы. Полученный в центре страны культурный багаж, хорошее образование многих гуманитариев способствовали обогащению культурной жизни Тобольска конца XVIII в., стимулировали развитие местного книгоиздания и влияли на формирование общественного сознания жителей Сибири. В то же время, тенденции создания общерусского книжного репертуара оказали воздействие на репертуар издаваемой в Тобольске литературы, а напечатанные в типографии Корнильевых произведения и переводы дополнили книжный репертуар столичных типографий, послужили определенным вкладом в общерусский книжный репертуар, воздействовали на формирование книгоиздательской политики в Москве и Петербурге. И принимая во внимание скромный масштаб такой обратной связи, было бы несправедливо игнорировать это явление.

Наиболее одаренные провинциалы постоянно сотрудничали в столичных издательствах, чему способствовал и опыт, полученный вдали от Москвы и Петербурга. Только благодаря высокому уровню книгоиздания в провинции, вышедшие из Тобольска деятели смогли быстро и активно включиться в столичную культурную жизнь. Да, большинство тобольских авторов – явление эпизодическое в истории нашего книгопечатания и литературы, но лучшие их представители внесли свой вклад в формирование национального книжного репертуара и литературы – не только в период работы в Сибири, но и гораздо позже.

Примечания

1. Сумароков П.П. Стихотворения Панкратия Сумарокова. Спб., 1832. С. XXI.
2. Иртыш, превращающийся в Ипокрену. Тобольск, 1789. Сентябрь. С. 6.
3. Словарь русских писателей XVIII в. Л., 1988. С. 42 – 43.
4. Чистоклетов Г. Опыт собрания материалов о типографиях в Калуге и о книгах в них напечатанных до 1807 года включительно // Изв. / Калуж. арх. комис. 1892. № 2. С. 101 – 118.
5. Сумароков П.П. Стихотворения Панкратия Сумарокова... С.Х.
6. ЦИА СССР, ф. 398, оп. I, ед. хр. 422, л. 339.
7. Рожкова Т.И. Загадка "Г.Ф.": К проблеме литературного направления "Иртыша, превращающегося в Ипокрену" // Пробл. изуч. рус. лит. XVIII в. 1984. № 6. С. 130.
8. Очерки русской литературы Сибири. Дорев. период. Новосибирск, 1962. Т. I. С. 143.
9. ЦИА СССР, ф. 730, оп. I, ед. хр. 89, л. 30 – 31.
10. Замахаев С.Н., Цветаев Г.А. Тобольская губернская гимназия: Ист. зап. о состоянии Тобол. гимназии за 100 лет ее существования. 1789 – 1889. Тобольск, 1889. Прибавление I. С. 5.

11. Сивков К.В. Автобиография крепостного интеллигента конца XVIII в. // Ист. арх. 1950. Т. 5. С. 288 - 299.
12. Словарь русских писателей XVIII в.... С. 42 - 43.
13. Там же.
14. Очерки русской литературы Сибири... С. 143.
15. Рак В.Д. Переводы в первом сибирском журнале // Очерки литературы и критики Сибири. XVII - XX вв. Новосибирск, 1976. С. 34.
16. Бахтин И.И. Вдохновенные идеи. Спб., 1816. С. II.
17. Заборов П.Р. Вольтер в русских переводах XVIII в. // Эпоха Просвещения: Из истории междунар. связей рус. лит. Л., 1967. С. 140.
18. Рожкова Т.И. Загадка "Г.Ф."... С. 131.
19. Роменская Т.А. Проблема эстетики на страницах первого сибирского журнала // Развитие литературно-критической мысли в Сибири. Новосибирск, 1986. С. 49.
20. Павлов В., Блум А. Рассказы об уральских книгах. Свердловск, 1980. С. 46.
21. Левин Д.Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории междунар. связей рус. лит. Л., 1967. С. 3 - 109.
22. 400 лет русского книгопечатания. 1564 - 1964. М., 1964. Т. I. Русское книгопечатание до 1917 г. 1564 - 1917. С. 202.
23. Баскаков В.И. Русская провинция в литературном процессе страны (Рец. на кн.: Ласунский О.Г. Литературно-общественное движение в русской провинции (Воронежский край в "эпоху Чернышевского") // Рус. лит. 1986. № 3. С. 207.
24. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. (1725 - 1800). М., 1967. Т. 4. С. 112.
25. Сумароков П.П. Стихотворения Панкратия Сумарокова... С XXVIII.
26. Словарь русских писателей XVIII в.... С. 71 - 72.

27. Альтшуллер М. Литературная жизнь Tobольска 90-х гг. XVIII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVIII - XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 181 - 184; Очерки русской литературы Сибири... С. 133.
28. ЦГАЛИ, ф. 2591, оп. I, ед. хр. 167, л. 6 - 8.
29. Альтшуллер М. Литературная жизнь Tobольска... С. 188.
30. ОР ГПБ, ф. 359, № 730.
31. ОР ГБЛ, ф. 41, 163. Л. 2 - 4.
32. ОР ИРЛИ, ф. 265, оп. 3, № 14.
33. Лотман Ю.М. Поэзия 1790 - 1810-х гг. // Поэты 1790 - 1810 годов. Л., 1976. С. 23.
34. Там же. С. 23 - 24.

Н.К. Чернышова

СИБИРСКАЯ ТЕМА И АВТОРЫ-СИБИРЯКИ В ИЗДАНИЯХ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Сибирь с 1803 по 1828 г. входила в состав Казанского учебного округа. Казань с ее университетом стала ближайшим к Сибири культурным центром - издательским, книгораспространения, управления образованием и подготовки кадров, а также центром изучения огромного региона, - определившим до известной степени направление и содержание указанных процессов в отдаленном краю нашего отечества. Казанская духовная академия также влияла на культурное развитие Сибири.

Многоаспектная проблема взаимодействия двух своеобразных культурных регионов страны, в целом, слабо отражена в нашей историографии. Первую группу работ, где она рассматривалась, составляют исследования, посвященные истории Казанского университета и связанных с ним учреждений, организаций и лиц. В них сибирские

материалы используются наряду с материалами других регионов для раскрытия рассматриваемых вопросов /1/. Особый интерес по обилию приводимых сведений о Сибири представляет монография Н.П. Загоскина. В ряде исследований сделаны важные выводы, касающиеся роли Казани в культурном развитии Сибири. Так, авторы комментариев к письмам Н.И. Лобчевского отмечают, что издательский комитет Казанского университета был в те годы первым и единственным краеведческим центром в Поволжье, на Урале и в Сибири /2/. В работе Н.Б. Парамоновой показано, что "значительную долю издательской продукции университета составляли в первой половине XIX в. учебники и учебные пособия для студентов и учащихся Казанского учебного округа. По книгам, выпущенным университетской типографией, учились в Поволжье и Сибири, в Средней России и на Урале, в Средней Азии"/3/. Н.Б. Парамонова подчеркивает также и заслугу Казанского университета в области просвещения нерусских народностей России, в том числе и Сибири, а именно - создание азбук и грамматик для детей /3/. В "Истории отечественного востоковедения до середины XIX века" описано, как комплектовалась библиотека Казанского университета бурятскими книгами и рукописями.

Другая группа работ связана с изучением культуры Сибири. Наиболее интенсивно исследовались вопросы истории народного образования Сибири первой трети XIX в., в том числе деятельность П.А. Словцова в этой области /4/. Некоторые аспекты взаимодействия Сибири с Казанью затрагивались также в ряде литературоведческих работ /5/.

Впервые вопрос о роли Казани в культурном развитии Сибири как самостоятельная научная проблема был сформулирован и частично изучен В.С. Манассеиным. Исследователем подчеркнута "совершенно особая, чрезвычайно важная роль" Казанского университета с самого своего зарождения по отношению к Сибири. Сибирь, как показано В.С. Манассеиным, "стала тютютець в научном и литературном отношениях к Казани". В работах историка отмечено и обратное направление взаимодействия культурных традиций. Под влиянием вхождения Сибири в Казанский учебный округ в университете проводили, в частности, некоторые историко-археологические исследования, возникли научные школы. В.С. Манассеин осветил роль П.А. Словцова в создании возникшего именно в Казанском учебном округе проекта сибирского университета и много внимания уделил еще одному, собственно

книговедческому, вопросу из многоаспектной темы культурных взаимоотношений Казани с Сибирью. Он утверждал, что казанские газеты и журналы играли роль местной периодической печати для Сибири первой половины XIX в. /6/.

В данной статье ставится задача рассмотреть вопрос об участии сибиряков в издательской деятельности Казанского университета в контексте процессов, протекавших в нашем регионе.

Типография университета печатала как книги отдельных авторов, так и периодические издания. Следует констатировать, что помимо журнальных статей, других публикаций, связанных с Сибирью, в казанских типографиях до середины XIX в. осуществлено было очень немного. В "Каталоге книг, отпечатанных в типографии Императорского Казанского университета с 1800 по 1896 год", составленном А. Соловьевым и Н.Ф. Катановым (Казань, 1896), указаны следующие сочинения: "Речь директора тобольских училищ Арнгольда, говоренная им при вступлении в должность" (1815), "Каталог санскритским, монгольским, тибетским, манджурским и китайским книгам и рукописям, хранящимся в библиотеке Казанского университета" (1834), "Краткая грамматика книжного монгольского языка" О.М. Ковалевского (1835), "Черная вера или шаманство у монголов" Д.Банзарова (отдельный оттиск из "Ученых записок Казанского университета за 1846 г." – кандидатская диссертация ученого), "Абалацкий монастырь и чудотворная икона Знамения Божьей Матери" Березина (1848) /7/.

Представляет интерес рассмотреть публикации и сведения, о неизданных сочинениях, как явления книжной культуры Сибири. Увидевшая свет в 1815 г. "Речь директора тобольских училищ Арнгольда, говоренная им при вступлении в должность" – первое и практически единственное произведение, опубликованное отдельным изданием на протяжении первой трети XIX в.

Адам Иванович Арнгольд оставил след в истории Казанского университета и народного образования Сибири, хотя пребывание его в должности директора тобольских училищ было недолговременным /8/. А.И. Арнгольд появился в Тобольске в 1814 г. По происхождению он был немец ("прусской нации"), сын ювелира, имел степень кандидата хирургии, служил ранее в Балтийском флоте, с 1809 г. – в Казанском адмиралтействе, затем перешел в Казанский университет и уже оттуда был назначен директором училищ Тобольской губернии /9/. Причины этого перевода не вполне ясны, однако деятельность

его в должности директора была активной. Именно с ним связана первая сибирская публикация в типографии Казанского университета. Рукопись его "Речи..." в цензурный комитет при Казанском университете была представлена профессором В.М. Перевощиковым. Ничего "противного уставу о цензуре" найдено не было, и сочинение было одобрено для печати 3 марта 1815 г. /10/.

Авторы "Исторической записки о Тобольской гимназии" утверждают, что "время управления тобольской гимназией Аригольдтом составляет лучшую страницу в ее истории, его полезная и благотворная деятельность на пользу распространения просвещения в Тобольской губернии навсегда останется памятной". Помимо оферы собственно просвещения, А. Аригольд уделял внимание изучению края, его библиотекам, в частности, гимназической. С.Н. Замахаев и Г.А. Цветаев приводят следующие сведения: книги фундаментальной библиотеки гимназии были отделены от продажной, составлены описи этих книг; для библиотеки выписывались журналы и газеты: "Казанские известия", "Московские ведомости", "Сын отечества", "Дух журналов", "Демокрит", "Амфион" /11/.

Документы ЦГА ТАССР дополняют сведения, сообщаемые С.Н. Замахаевым и Г.А. Цветаевым. 3 января 1815 г. в гимназии состоялось публичное собрание, на которое были приглашены "все любители просвещения" "с особыми билетами". Одной из целей собрания было проведение подписки в пользу гимназической библиотеки. Всего собрали 1 903 р. Число жертвователей составляло 51 человек. Некоторые учителя гимназии сделали книжные пожертвования: Иван Менделеев подарил библиотеке "Полный курс математики" г. Безу, "Рассуждения о внешнем богослужении" в 3 томах и "Анатомию" г. Пленка, Иван Набережнин - "Латинский лексикон" г. Розанова, "Английскую грамматику", "Лексикон" г. Гейма и "Мифологию", Андрей Белоусцев - "физику" Гмляровского, Александр Протопопов - "Описание земли Камчатки" г. Крашенинникова, Соунов - "Omnia opera" Virgillii Maronis, "Систему мира" Ламберта /12/. Собранные деньги А. Аригольд послал директору санктпетербургских училищ Тимковскому (700 р.) для покупки книг для тобольской гимназии. К деньгам был приложен реестр необходимых книг. Дело с их покупкой однако затянулось, и в 1819 г. Тимковский вернул деньги в Тобольск. Книги же по реестру, посланные в Петербург, гимназия приобрела другим путем /13/. В 1817 г. А. Аригольд попросил перевести его с

должности директора училищ Тобольской губернии в Казанский университет. Причиной этого стали столкновения с местной администрацией (на некоторых моментах этих столкновений остановимся ниже). Просьба А. Аригольда была удовлетворена, его назначили ординарным профессором хирургии Казанского университета /14/.

В дальнейшем в течение почти 20 лет в Казани не было напечатано ни одного сочинения о Сибири отдельным изданием, однако такие попытки предпринимались. Они связаны с именем Петра Андреевича Словцова. П.А. Словцов прослужил много лет в сфере народного просвещения и, естественно, по служебной линии достаточно тесно был связан с Казанским учебным округом. Приходилось ему бывать в Казани, по-видимому, не один раз. Просветительская деятельность П.А. Словцова неоднократно становилась предметом изучения исследователей. Место же его в формировании книжной культуры края практически не рассматривалось.

П.А. Словцов, помимо служебных, имел и личные отношения с деятелями культуры Казани. Наиболее тесные связи сложились у Петра Андреевича с профессором Казанского университета П.С. Кондыревым. П.С. Кондырев был автором ряда работ по статистике, политике, географии, истории и словесности, занимался переводами. Он входил в число первых выпускников университета, с 1807 г. сам служил в нем, активно участвуя во всех сферах его деятельности: был преподавателем, членом цензурного комитета, сыграл большую роль в издании "Казанских известий", заведовал библиотекой университета, занимал должность секретаря Казанского общества любителей отечественной словесности /15/. П.С. Кондырев, по мнению исследователей, принадлежал к группе передовых преподавателей университета /16/. Последние годы жизни казанского ученого омрачены конфликтом с М.Л. Магницким. П.А. Словцов был осведомлен о взаимоотношениях П.С. Кондырева с попечителем Казанского учебного округа, и, хотя ему удалось сохранить с М.Л. Магницким нормальные отношения (так, в 1821 г. М.Л. Магницкий хлопотал о награждении П.А. Словцова орденом Св. Анны /17/), Петр Андреевич был на стороне П.С. Кондырева и даже выступил в его защиту. Среди отчетных материалов визитатора сибирских училищ за 1820 - 1824 гг. сохранилось два небольших личных письма П.А. Словцова М.Л. Магницкому о П.С. Кондыреве. В первом из них от 28 февраля 1821 г. П.А. Словцов писал: "Г. профессор Кондырев, старинный мой приятель, обе-

щается меня отсюда (из Казани - Н.Ч.) проводить до развалин Булгарских, в Спасском уезде лежащих. Покорнейше прошу Ваше Пр-во не поставить сего в вину ни ему, ни мне" /18/. Это письмо - свидетельство дружеских и достаточно тесных отношений сибиряка и его казанского знакомого. Другое письмо написано в защиту П.С. Кондырева: "О Кондыреве профессоре я писал официально так, как следует написать, когда бы я не был с ним знаком прежде. Я не понимаю, каким образом честный, кроткий и послушный начальству чиновник мог возбудить на свой счет какие-либо подозрения?" /19/. Возможно, П.А. Словцов итоги своей визитаторской деятельности хотел использовать, чтобы поддержать друга. В официальном отношении попечителю Казанского учебного округа от 9 апреля 1821 г. он писал: "Что ж касается до г. профессора Кондырева, я не надеюсь открыть такую точку, с которой бы можно было в чем его упрекнуть", - и далее говорил о заслугах П.С. Кондырева в области просвещения - об организации школ в Казанской губернии и библиотек при них /20/.

П.А. Словцов был иногородним членом Казанского общества любителей отечественной словесности /21/. Он не только посылал свои сочинения для публикации в казанские периодические издания, связанные с обществом ("Казанские известия"), но и получал последние и рекомендовал их своему ученику И.Т. Калашникову /22/. Помимо статей, направленных в газеты и журналы, П.А. Словцов пытался опубликовать отдельным изданием сочинение под названием "Разговоры в карете о роскоши и торговле". Рукопись прошла через цензурный комитет в 1817 г. /23/, однако по каким-то причинам опубликована в Казани не была (ее нет в "Каталоге..." А. Соловьева и Н. Катанова и известных нам рукописных каталогах изданий типографии Казани). Сочинение П.А. Словцова под таким названием также неизвестно, хотя можно высказать предположение, что оно вошло в "Письма из Сибири", где имеется рассуждение автора на эту тему.

Через П.С. Кондырева П.А. Словцов приобщил к участию в казанских изданиях и своего ученика и друга И.Т. Калашникова. Имя казанского профессора неоднократно упоминается в письмах Петра Андреевича к Ивану Тимофеевичу. 20 февраля 1821 г. П.А. Словцов писал из Казани: "Сочинение ваше, которое я прежде расхвалил, здесь перечитал хорошенько в намерении отдать в печать, и нахожу его еще не достигшим до этой чести. Притом есть много такого, че-

го не пропустила бы нынешняя привязчивая цензура..." В письме от 22 февраля Петр Андреевич сообщает, что "отдал г. П.С. Кондыреву кашаниковского "Ермака" не читая его" /24/. Писарская копия сочинения И.Т. Калашникова под названием "Ермак-победитель или шитическая картина Чувашской битвы" находится ныне в библиотеке им. Н.И. Лобачевского, куда она попала скорее всего из бумаг П.С. Кондырева /25/. По неизвестным причинам она не была опубликована.

Другая рукопись И.Т. Калашникова, которую П.А. Словоцов отослал П.С. Кондыреву, - "Взгляд на Сибирь" /26/. Сочинение И.Т. Калашникова под названием "Меланхолический взгляд на Сибирь. Фантазия осенняя" находится в документах И.Т. Калашникова в ИРЛИ /27/. На этом экземпляре значительная правка сделана П.А. Словоцким. По-видимому, и это сочинение не увидело свет в Казани. П.С. Кондырев собирался предложить кандидатуру И.Т. Калашникова в члены Казанского общества любителей отечественной словесности и ожидал от него новых трудов /28/. Но уехавший из Сибири друг П.А. Словоцова прервал связи с Казанью.

Если отдельных изданий о Сибири и сочинений сибиряков было опубликовано немного, то значительно более активно выступали сибирские авторы на страницах казанской периодической печати.

Училищный устав, принятый в 1803 г., предусматривал необходимость собирания учителями научных и краеведческих сведений о различных регионах России. Учителя должны были "вести исторические, метеорологические, топографические и статистические записки о губерниях, включая в них сведения о земледелии, времени посева и жатвы, о свойствах земли, употребляемых при земледелии орудиях и др. предметах, потребных к точному познанию общего хозяйства". В Казанском университете к этому пункту устава отнеслись серьезно. В 1811 г. стала издаваться газета "Казанские известия", в которой и печатались поступавшие из разных губерний статьи и заметки. Казанское общество любителей отечественной словесности также ставило одной из своих задач собирать различные песни, сказания, записки, повести, книги, надписи народов, живущих на территории Казанского учебного округа. Многие зависело также от кружков и инициативы местных руководителей народного образования. П.А. Словоцов, как установлено З.Н. Трусовой, будучи визитатором сибирских училищ, "предписал всем директорам училищ составить ис-

торические записки об их училищах, а учителям вести метеорологические наблюдения, поощрял всестороннее изучение своего края, его истории, природных условий и просвещения" /29/. Министр народного просвещения обратился к сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю с просьбой оказать учителям содействие в этой деятельности.

На основании имеющихся источников мы можем сделать вывод о том, что деятельность сибиряков по описанию края и сбору сведений в этот период носила отнюдь не исключительный характер, однако она наталкивалась на определенные трудности.

В 1809 г. директор тобольских училищ барон А. Эйбен ходатайствовал перед тобольским губернатором о предоставлении "старшему учителю Менделееву способов к приобретению данных для предпринятого им "Статистического описания Тобольской губернии" /30/.

И.П. Менделеев много лет служил в учебных заведениях Казанского учебного округа, он преподавал философию, изящные науки, политическую экономию, а также логику и русскую словесность. Это был педагог опытный, ценимый начальством и не чуждый самостоятельной творческой деятельности, в том числе переводческой. Так в письме (черновик) директора Казанского университета Г.Б. Никольского попечителю учебного округа М.Л. Магницкому содержится следующая характеристика сибирского педагога: "... Менделеев, хотя он от природы весьма основателен и степенен, впадал почти в общий дух времени, то есть вольнодумство, признание в том слышал я от него лично, и потому подозрение Ваше по переводу римских древностей весьма основательно. Но ныне, слава Богу, чума сия от него отстала, он от чистого сердца исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша и принадлежит к отличным директорам..." /31/. И.П. Менделееву принадлежала, по свидетельству А. Сулоцкого, одна из самых значительных личных библиотек в Тобольске /32/. Краеведческую работу И.П. Менделеев продолжал и в 1816 г.

К этому времени относится развитие конфликта между А.И. Арнгольдом и тобольским губернатором Фан-Брином. Он связан с деятельностью сибирских педагогов по изучению края. А.И. Арнгольд ходатайствовал "о дозволении производить самому в архивах справки относительно нужных по упомянутому делу статей" (т.е. по описанию края). Фан-Брин однако потребовал, чтобы А. Арнгольд для этой цели запрашивал материалы непосредственно у него, а не из

присутственных мест. Комитет ученых записок Казанского университета, куда обратился А. Арнгольд для разрешения вопроса, просил губернатора "доставить директору и учителям дозволение на непосредственное с подведомственными Вашему превосходительству местами и лицами сношение по ученым сим занятиям, как сие и прежде было" /33/. Однако сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель поддержал Фан-Брина, и А. Арнгольду пришлось отступить.

Аналогичные трудности встретил и тюменский учитель Лепехин в 1816 г., когда для составления описания города Тюмени и его уезда в историческом и статистическом отношении обращался с некоторыми вопросами к городничему. Фан-Брин указал, что с подобными вопросами к городничему, обремененному делами, обращаться "несовершенно", и что Лепехин мог найти ответы на свои вопросы "в истории, в календарях почтовых". В ответ на такой совет А. Арнгольд писал тобольскому губернатору, что "есть ли бы цель ведения записок состояла в выписках из книг, но как цель правительства есть дополнить и поверить самые исторические книги с верными выписками из документов или основательных преданий почерпнутых, то и была бы выписка из существующих уже в печати книг несообразна цели..." /34/. Н.П. Загоскин считал, что составление записок находилось в зависимости от личной воли губернских властей и утверждал, что такие конфликты, как в Тобольской губернии, были нередкими /35/.

Большую активность в сборе краеведческих сведений о Сибири проявил директор училищ Иркутской губернии И.Е. Миллер. В 1813 г. он послал в комитет по изданию "Казанских известий" 10 корреспонденций с собранными им сведениями, в частности, - сведения о ценах на товары в Иркутске и Троицкосавске, объявление о торгах в Иркутске, о праздновании при получении известия о победе над неприятелем. Были присланы также "Известия о поступлении в Иркутское уездное училище сына Индинского бурятского тайши Чегуринича", "Обозрение состояния иркутских училищ", "Об иноверцах в Иркутской губернии обитающих" /36/.

Казанский университет готовил кадры педагогов, некоторые из них служили позднее в Сибири. Вопрос о культурной деятельности выпускников Казанского университета в Сибири нуждается в специальном рассмотрении, но важно отметить, что некоторые из выпускников не теряли связей со своей alma mater и сотрудничали с казанскими периодическими изданиями. Одним из таких выпускников был

В.И. Антропов, опубликовавший в "Заволжском муравье" две корреспонденции: "Письмо из Иркутска" и "Отрывок из путевого журнала. Красноярск, 25 января 1832 г." /37/.

Другой пример - учитель А.С. Маклаков, служивший с 1821 по 1826 год в Тобольской гимназии. В указателе В.С. Манассеина не упоминается ни одного сочинения А.С. Маклакова, но факт сотрудничества с казанскими периодическими изданиями нашел отражение в переписке Г.Б. Никольского и М.Л. Магницкого. Директор университета предлагал опубликовать в "Казанском вестнике" какое-то сочинение А.С. Маклакова: "Последнее сочинение сильно, но имеет места слишком резкие и сатирические. Если благоволите напечатать, прошу покорнейше возвратить их" /38/.

Сохранились списки краеведческих сочинений, присланных в Казань из разных губерний Сибири. В 1816 г. от иркутского директора училищ П.А. Словцова было получено 9 сочинений, от томского директора училищ Мавзолевского - 1 /39/. 28 сентября 1818 г. в Совет Императорского Казанского университета были направлены ученические записки "числом до 155 с общим списком оных", в том числе 58 из сибирских губерний (в их число вошли и те, что были получены в 1816 г.). Список 1818 г. включает в себя раздел по Тобольской губернии, который выглядит скромно по сравнению с Иркутской (возможно, из-за тех трудностей, о которых шла речь выше). От тобольских корреспондентов поступило 5 статей, из которых 4 представляли собой записки об учебных заведениях края. Из Томской губернии было прислано 2 статьи /40/.

Иная картина наблюдалась в Восточной Сибири, откуда поступила 51 статья, из них 13 - от П.А. Словцова, 1 - от Миллера, 10 - от надворного советника Лосева, 4 - от И. Калашникова, 2 - от С. Шукина, 4 - от Н. Шукина, 1 - от ученика Иркутской гимназии Брагина, 2 - от Воронина, 1 - от Амвросова, 1 - от Голубцова, 2 - от Чернышева, 1 - от Дертенденинова /?/, 2 - от Сизова, 2 - от Бейтона и 5 - без указания авторов или составителей /41/. Представленные в списке статьи разнообразны по содержанию: исторические, в том числе документы из архивов, географические описания, по экономическим вопросам, этнографические заметки и т.д. Присланные сочинения рассматривались комитетом для составления ученических записок, иногда отсылались авторам для поправок. Большая часть перечисленных в списке 1818 г. записок была опубликована в "Ка-

занских известиях" за 1816 - 1818 гг. П.А. Словцову была вынесена благодарность за "отличную ревность и труды касательно ведения ученых записок"/42/.

Работа по выявлению сибирских публикаций в казанских периодических изданиях была проведена В.С. Манассеиным. Общее число приведенных в его указателе названий - 154. По отдельным периодическим изданиям картина выглядит следующим образом:

"Казанские известия"	1811 - 1820	112
"Казанский вестник"	1820 - 1832	11
"Прибавления к "Казанскому вестнику"	1821 - 1834	2
"Заволжский муравей"	1832 - 1834	15
"Ученые записки Казанского университета"	1834 - 1860	10

Кроме того, В.С. Манассейн включил в свой указатель статьи из "Казанских губернских ведомостей" за 1843 - 1844 гг. (4). Таким образом, наибольшее число статей о Сибири было опубликовано в первые 17 лет вхождения Сибири в Казанский учебный округ. Из авторов, писавших о Сибири, наибольшей активностью отличались П.А. Словцов (13 статей), Иркутский губернский землемер А.И. Лосев (10), казанский востоковед О.М. Ковалевский (5), И.Е. Миллер (5) /43/, И.Т. Калашников (4), С.С. Щукин (3), остальные - в том числе те, фамилии которых не установлены, - по 1 или 2 статьи.

Больше всего сибирских материалов было опубликовано в "Казанских известиях". По годам публикации располагались следующим образом: 1811 - 2; 1812 - 6; 1813 - 10; 1814 - 10; 1815 - 4; 1816 - 25; 1817 - 35; 1818 - 9; 1819 - 4; 1820 - 7. Пик активности сибирских краеведов приходится на 1816 и 1817 гг., что хорошо подтверждается и упомянутыми выше списками присланных в Казань сочинений. Авторами "Казанских известий", помимо педагогов, были сибирские чиновники различных ведомств. После прекращения издания "Казанских известий" интенсивность публикаций сибиряков в периодических изданиях города заметно сократилась. Исключением, заслуживающим особого рассмотрения, является "Заволжский муравей", напечатанный за 3 года своего существования 15 материалов, связанных с Сибирью. На наш взгляд, уменьшение публикатор-

ской активности сибиряков в казанских периодических изданиях можно объяснить, во-первых, тем, что с выходом из Казанского учебного округа ослабли связи с Казанью, во-вторых, переориентацией пишущих сибиряков на столичные издания.

При рассмотрении сибирской книжной культуры в контексте общерусской обращают на себя внимание отношения Сибири с Казанью как культурным центром огромной провинции. В сфере издательской деятельности отмечается малое количество изданий отдельных сочинений и тесное сотрудничество с периодическими изданиями города, которые в известной мере и создавались с расчетом на провинциального корреспондента. Можно согласиться с выводом В.С. Манасеина о том, что казанские издания играли для Сибири роль местной периодической печати, однако с существенной оговоркой – это относится к "Казанским известиям" и в значительно меньшей степени к другим изданиям.

Конец 20-х – 30-е гг. справедливо считаются временем расцвета сибирского краеведения. Однако этот расцвет подготовлен более ранними явлениями в этой области, одно из которых – подъем публикаторской активности середины второго десятилетия XIX в., связанный с деятельностью Казанского учебного округа, казанскими периодическими изданиями.

Культурные связи с Казанью продолжались и после того, как Сибирь вышла из состава Казанского учебного округа: сохранилась традиция посылать студентов в Казанский университет, а свои произведения – в казанские журналы, поддерживались возникшие личные связи. Кроме того, сформировавшиеся под влиянием взаимодействия с Сибирью направления научной деятельности университета – в частности, востоковедение – дали ряд публикаций казанских ученых о Сибири.

Примечания

1. Загоскин Н.П. История Казанского университета. Казань, 1900. Т. 2, ч. 2. 697 с.; Булич Н. Из первых лет Казанского университета (1805 – 1819): Рассказы по арх. документам. Казань, 1887. Ч. I. 644 с.; Попов Н. Общество любителей отечественной словесности и периодическая литература в Казани с 1805 по 1834 г.

// Рус. вестн. - 1859. Т. 23. С. 52 - 98; Описание рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Казань, 1968. Вып. 15. Материалы по истории Казанского университета первой половины XIX в. / Сост. Аристов В.В. С. 102; Лобачевский Н.И. Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма. М., 1976. 663 с.; Парамонова Н.Б. Книгоиздательская деятельность Казанского университета в первой половине XIX века: Автореф. дис...канд. филол. наук / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н.К. Крупской. Л., 1977. 16 с.; Востоковедные центры России в первой половине XIX века / Базиняц А.П., Борщевский Ю.Е. Шазитова Н.А. и др.//История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 118 - 140 и др.

2. Лобачевский Н.И. Научно-педагогическое наследие... С. 325.

3. Парамонова Н.Б. Книгоиздательская деятельность... С.15.

4. Замахаев С.Н., Цветаев Г.А. Историческая записка о Тобольской гимназии. 1789 - 1889 год. Тобольск, 1889. С. 3 - 76; Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1924. 246 с.; Трусова З.Н. Общественно-политические взгляды П.А.Словцова: Дис...канд. ист. наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1969. 550 с., УШ; Малышева М.П. Из истории формирования педагогических кадров гражданских школ городов Западной Сибири в конце XVIII - первой половине XIX в.// Города Сибири: (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978. С. 189 - 211 и др.

5. Азадовский М.К. Сибирская беллетристика тридцатых годов // Азадовский М.К. Сибирские страницы: Ст., рец., письма. Иркутск, 1988. С. 26 - 118; Очерки русской литературы Сибири. В 2 т /АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. Т. I. Дореволюционный период. Новосибирск, 1982. С. 196 - 197 и др.

6. Манассеин В.С. Возникновение и развитие идеи учреждения сибирского университета в связи с историей просвещения в Сибири в первой четверти XIX столетия. Иркутск, 1924. С. 13 - 14; Манассеин В.С. Сибирь в казанской периодической печати первой половины XIX столетия: (Библиогр. указ.). Иркутск, 1927. С. 4; Каталог

книг, отпечатанных в типографии Императорского Казанского университета с 1800 по 1896 год / Сост.: Соловьев А., Катанов Н.Ф. Казань, 1896. С. 8, 22, 37, 41.

8. А.И. Арнгольд опубликовал в Казани некоторые переводы медицинских книг с немецкого языка, напр.: Мартенс Ф.-Г. Обзорение практического родоврачебного искусства относительно различных положений младенца и важнейших ручных и инструментальных операций, для удобного обозрения младым родоврачам и для руководства при практических упражнениях над фантомом, начертанное в таблицах. Казань, 1813; Геккер А.-Ф. О нервных горячках, свирепствовавших в Берлине 1807 года с примечаниями о раздражающем, укрепляющем и ослабляющем методе врачевания. Казань, 1814.

9. ЦГА ТАССР, ф. 977, Совет, д. 302, л. 7.

10. НБ КазГУ, 4165, л. 2.

II. Земахаев С.Н., Цветаев Г.А. Историческая записка... С. 55 - 57.

12. ЦГА ТАССР, ф. 977, Совет, д. 213, л. 2 - 4.

13. Там же, ф. 92, оп. I, д. 973, л. I - 7.

14. Там же, ф. 977, Совет, д. 302, л. I - 12.

15. Описание рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Вып. 15. С. 3, 76 - 79, 81.

16. Там же. С. 79.

17. ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. I, д. 1012, л. 154 - 154 об.

18. Там же, л. 113.

19. Там же, л. 115.

20. Там же, л. 145, об.-146 об.

21. Попов Н. Общество любителей отечественной... С. 71.

22. ОР ИРЛИ, ф. 120, д. 100, л. 52 об.

23. НБ КазГУ, 7661, л. 10.

24. ОР ИРЛИ, ф. 120, д. 100, л. 25, 26.

25. НБ КазГУ, 7809.

26. ОР ИРЛИ, ф. 120, д. 100, л. 28 об.
27. Там же, ф. 120, д. 5.
28. Там же, ф. 120, д. 100, л. 28 об., 32.
29. Загоскин Н.П. История Казанского университета. Т. 2, ч. 2. С. 233; Описание рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Вып. 15. С. 75; Попов Н. Общество любителей отечественной... С. 65; Трусова З.Н. Общественно-политические взгляды П.А. Словцова... С. 114.
30. Загоскин Н.П. История Казанского университета. Т. 2, ч. 2. С. 235.
31. НБ КазГУ, 4019, л. 4 об.
32. Сулоцкий А. Библиотеки генерал-губернатора Вельяминова, архиепископа Амвросия П, Словцова, Менделеевых и Коллета // Тобол. губ. ведомости. 1858. № 28. С. 487 - 488.
33. ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. I, д. 604, л. I об.
34. Там же, л. 12 об., 15.
35. Загоскин Н.П. История Казанского университета. Т. 2, ч. 2. С. 236.
36. Описание рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского. Вып. 15. С. 80; Манассеин В.С. Сибирь... С. 28.
37. Манассеин В.С. Сибирь... С. 31 - 32.
38. НБ КазГУ, 4019, л. 44.
39. Загоскин Н.П. История Казанского университета. Т. 2, ч. 2. С. 240.
40. ЦГА ТАССР, ф. 977, Совет, д. 361, л. 15, 16 об.
41. Там же, л. 13 об. - 15.
42. Там же, л. I.
43. По-видимому, с И.Е. Миллером связано гораздо большее число публикаций, если судить по тому, что только в 1813 г. им было отправлено 10 корреспонденций в Казань.

ЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ И КРУГ ЧТЕНИЯ СОСЛОВНЫХ "НИЗОВ" СИБИРИ
(первая половина XIX в.)

Тезис о "бескнижности" Сибири, издавна существовавший в отечественной историографии, был пересмотрен в 30-х гг. XX в. и окончательно развеян работами М.К. Азадовского, Е.Д. Петряева и других сибирских исследователей. Однако до середины 60-х гг. у специалистов оставалось еще много нерешенных вопросов, в том числе о народном чтении. Археографические экспедиции 60 - 80-х гг. выявили целый пласт рукописной литературы, бытовавшей среди русского населения Сибири в период позднего феодализма. После этого на повестку дня встали вопросы о светском чтении, распространении печатной книги среди социальных "низов" региона: крестьян, мещан, солдат, казаков, мастеровых, ссыльнопоселенцев и каторжан

В данной статье мы рассмотрим состав личных библиотек и круг чтения представителей указанных выше различных социальных групп и классов (на примере первой половины XIX в.). Источниками для изучения данного вопроса послужили мемуары, дневники, архивные документы, записи на книгах. Интересные факты и теоретические положения взяты нами из работ русских, советских и зарубежных исследователей (С.В. Максимов, Н.А. Миненко, М. Бивен и др.)

Крестьянство, при всей его неоднородности и расслоенности, имело в основе чтения "книжное ядро", состоявшее из религиозных сочинений и дубочной литературы /1/, причем в репертуаре крестьянского чтения преобладали, по-видимому, "церковные" и "назидательные" книги (богослужбная литература, Четьи-Минеи и т.п.), в основном рукописные, переписанные с печатных, а также оригинальные сочинения сибирских писателей-старообрядцев. Один из таких деревенских сочинителей, уроженец д.Кулаковой Тименского уезда Тобольской губернии Артемий Лазарев, не только распространял среди своих грамотных приверженцев полемические послания, но и был хранителем общественной библиотеки старообрядцев филипповского толка. Библиотека состояла из старопечатных книг и рукописных "цветников", сочинений духовного содержания. Среди последних были: Житие святой Феодоры, Прологи, Воскресное Евангелие, Кормчая и Степенная книги, "Олонецкие ответы" Симеона Денисьева, "Апока-

липсис" Иоанна Богослова и др. Лазарев регулярно устраивал коллективные читки, на которых присутствовали как старообрядцы, так и крестьяне православного вероисповедания. После чтения "Олонецких ответов", Кормчей или Степенной книг происходили дискуссии. По воспоминаниям Н.М. Чукмалдина, возражая оппоненту, Лазарев приводил доводы, "ссылаясь на книги и указывая даже страницы, где известный текст напечатан или написан" /2/.

Наряду с ценным имуществом книги переходили от родителей к детям или завещались церквям и пополняли церковные библиотеки. "Сию святую книгу по смерти своей благословляю сыну своему Дмитрию...", - можно прочесть по листам хранящегося в собрании рукописных книг ТФ ГАТомО сборника духовного содержания, датированного 1816 г.; запись оставил крестьянин Кузьма Алгазин, завещавший сыну Дмитрию еще одну книгу - "Житие и похвала, чудеса и служба Николая Мирликийского" /3/. Местной Петропавловской церкви оставил книгу "Праздники нотного пения" /М., 1786. 2-е изд./ в начале XIX в. крестьянин с.Богучаны Енисейской губернии Н.П. Буянов /4/.

Кроме доставшейся от родителей в крестьянские библиотеки, конечно же, приобреталась и дополнительная литература, не обязательно новых лет издания. Покупку необходимой или приглянувшейся книги могли себе позволить крестьяне с "капиталом" или крестьянское общество на собранные с "мира" деньги. "Кушлин... опшеством Тарбагатайским в Надеино... у Амеляна Трифонова", - значится на Октоихе, изданном в конце XV в. в Москве. Книга была приобретена старообрядцами для библиотеки своей общины в 1857 г. /5/.

Крестьяне, в том числе старообрядцы и "семейские", пользовались не только древней религиозной, но и новой светской литературой. "Понятие старообрядческой книги неоднозначно. В описях изъятых книг упоминаются и книги дониконовской печати и более поздние рукописные сборники и рукописные тетради", - пишет О.Н. Бахтина, ссылаясь на материалы ГАТО /6/. Инженер Алексей Мартос в 1824 г. останавливался в доме торгующего крестьянина Ф.И. Заиграева из с.Тарбагатай (Забайкалье). Более всего Мартоса удивило то, что в доме крестьянина он нашел "за 6500 верст от столицы петербургские политические и литературные периодические издания" /7/.

Крестьянин с.Чечуйск Киренского уезда Иркутской губернии П.В. Ядрихинский в 1843 г. выписывал и читал "Земледельческую га-

зету", издаваемую МОСХ, пользуясь указаниями, опубликованными в газете, он занимался картофелеводством. Староста с.Ключевское на Камчатке, по свидетельству посетившего его в 1851 г. чиновника К. Дитмара, "был не без некоторого образования: в комнате его видны были разные книги сельскохозяйственного содержания..." /8/. Более 30 крестьянских селений и многие крестьяне "сами для себя лично" подписались в 1828 г. на "Земледельческий журнал" (данные МОСХ по Западной Сибири). Один из сибирских крестьян "выпросил" у декабриста Н.А. Бестужева "Вспомогательную книгу для помещиков и сельских хозяев" В.А. Крейсига, переведенную с немецкого языка и дополненную примечаниями С.М. Усова /9/. Приводимые факты - не исключение, они позволяют говорить о массовом спросе сибирских крестьян на сельскохозяйственную литературу.

Известно, что большое число сибирских крестьян подписалось на тома "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина /10/. Кроме того, среди них имели хождение и другие исторические сочинения: сибирские летописи, труды историка Г.Ф. Миллера и т.д. /11/. Опираясь на книги исторического содержания, местные архивы и воспоминания старожилов, крестьяне занимались и краеведческой работой: создавали сочинения по истории своих сел, составляли крестьянские родословные, публиковали статьи в периодической печати /12/. Одним из таких краеведов был сын крестьянина-бедняка, уроженец с.Верхне-Ярского Шадринского уезда Тобольской губернии А.Н. Зырянов. Зырянову принадлежит более 40 историко-краеведческих работ по истории отдельных поселений, по крестьянскому движению и пр. /13/. Для своих земляков Зырянов устроил в с.Иванищевском общедоступную библиотеку, в которой была широко представлена литература светского содержания, в том числе "доставленные" секретарем Русского археологического общества Д.В. Поленовым экземпляры изданий РАО.

Женщины-крестьянки иногда также выступали активными читателями характерной для круга чтения всего крестьянства Сибири религиозной литературы. О крестьянках Бурлинской волости (Алтай) сообщалось, что у них "грамотники есть из обоих полов и читают разные церковные книги..." /14/. Хотя заметка, приведенная крестьянином-корреспондентом МОСХ П. Школдиним, относится к началу 60-х гг. XIX в., женщины-читательницы были в регионе и в первой половине указанного столетия. Так, на "Грамматике" Мелентия Смот-

рицкого (М., 1648), поступившей в собрание ИИФФ СО АН СССР из Горно-Алтайской автономной области, имеется запись скорописью: "Сия святая книга грамматики купл/ена/ у Федосьи Игнатьевны... Алтайской в /олости/ де/ревни/ Солиной сего 1839-го году марта месяца" /15/. Запись, датирующаяся примерно серединой XIX в., прочитывается на рукописном сборнике, включающем месяцеслов и святцы: владельцей книги была "Дмитрева Авдотья" (возможно, грамотная тобольская крестьянка) /16/.

Хотя книги и стоили дорого, крестьяне побогаче приобретали их "у офен" и на ярмарках, в городских книжных лавках /17/ и друг у друга. Крестьянин д.Костиной Матвей Асокин в 1845 г. купил за 15 р. "книгу гласную" на нотах-крюках, имевшую прежде двух владельцев, в том числе крестьянина д.Селезневой М.Евдокимова /18/. Иногда за неимением денег расплачивались "натурой". На "Арифметике" Леонтия Магницкого (М., 1703) из коллекции ТОКМ сохранился фрагмент владельческой записи 1812 г.: "...сына Рубина ценою за 5 руб. и за три осьмых вина..." /19/.

Хозяином найденного в 1860 г. мешка, поступившего в Ялуторовский земский суд, оказался торгующий "по свидетельству 3-го рода" крестьянин Тобольской губернии Н.И. Перевалов; среди прочих вещей и документов (накладная возам, реестр закупувавшихся на Ирбитской ярмарке товаров) оказались три книги, в том числе: "Рассказ головы крестьянам о том, как поднесена была хлеб-соль государю императору" и "Марфа Васильевна, третья супруга Иоанна Грозного" /20/. Связь зажиточности с начитанностью прослеживается достаточно четко. Дело заключалось не только в том, что у "торгующих", "капиталистских" крестьян было больше финансовых возможностей приобретать книги, но и в том, что, бывая на ярмарках, занимаясь извозом и прочим, люди расширяли свой кругозор, приобщались к культурным ценностям более высокого уровня. Крестьянин Каменской волости Тюменского округа Тобольской губернии К. Шешуков в 20-х гг. XIX в. занимался извозом; значительно позднее, в 60-е гг., тот же Кондратий Кузьмич Шешуков являлся уже тюменским купцом и потомственным почетным гражданином, членом-корреспондентом Тобольского губернского статкомитета и выборным членом совета Тюменской женской школы /21/.

Правительство и сибирская администрация, заботясь "о народном здравии, о упадках скота", со своей стороны прилагали неко-

торые усилия к распространению по деревням рекомендаций и справочников: о первой помощи при несчастных случаях, о целебных свойствах трав, о способах лечения сибирской язвы и детских болезней /22/. Но так как текст "грамотки" читал писарь, часто по складам, да еще текст зачастую был написан невразумительным для крестьян языком, то эффект от подобных "читок" бывал невелик, хотя и они влияли на крестьянские знания в области медицины и ветеринарии /23/.

Чтение правительственных указов и распоряжений местного начальства помогало развитию социально-политического сознания и юридических знаний крестьянства. В одном из прошений 1842 г. генерал-губернатору Восточной Сибири забайкальские старообрядцы требовали его распоряжения местным чиновникам о выдаче крестьянам копий присылаемых в волость указов, так как "местные начальства... читают указы, которых вовсе содержания с одного раза понять невозможно", а о "слышании" его (как и в случаях читки медицинских и прочих наставлений) берут подписки /24/. Жители Нижне-алабугтской волости Тобольской губернии, "быв в общем собрании, в волостном правлении, изъявили желание иметь в оном правлении Свод законов /издания 1857 года/, на выписку коего пожертвовали денег 40 руб. сер.", за что Курганский земский суд объявил "обществу" благодарность /25/. В данном акте, по-видимому, также сказалось желание иметь под рукой законодательные материалы, чтобы при случае заявить о своих правах, по примеру забайкальцев /26/.

Таким образом, мечты шефа жандармов Л.В. Дубельта о неграмотном "мужичке", воображение которого "не воспламеняется чтением журналов и всякой литературы" /27/, никак не могли отражать сибирскую действительность.

Мещанство, представлявшее собой отдельное сословие городских жителей, не было социально однородным: одни из мещан входили в состав мелкой буржуазии, другие становились наемными рабочими. В источниках сведения о социальном статусе, как правило, отсутствуют; часто лишь констатируется факт существования мещанских библиотек. Так, в 1823 г. начальник Арктической экспедиции Ф.П. Врангель видел у мещанина Дорохова из Верхоянска "шкаф с сочинениями наших лучших писателей" /28/. В 1840 г. в Нерчинскую заводскую библиотеку поступила партия книг, купленных у мещанина

Зырянова за 51 р. 42 3/4 к. сер. /29/. О составе партии сведений нет. Вряд ли у мещанина были книги по горнозаводскому производству, но для Нерчинской и Алтайской заводских библиотек приобретались и исторические сочинения, и романы, тяготевшие к лубочной литературе /30/.

В секторе редких книг ТОНБ хранится "Описание Финляндской войны на сухом пути и на море, в 1808 и 1809 годах" А.И. Михайловского-Данилевского (Спб., 1841), с владельческой записью: "Из книг тарского мещанина Алексея Третьякова"/31/. Среди подписавшихся на издание "История двух царствований" (Спб., 1844. Ч. I - 4) были тименские мещане Алексей Кропивин и Павел Шешуков /32/.

Один из первых русских романов - "Повесть о Францеле Венециане" - приобрел большую популярность в России как в XVIII, так и в XIX в. Информацию о бытовании книги в Сибири дает рукописный экземпляр повести из собрания ГЛ. Судя по записям, его хозяином некоторое время был енисейский мещанин Кузьма Швецов, который давал его читать другому лицу, входившему в "мещанское общество" г. Енисейска /33/. В описи имущества селенгинского мещанина Шелкунова значились "четыре божественные разного содержания книги" (оценивались в 20 р.) и "одна книга описание Иерусалима" (3 р.) /34/.

Городские книголюбцы могли участвовать в аукционных торгах. Так, в 1809 г. томский мещанин Михаил Клестов приобрел на аукционной распродаже библиотеку купца 3-й гильдии М.И. Храпина за 175 р. /35/. Состав храпинско-клестовского собрания неизвестен. Однако по данным исследователя А.И. Кудрянова, в 1835 г. вдова Михаила - Аграфена Клестова с сестрой, мещанской женой Анной Данилевской, передали в Томскую публичную библиотеку 22 книги журнала "Христианское чтение" за 1821 и 1822 гг. /36/.

Косвенно мы можем судить и о появлении у отдельных представителей мещанского сословия интереса к прогрессивной общественно-политической литературе. Красноярский мещанин А.П. Юшков входил в кружок купца А.М. Кабакова и чиновника А.Г. Худоногова, отличавшихся "свободословием" и связанных с петрашевцами. "Они много читали и обменивались своими впечатлениями о прочитанном" /37/.

Мастеровые (рабочие чины) в первой половине XIX в. рассматривались царским правительством как "особенное сословие", хотя многие из них были выходцами из крестьян и мещан. Мастеровые об-

ладали более высоким образовательным цензом и имели в ряде случаев более широкий доступ к книге. Занятие на крупном производстве со сложной техникой, перемещаемые по службе с одних заводов на другие, они обладали и большим кругозором. В Кольвано-Воскресенском и Нерчинском горных округах работали школы для подготовки специалистов горного дела и квалифицированных рабочих, а в Барнауле — училище, хорошо снабжавшееся книгами и учебными пособиями. Система подготовки кадров для сибирских заводов и рудников сыграла положительную роль в повышении культурного уровня и развитии книжных интересов горнозаводских "низов" /38/. Здесь мы рассмотрим круг чтения мастеровых исходя из профессий и званий, указанных в источниках; возможно, часть их числилась в крестьянском или мещанском сословиях.

В декабре 1819 г. чиновник Салаирской горной конторы отчитывался перед заведующим Барнаульской казенной библиотекой о взятых читателями и не возвращенных в срок книгах. Из отчета следовало, что из 7 упомянутых пользователей библиотеки только 3 по своим званиям выпадают из системы классовых чинов: школьник Басарев, мастер Зеленцов и унтершхтмейстер Г. Вецель /39/.

В горнозаводской иерархии низшие ступеньки занимали мастеровые и бергайеры (от немецкого "бергауер" — рудокоп). Отставные мастеровые жили в деревнях или при заводах и могли пользоваться крестьянскими общинными или горнозаводскими казенными библиотеками.

Печатники и "типографические ученики" горнозаводских типографий в Нерчинске и Барнауле имели доступ к книгам — во всяком случае к тем, которые они печатали. Кадры для типографий набирались "из школьников" или "из рудоразборщиков"; многие из них были сыновьями мастеровых. Так, "из мастерских детей" происходили алтайские первопечатники, работники первой барнаульской типографии Денис Аркашев, Порфирий Ложников и Кузьма Масталыгин /40/. Печатники, направляемые на службу в Сибирь, получали низший классный чин коллежского регистратора и таким образом пополняли собой ряды чиновничества. Вызванный из Петербурга в Тобольск "для управления типографией" наборщик типографии МВД Гессе был произведен в чиновники XIV класса /41/.

Мастеровые, получившие классные чины (например, шхтмейстера), также становились на первые ступеньки административной лест

ницы. Они имели более высокое жалованье и больше времени для изобретательской или конструкторской деятельности. В работе им помогали книги из личных библиотек своих коллег, а главное - из Нерчинской и Барнаульской казенных библиотек. "Горные инженеры из мастеровых, которым был закрыт доступ в высшие школы, - писал Н.Я. Савельев, - приобщались к наукам только путем чтения книг" /42/.

Однако в основном "книжное ядро" чтения мастеровых и бергайеров было близко к крестьянскому и мещанскому. На "Прологе", содержащем русские жития, имеется запись скорописью XIX в.: "Сей Пролог принадлежит бергайеру Андрею Богданову" /43/. Несомненно, отставному мастерскому принадлежал рукописный сборник начала XIX в. "О пришествии Антихриста", на котором в 1829 г. была сделана надпись о принадлежности его "отставному Василью Иванцову Шнякинскому заводу" /44/. В 1859 г. "уволенному от службы" (возможно, также мастерскому) В.О. Дербину из Нерчинской библиотеки выдавались 4 части книги "Шемякин суд" П.П. Свинына /45/. Металлург Степан Литвинов читал "Технологический" и "Горный" журналы (первый издавался до 1826 г., второй - с 1827 г.), выписывал книги и периодические издания из Петербурга, откладывая из своего жалованья по несколько рублей ежегодно; благодаря этому Литвинов был всегда в курсе новейших изобретений и научных открытий /46/. Сборник "Прозаические сочинения учеников Иркутской гимназии" (Спб., 1836) выписывали и "жители" Тельминской фабрики и Александровского завода /47/; не исключено, что среди них были и высокооплачиваемые мастера.

Мы не знаем, читали ли книги рабочие на золотых приисках. Чтение, кроме возможности взять (купить) книгу, предполагает возможность ее прочесть, т.е. наличие свободного от работы, еды и сна времени. Но такого времени у приисковых рабочих не было: их работа, "одна из египетских работ, - по свидетельству Г.Н. Потанина, - начинается в 5 часов утра, если не раньше, и кончается всегда гораздо позже 8 часов вечера, с отдыхом только во время обеда, продолжавшегося один час" /48/.

Значительно больший досуг имели вахтеры, сторожа, "поторжанные" работники*. Назначенный в крепость Акиву в 1840 г. вахтер

* Вахтер - смотритель хлебного магазина или вещевого склада; "поторжанный" - вольнонаемный работник (в отличие от мастеровых).

привез на новое место службы и свои книги; в их числе были "Милорд Георг", "Француз Венециан" и др. /49/ - типичный пример лубочной литературы. Кузнец Петровского завода А.П. Шершин читал "много из сочинений Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Шиллера" (из последнего - "Орлеанскую деву"), а также "заграничные издания", т.е. "Колокол" и "Полярную звезду" А.И. Герцена; литературой снабжал его декабрист И.И. Горбачевский /50/.

Мы уже приводили выше пример "использования" книг неграмотными крестьянами: они были слушателями во время коллективных чтений. Здесь, нам кажется, уместно привести другой пример подобного рода. Будучи неграмотным, тименский кузнец Яков Удалов пользовался попавшей ему в руки книгой Н. Писаревского "Общепользная механика" (Спб., 1854. Т. I - 2). Рассматривая помещенные в книге рисунки машин и оптических приборов, механик-самоучка пытался воспроизвести их в моделях /51/.

х

х х

К военно-служилому сословию относились казаки и солдаты. О круге чтения этой категории сибирского населения специальных работ пока нет. Однако сказать несколько слов по этому вопросу необходимо, чтобы не поддаваться искушению интерпретировать факты как "отдельно взятые" и "нетипичные", а взглянуть на них с точки зрения возможного обобщения.

Казачество, как более привилегированное по сравнению с крестьянством сословие, а также в силу исполнения служебных обязанностей и поручений*, было более развито. Дети казаков обучались в казачьих школах, и хотя отдельные из этих школ зачастую терпели нужду даже в учебных пособиях (например, Гижигинская казачья школа /52/), грамотность достигала 10% и более /53/.

Казаки несли пограничную и городскую службу, препровождали политических ссыльных (с которыми невольно общались), служили переводчиками в дипломатических экспедициях, воспитателями в казачьих школах, батырщиками в типографиях, даже составляли библиографические материалы. Так, в 1829 г. казачий сотник Шрамов

---

* Ср. также с мастеровыми (в плане служебных обязанностей).

по поручению директора Войскового казачьего училища в Омске составил "Каталог книгам училищной библиотеки..." /54/.

По словам художника В.И. Сурикова, ведущего род из красноярских казаков, его предки были "по своему образованию люди". В подполье суриковского дома в Красноярске было "целое книгохранилище". Большой частью это книги "духовные, ...переплетенные в крепкие кожаные переплеты, но было среди них и кое-что светское, историческое и философское". Дядя Сурикова - Марк Васильевич и Иван Васильевич - выписывали книги, журналы "Современник", "Новоселье"; в детстве Василий Суриков читал "Потерянный рай" Мильтона, произведения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. В станице Бузимовской (Енисейская губерния) во многих домах висели лубочные картинки /55/; в станице Коряковской (Тобольская губерния) жители, в том числе казаки, выписывали газеты и журналы, а "иногда и отдельные сочинения" /56/.

"Командовавшему отрядом казаков г. Суслову" в 1855 г. из Нерчинской библиотеки выдавались "Картины России и быт разноплеменных ее народов" П.П. Свинына (Спб., 1839. Ч. I) и "Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе" А.С. Норова (Спб. 1847) /57/.

В литературе имеются сведения о сибирском казаке-путешественнике А.Л. Назимове, служившем в Забайкальском казачьем полку, первая сотня которого стояла в Кяхте. У секретаря пограничной канцелярии Кожевникова молодой казак обучился грамоте, а у переводчика А.В. Игумнова стал брать уроки монгольского языка и вскоре преуспел в нем. С 20 лет начал с жадностью читать книги по русской и зарубежной истории /58/. Прослужив около 30 лет, Назимов вышел в отставку и вместе с семьей переехал в Верхнеудинск. Его давнишней мечтой было посетить Петербург и другие города России, и вскоре он отправился пешком к берегам Невы. Путешествие продолжалось с марта 1840 по июль 1842 г. Из Петербурга Назимов привез в Верхнеудинск Евангелие "для вклада в Заудинскую церковь" (пожарованное ему великими князьями), ряд других церковных книг - Требник, Псалтырь, Месясцелов, а также несколько книг, подаренных ему столичными литераторами /59/.

Как сильна была тяга отдельных представителей сибирского казачества к хорошей книге, видно из приводимого в "Отрывках из воспоминаний сибирского казака" С.И. Черепанова эпизода: "Однажды

попалась мне поэма Баратынского "Эда". Целый вечер читал я ее и перечитывал. Она так понравилась мне, что я решил списать ее и для этого не пошел на службу" /60/. Из этого эпизода видно также, что традиция переписывания книг бытовала и в казачьей среде.

О культурных устремлениях выходцев из казачьего сословия говорят имена литератора В.П. Паршина, педагога и тюрколога Н.Ф.Костылецкого, бурятского ученого Доржи Банзарова /61/.

Касательно круга чтения солдат можно привести лишь два конкретных факта.

Первый широко известен и приводится даже в историко-книговедческой статье американской исследовательницы Марианны Бивен — об "отставных солдатах", подписавшихся на "Историю государства Российского" Н.М. Карамзина в Сибири /62/. Архивные документы называют имя только одного — это отставной солдат из Нижнеудинска Лев Громов /63/.

Другой факт: в числе читателей Барнаульской заводской библиотеки был солдат Перфильев, очевидно, из горнозаводской воинской команды; он брал для чтения "Стихотворения" П.М. Карбанова /64/.

В России в то время выходили периодические издания, адресованные военному читателю: газета "Русский инвалид" (с 1813 г.), "Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений" (с 1836 г.) и журнал "Чтение для солдат" (с 1847 г.). Главное место в них занимали очерки из русской военной истории, рассказы и беседы на религиозно-нравственные темы, имевшие целью соответствующую идеологическую обработку "защитников царя и Отечества". Эти издания расходились плохо и то под нажимом Военного министерства /65/. Тем не менее часть из них поступала и в Сибирь /66/.

Официальному чтению противостояла народная литература.

Широко распространена среди сибиряков была рукописная поэма "Солдатская жизнь" солдата Имайловского полка Василия Маркова. Предположительно в Тобольске в начале XIX в. была сочинена повесть местного, но безымянного автора под названием "Ефим Томнев, или редкий пример братской любви"; в повести также затрагивается тема солдатчины /67/.

Горемычная солдатская жизнь была близка и понятна многим, в том числе крестьянам-рекрутам, военнслужащим сибирских гарнизо-

нов и крепостей, отставным солдатам, т.е. тысячам потенциальных читателей-сибиряков.

Наиболее угнетенной и эксплуатируемой категорией населения Сибири были ссыльнопоселенцы и каторжане. Они составляли весьма значительную часть жителей региона. Достаточно сказать, что с 1823 г. по 1858 г. в Сибирь было сослано 313 920 человек (считая вместе с членами семей) /68/. Сибирская ссылка была главным поставщиком рабочих на золотые прииски, а каторга — на заводы и в рудники. Как ссыльнопоселенцы, так и осмынокаторжане делились на уголовных и политических. Уголовную ссылку представляли в основном участники народных выступлений[§], а политическую — декабристы, польские революционеры и петрашевцы.

Представить картину читательских интересов указанной категории помогут как конкретные факты, так и косвенные свидетельства. Неоднородность сословного состава ссыльнопоселенцев и каторжан в Сибири подразумевает и неоднородность духовного, культурного уровня ссылаемых. В первую очередь наше внимание привлекает менее изученная (в плане освещаемой нами темы), но более многочисленная группа представителей из народа и разночинцев.

Популярность героев лубочной литературы отразилась даже в местном тюремном фольклоре:

"Тут приходят к нам старые
И ребята молодые
Слушать Франца Венцеяна,
Про Бову и Еруслана /69/.

С.В. Максимов приводит свидетельство из статьи в газете "Северная почта" (середина XIX в.): "Книги духовно-нравственного содержания находятся в немногих тюрьмах, но их арестанты не читают и не хотят читать; других же общепользных книг нет, и, по правилам, оне не допускаются" /70/. Известно, что в Тобольске и в Кургане в 50-е гг. XIX в. арестантам давались для чтения книги /71/, в этих городах, возможно, имелись тюремные библиотеки.

Один из арестантов Омского острога, кавказский горец Али, выучился читать и писать по-русски; обучал его писатель-петрашевец Ф.М. Достоевский, учебником служил "русский перевод Нового завета — книга, не запрещенная в остроге" /72/.

[§] Мы говорим "в основном", так как было много и просто уголовных (убийц, воров, фальшивомонетчиков, мошенников и др.).

Грамотных каторжан откомандировывали "для занятий" в Тобольский приказ писарями /73/, где они могли по роду своих занятий знакомиться с юридической литературой.

Ссылным разрешалось читать Библию (и, вероятно, другие религиозные книги); по словам С.В. Максимова, некто Ярошенко "свернул" в расколничество многих православных, "пользуясь Библией - книгой, дозволенной для чтения ссылных" /74/. При обыске ссылнопоселенца из д.Варгашевой Тобольской губернии Л.Ф. Казанцева (из "духовного звания") были обнаружены книги религиозного содержания /75/; согласно документам Тобольского приказа о ссылных, Казанцев прибыл в Сибирь в 1842 г. из Херсонской крепости, где он служил в арестантской роте (приобрел Казанцев книги уже в Сибири или привез с собой из Херсона - неизвестно).

У политических ссылных было больше возможностей для чтения.

Библиотека декабристов в Петровском каземате была огромной и составляла несколько десятков тысяч томов. Не меньшей, в своей совокупности, была, вероятно, библиотека общества ссылных польских революционеров - "Огула выгнаньцув" /76/. Петрашевцы также могли удовлетворить свои читательские потребности через представителей местной интеллигенции, жен декабристов и публичную библиотеку М.П. Шестунова в Иркутске. Ссылные декабристы, польские повстанцы и петрашевцы установили между собой обмен книгами. Не ограничиваясь этим, политические ссылные снабжали книгами и "низы" сибирского населения. Пока в нашем распоряжении не очень много свидетельств подобного рода. Думается, однако, что дальнейшие исследования подтвердят многочисленность и разнообразие книжных связей политических ссылных с широкими кругами выходцев из народа.

х

х

х

Развитие книжных интересов социальных "низов" Сибири шло от рукописной книги - к печатной, от лубочной литературы - к лучшим произведениям отечественных и зарубежных писателей, от религиозного чтения - к светскому, а в типологическом аспекте - от книг и брошюр - к периодическим изданиям. Спрос на журналы и газеты объясняется интересом к политическим событиям, происходящим как в России, так и за рубежом, а также ростом числа самих периоди-

ческих изданий в стране. На развитие книжных интересов, как мы уже говорили выше, повлияло присутствие в регионе политических ссыльных.

Участие сибиряков в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах подводило читателей из народа к чтению исторической литературы, книг и статей по вопросам местной жизни. Лубочные издания, сформировавшись в своей значительной части как переделка зарубежных рыцарских романов, подготовили интерес к произведениям Мильтона, Шиллера и др.

Нельзя не отметить, что чтение религиозной и лубочной литературы было характерным для всех сословий тогдашней Сибири, как и России в целом /77/. Иркутский губернатор Н.И. Трескин во время разговора с одним из английских миссионеров "неоднократно обращался к Библии", причем обнаружил "прекрасное знание Священного писания"; в круг чтения княгини Кудушевой (Омск) входили Оракул и песенник /78/.

Для книжного дела региона была характерна "миграция" книг среди всех слоев сибирского общества: сословные перегородки были здесь не очень прочными. В результате мещанин мог стать обладателем купеческой библиотеки (и наоборот), ссыльные могли брать книги из ведомственных библиотек, числящийся по службе казаком представитель местной интеллигенции мог читать книги по ориенталистике на немецком языке и т.д. Круг чтения сибиряков во многом определялся социальным положением их самих (или их родителей) до появления в Сибири. Крестьянин, мещанин, солдат, дворянин или ссыльнопоселенец брали с собой или доставали на месте службы (водворения) те книги, которые разрешалось читать, или те, которые они могли взять для чтения у других, попросить в ведомственной библиотеке, выписать из столичных книжных магазинов, купить на аукционе и т.д.

В целом рассмотренные нами материалы подтверждают тот факт, что Сибирь не была "бескнижной" территорией. Представители социальных "низов" являлись владельцами библиотек, участниками тех или иных процессов книжного дела (книгопечатание, книжная торговля, создание общественных библиотек, подготовка библиографических материалов, коллективные читки), в первой половине XIX в. круг их чтения заметно расширился. Данный период стал одним из

важнейших в истории формирования русской региональной книжной культуры в Сибири.

Примечания

1. Некоторые из исследователей относят религиозную литературу к лубочной (см., напр.: Рейтблат А.И. Читатель лубочной книги // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Л., 1990. Вып. 5. С. 127), с этим утверждением можно согласиться лишь отчасти.

2. Цит. по: Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1989. С. 106.

3. Там же. С. 101.

4. Шиндина А.Б. Книги кирилловской печати XVIII века в фондах Красноярской краевой научной библиотеки им. В.И. Ленина: Описание коллекции. Красноярск, 1988. С. 175 – 176.

5. Зольникова Н.Д. Описание книг кирилловской печати XVII – XVIII вв.: (Собр. ИИФФ СО АН СССР) // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 188.

6. Бахтина О.Н. Из истории книжной культуры Томской губернии (архивные дела об изъятии старообрядческих книг) // Книга и книжное дело Сибири: История, современность, перспективы развития. Новосибирск, 1989. С. 228.

7. Мартос А.И. Письма о Восточной Сибири. М., 1827. С. 112.

8. Белоножко Ю.А. Сельскохозяйственная литература в дореформенной Сибири и МОСХ // Развитие книжной культуры Сибири XIX – начала XX вв. Новосибирск, 1982. С. 44, 47 – 48, 50 – 51.

9. Цуприк Р.И. О роли книг в жизни и деятельности декабристов в условиях забайкальской ссылки // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 126.

10. См., напр.: Горбань Н.В. Сибирские читатели Карамзина // Ом. правда, 1946. 9 июня. С. 1.

11. Миненко Н.А. Живая старина... С. 107.
12. Миненко Н.А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. Новосибирск, 1986. С. 39.
13. О Зырянове и его библиотеке см.: Смирнова В.И. Краевед А.Н. Зырянов: интересы, библиотечные занятия // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1985. С. 19 - 26.
14. Цит. по: Миненко Н.А. Живая старина... С. 106.
15. Зольникова Н.Д. Описание книг кирилловской печати... С. 219 - 220.
16. Дергачева-Скоп Е.И., Ромодановская Е.К. Собрание рукописных книг Государственного архива Тименской области в Тобольске // Археография и источниковедение в Сибири. Новосибирск, 1975. С. 122.
17. Миненко Н.А. Живая старина... С. 102.
18. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 421.
19. Бахтина О.Н., Ветшева Н.Е., Комарова О.Ю. Рукописи и старопечатные книги Томского областного краеведческого музея: (Охран. опись) // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. Новосибирск, 1984. С. 137.
20. Розыскания // Тобол. губ. ведомости. 1860. № II. С.89.
21. Кузьмина Ф.С. Извозный промысел сибирских крестьян в 20 - 30-е годы XIX в. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979. С. 32. Негативную характеристику Кондрата Шешукова как сибирского воротилы, прошедшего путь от крестьянина, промышленявшего "извозом с разбоем", до образованного хапуги-живоглота, разоряющего целый край с целью "первоначального накопления", дал Н.М. Ядринцев, сделавший Кондрата собирательным образом предреформенной сибирской буржуазии (см.: Ядринцев Н.М. Художественные и публицистические произведения. Воспоминания. Новосибирск, 1979. С. 130, 134 - 138). О К.К. Шешукове - культуртрегере и меценате см.: Памятная

книжка для Тобольской губернии на 1864 год / Изд. В. Ильиным. Тобольск, 1864. С. II.

22. См., напр.: ГАТюмО, ф. И-2, оп. I, д. I45, л. I56 - I56 об.

23. На сходках крестьянам, обычно в присутствии чиновника из уезда, зачитывались правительственные распоряжения, листовки-обращения к населению местного начальства, различные наставления. Бесплатные читки религиозной литературы устраивал для крестьян декабрист М.М. Нарышкин (см.: Лапин Н.А. Декабристы и их связи с крестьянством Тобольской губернии // Экономика, управление и культура Сибири ХУI - ХIХ вв. Новосибирск, 1965. С. 276 ; Миненко Н.А. Живая старина... С. II7 - II8).

24. Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири: Вторая четверть ХIХ в. Новосибирск, 1987. С. 2I5.

25. Благодарность начальства // Тобол. губ. ведомости. 1860. № I. С. 7 - 8.

26. Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири... С. 2I2-2I3.

27. Цит. по: Брошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина ХIХ в.). М., 198I. С. 55.

28. Цит. по: Казарян П.Л. Город Верхоянск. Якутск, 1988. С. 24.

29. ГАЧО, ф. 3I, оп. I, д. I589, л. 98, I00.

30. См., напр.: ГАЧО, ф. 3I, оп. I, д. 3060, л. 234, 234 об., 247 об.; ЧитОКМ, фонд, № II45I, рк88, рк89; ГААК, ф. I, оп. 2, св. 375, д. 645, л. 35Iа, 40I, 40I об., 6I0 и др.

3I. Экз. ТОНБ, инв. № 29783, владельч. запись на с. 523.

32. ГАТюмО, ф. И-2, оп. I, д. II44, л. 23.

33. Апсит Т.Н. Повесть о Францеле Венециане и ее читатели // Рукописная традиция ХУI - ХIХ вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С. I27.

34. ЦГА БурАССР, ф. 20, оп. I, д. 5297, л. 15 и 18.

35. ГАТО, ф. 50, оп. 2, д. 4765, л. 1000.

36. Куприянов А.И. Из истории первой публичной библиотеки в Западной Сибири // Русская книга в дореволюционной Сибири: Гос. и частные б-ки. Новосибирск, 1987. С. 21.

37. Парфентьев И.Ф. Из "Воспоминаний" старожила И.Ф. Парфентьева о старом Красноярске первой половины XIX века / Комментар. Г.Ф. Быкони // Город у Красного яра: Документы и материалы по истории Красноярска первой половины XIX в. Красноярск, 1986. С. 138 - 140.

38. Курсков Ю.В. Положение, классовая борьба, идеология и культура предпролетариата Сибири // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978. С. 53 - 54. В отличие от крестьянской, духовная культура рабочего класса еще не стала предметом специального рассмотрения.

39. ГААК, ф. I, оп. 2, св. 375, д. 645, л. 247 - 247 об.

40. Там же, св. 2063, д. 3487, л. 29; св. 2001, д. 3394, л. 61 об.; св. 2018, д. 3421, л. 218 об.

41. ГАОО, ф. 2, оп. I, св. 87, д. 430, л. 2 об.

42. Савельев Н.Я. Петр Козьмич Фролов: Жизнь и деятельность новатора рус. техники XIX в. Новосибирск, 1951. С. 40.

43. Дергачева-Скоп Е.И., Ромодановская Е.К. Собрание рукописных книг... С. 122. На другой рукописной книге из собрания ТФ ГАТумО, под названием "Самуила раввина Иудейского златое сочинение", переписанной с печатной (Спб., 1778) в 1780 г., имеется запись примерно середины XIX в., о принадлежности книги Михеилу Колинову (?), томскому серебряных дел мастеру (см. там же. С. 119).

44. Боннер А.Г. Бесценные сокровища. Иркутск, 1979. С. 56 - 57.

45. Речь идет не о русской сатирической повести XVIII в., а о вышедшей позднее книге под тем же назв.: "Шемякин суд, или последнее междуусобие удельных князей русских. Ист. роман XV ст." П.П. Свиньина (М., 1832. Ч. I - 4). Сведения о выдаче кн. взяты

из: ГАЧО, ф. 31, оп. I, д. 3060, л. 234 об. Автор не указан, уточнен по: Каталог русского отделения книжного магазина М.О. Вольфа. Спб., 1862. С. 212 (2-я паг.). № 6152. И в отчете по Нерчинской библиотеке (ГАЧО), и в каталоге Вольфа цена издания одинакова - 4 р. 30 к.

46. Давидович И.М. Первые механики Забайкалья // Забайкалье. Чита, 1950. Кн. 4. С. 312 - 313.

47. Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. Иркутск, 1965. С. 85, 87.

48. Потанин Г.Н. О рабочем классе в ближней тайге: Из очерков о Сибири // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 177. На прииске "к востоку от реки Томи" Потанин был летом 1859 г.

49. Кухельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 387 - 388. Можно привести и другой пример: в 1800 г. вахтеру В. Атласову из Верхнеколымска принадлежало рукописное руководство по навигации (см.: Лончакова Г.А. Книги и рукописи древнерусской традиции XVIII - XIX вв. г. Якутска // Русская книга в дореволюционной Сибири: Фонды редких книг и рукописей сиб. б-к. Новосибирск, 1988. С. 125 - 126).

50. Цуприк Р.И. О роли книг... С. 130.

51. Тюмень / Д.И. Копылов, В.Ю. Князев, В.Ф. Ретунский. Свердловск, 1986. С. 68.

52. Сафронов Ф.Г. Города Северо-Восточной Сибири в конце XVIII - первой половине XIX в. // Города Сибири: (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978. С. 331.

53. По сведениям Г.Е. Катанаева, в 1812 г. из 5950 состоявших на службе в Сибири линейных казаков грамотных было 745, или 12,5% (см.: Катанаев Г.Е. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. Спб., 1908. Вып. I. С. 13).

54. ГА00, ф. 6, оп. I, св. 14, д. 51, л. 656 об. - 663; рукописный каталог см. там же, л. 664 - 685.

55. См. воспоминания о Сурикове С.С. Голоушева и М.А. Волошина в кн.: Василий Иванович Суриков: Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1977. С. 174, 207; Там же. С. 175.

56. Коряковская станица // Тобол. губ. ведомости. 1858. № 12. С. 256 - 257. Подпись: Θ.

57. ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 3060, л. 235. Пользовались казаки и библиотекой Войскового казачьего училища в Омске. Так, сотник Пичугин брал для чтения книгу "Подвиги Витгенштейна" (1823 г.), а сотник Жуков - журнал "Отечественные записки" (1824 г., см.: ГАОО, ф. 6, оп. 1, св. 14, д. 51, л. 682 об., 684).

58. Зоркин В.И. О казаке Назимове, прошедшем 7319 верст пешком из Верхнеудинска в Петербург // Сибирь. 1988. № 3. С. 97 - 98. Ср.: "книжеч исторических разного сочинения на 25 руб." - из духовного завещания сотника Енисейского городского казачьего полка А. Сапожникова (см.: ГАКК, ф. 173, оп. 1, д. 295, л. 57 об.), умершего в 1834 г.

59. Во время путешествия Назимов вел записки, они опубл.: Назимов А. Отрывок из собственных записок сибирского казака Назимова, веденных им от места родины его - до прихода в С.-Петербург - и до посещения обителя Валаамской. (Из Казани до Владимира) // Беккер В.И. Жизнь и описание путешествия казака Назимова из Восточной Сибири, с границ Китайской империи в Санктпетербург пешком. Спб., 1841. С. 1 - 12 (2-я паг.). Возможно, книга была и у самого А. Назимова.

60. Черепанов С.И. Отрывки из воспоминаний сибирского казака // Древняя и новая Россия. Спб., 1876, Т. 2, № 7. С. 270.

61. Петряев Е.Д. В.П. Паршин (1805 - 1853) // Литературная Сибирь: Критико-библиогр. словарь писателей Вост. Сибири. Иркутск, 1986. Ч. 1. С. 82 - 83; Гузеев В.Г. Костылецкий Николай Федорович // Библиографический словарь отечественных тюркологов: Докт. период. 2-е изд., перераб. М., 1989. С. 133 - 134; Первый бурятский ученый: К 150-летию со дня рождения Доржи Гэнзарова. Улан-Удэ, 1972. С. 93.

62. Beaven M. Russian historical publishing, 1810 - 1820: the forgotten decade // Libri. Copenhagen, 1985. Vol. 35, N 1. P. 83.

63. ГАОО, ф. 2, оп. I, св. 69, д. 328а, л. 9.
64. ГЛАК, ф. I, оп. 2, св. 375, д. 645, л. 190 об.
65. Так, в 1832 г. в Сузунском заводе "военной газеты Русского инвалида никто не захотел выписывать" (см.: ГАНУ, ф. Д-13, оп. I, д. 37, л. 33 - 33 об.).
66. Газету "Русский инвалид", напр., читали в Томске, где она поступала в местную аптеку (см.: ГАТО, ф. I, оп. I, д. 1258, л. 78 об.), и в Тобольске, где с ней знакомились декабристы (см.: Пушкин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 197, 241).
67. Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982, Т. I. С. 185 - 186.
68. Малышева М.П., Познанский В.С. Сибирская ссылка в 20 50-е годы XIX в. // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Новосибирск, 1990. Вып. 2. С. 16 - 18.
69. Цит по: Максимов С.В. Сибирь и каторга. В 3 ч. 3-е изд. СПб., 1900. С. 152.
70. Там же. С. 108.
71. См.: Отчет о действиях Тобольского попечительного о тюрьмах отделения с 29-го июля 1856 года по 1-е января 1858 года // Тобол. губ. ведомости. 1858. № 13. С. 272. "Некоторые книги" оказались также в числе пожертвований для арестантов в 1856 г. в Кургане (см.: Куприянов А.И. Чтение и его роль в досуге горожан Западной Сибири в первой половине XIX в. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование. Новосибирск, 1988. С. 155).
72. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 т. Л., 1988. Т. 3. С. 263, 539.
73. Максимов С.В. Сибирь и каторга... С. 133.
74. Там же. С. 130.
75. Мамсик Т.С. "Доклад" царю сельнопоселенца Лариона Казанцева (из истории общественной мысли социальных низов России 40-х гг. XIX в.) // Рукописная традиция XVII - XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 131.

76. См. нашу публикацию: Володкович А.Ф. Библиотеки сильных поляков в Сибири (30 - 50-е гг. XIX в.) // Книга и книжное дело Сибири: История, современность, перспективы развития. Новосибирск, 1989. С. 35 - 38. О Каспере Машковском, одном из основателей "Огула" и библиотеки в Нерчинске, см.: Lopuszański W. Maszkowski Kasper //Polski słownik biograficzny. Wrocław i in., 1975. T.XX/I, z. 84. S. 157-158.

77. О широком обращении лубочной книги в среде провинциального дворянства и мелкого чиновничества (первая половина XIX в.) в России пишет А.И. Рейтблат (см.: Рейтблат А.И. Читатель лубочной книги... С. 126).

78. Bawden C.R. Shamans, lamas and evangelicals: The Engl. missionaries in Siberia. London, 1985. P.57; Куприянов А.И. Чтение и его роль... С. 163.

Н.И. Матханова

АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ СИБИРСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ИХ ИЗДАНИЯ

Эпоха коренных преобразований, "великих реформ" середины XIX в. затронула все стороны жизни общества, внесла изменения и в его потребности, и в способы их удовлетворения. В это время в России все более остро стала ощущаться потребность в провинциальной прессе. Она была нужна властям не только как средство быстро и эффективно доводить свои распоряжения до подчиненных, но и как средство преодолевать молчаливое сопротивление собственного чиновничьего аппарата. Она была нужна и местной интеллигенции, начинавшей испытывать интерес к истории, географии, этнографии края и стремившейся использовать печать для просвещения населения. Она была нужна торгово-промышленным слоям (хотя бы части их) для прояснения экономической ситуации, рекламы, выражения собственных интересов. Была еще одна категория читателей, которая, не нуждаясь в местной прессе, следовала моде, а в 50-е гг. XIX в. в моду вошли литературные вечера, воскресные школы, поддержка

различных просветительских инициатив, в том числе и провинциальной печати.

В 1857 г. было приказано издавать губернские ведомости во всех сибирских губернских городах, т.е. в Тобольске, Томске, Красноярске ("Енисейские губернские ведомости") и Иркутске. К тому времени аналогичные издания имелись во многих городах России и состояли из официальной и неофициальной частей /1/. Официальная часть содержала постановления, приказы, распоряжения центральной и местной власти, сведения о назначениях, перемещениях, увольнениях, наградах чиновников, известия о ценах, предстоящих торгах, отводе приисков, официальные объявления. В задачу неофициальной части входило "изучение данной местности, ... рассмотрение и обсуживание (по мере возможности) всякого рода местных вопросов, изучение местных потребностей и интересов" /2/.

Далеко не все сибирские города имели условия для решения этих задач, отнюдь не везде потребность в провинциальной прессе уже сложилась хотя бы в такой степени, как во многих российских губернских центрах. Инициатива издания газет исходила от "верхов", нуждавшихся главным образом в официальной части губернских ведомостей, неофициальная же часть Енисейских, Тобольских и Томских губернских ведомостей в первое время была совершенно не подготовлена и просто прозябала. В них почти не было оригинальных материалов, страницы заполнялись перепечаткой и пересказами уже опубликованных книг и статей.

Так, неофициальная часть первого номера "Тобольских губернских ведомостей" содержала две заметки: "О народонаселении в империи", перепечатанную из "Сына отечества", и "Рецепт о составлении чернил" /3/. Следующие выпуски были спасены довольно большой, печатавшейся в нескольких номерах статьей "Об открытии и устройстве Тобольской Марининской женской школы". Образованный и либерально настроенный тобольский губернатор В.А. Арцимович обратился с просьбой принять участие в газете к известному сибирскому краеведу Н.А. Абрамову, жившему тогда в Семипалатинске. Начиная с II-го номера, в неофициальной части "Тобольских губернских ведомостей" начали печататься статьи Н.А. Абрамова по истории и статистике Сибири, в том числе ранее опубликованные в других изданиях /4/.

Иная ситуация сложилась в Иркутске. Издание газеты было подготовлено в большей степени, и уже в I-м номере помещен материал в духе "местного обозрения". В следующих же были корреспонденции и письма в редакцию, исторические, географические и естественно-научные статьи /5/. "Иркутские губернские ведомости" имели подписчиков во многих городах Восточной Сибири – об этом можно судить в том числе и по появлению в них уже в 1857 г. корреспонденций из Читы, Верхоленска, Нерчинска. Есть сведения и о подписке на газету бывших сибиряков в разных городах страны – в Москве, Петербурге, Киеве /6/.

Но не следует забывать, что подписка на губернские ведомости была обязательной для всех "присутственных мест". Нередко, ретивые начальники находили для газет и частных подписчиков среди своих подчиненных и зависимых от них кушцов.

Конечно, первые сибирские газеты (за исключением "Иркутских губернских ведомостей") не очень походили на газеты в привычном смысле слова. Не случайно одни и те же статьи появлялись и в научных сборниках Русского географического общества, и в губернских ведомостях (в сокращенном виде). Местных материалов, сегодняшней информации в газетах почти не было. Впрочем, и в таком виде они вполне могли отвечать ожиданиям читателей, еще не привыкших к гласности, с удивлением и восторгом встречавших первые ее признаки.

С ростом общественного подъема газеты активнее откликаются на актуальные проблемы своего времени, обсуждают предстоящие и осуществлявшиеся реформы, в них появляются статьи о положении крестьян, инородцев, рабочих золотопромышленности, о колонизации новых районов, корреспонденции с мест, проблемные статьи сибирских авторов, обсуждаются не только общероссийские, но и сибирские вопросы. Возрастает и их просветительная роль: они печатают научно-популярные статьи, наполненные историческими, географическими, этнографическими, юридическими, экономическими, статистическими, естественно-научными сведениями, посвященные изучению Сибири, ее производительных сил. Духу времени отвечало и исследование жизни народа, своеобразный этнографический уклон, довольно явно проступавший в местной сибирской печати уже в первые годы ее существования.

Хотя условия для издания большинства сибирских газет не были подготовлены, около них постепенно складывался круг авторов и корреспондентов. Чаще и больше других печатались офицеры и чиновники Н.Д. Свербеев и Д.А. Романов ("Иркутские губернские ведомости"), Н.А. Абрамов ("Тобольские губернские ведомости"), Н.А. Костров (Енисейские, Тобольские, Томские губернские ведомости), Г.Н. Потанин ("Томские губернские ведомости"). Заметное место в газетах принадлежало учителям М.В. Загоскину, Д.Л. Кузнецову, врачам Н.И. Кашину, М.Ф. Кривошапкину, священникам А.А. Аргентову, П.В. Громову, купцу И.А. Носкову. В "Иркутских губернских ведомостях" важную, а в первые годы ведущую роль играли политические ссыльные петрашевцы Н.А. Спешнев, М.В. Петрашевский, Ф.Н. Львов.

Особой плодовитостью отличался ныне совершенно забытый Н.А. Костров: только в губернских ведомостях трех сибирских губерний он напечатал с 1858 по 1880 г. более 50 статей и заметок, его материалы появлялись в более чем 150 номерах сибирских газет! А ведь были еще и в "Москвитянине", и в "Казанских губернских ведомостях", и в "Записках" Сибирского отдела Русского географического общества, и в "Трудах" археологического съезда, и отдельные издания. Юрист по образованию, князь Николай Алексеевич Костров родился в 1823 г., в 20 лет окончил Московский университет и через 6 лет оказался на службе в Сибири – сначала в Енисейской, а затем в Томской губернии. Все годы своей службы он непременно печатал статьи на самые разные темы: от описания природы вулканической деятельности до истории города Томска или Кузнецка /7/. Научная ценность его статей невелика, но он обратил внимание сибирских читателей на этнографию сибирских аборигенов, что было сравнительно ново, во всяком случае, для общедоступной прессы.

Из других сотрудников губернских ведомостей особо следует выделить Михаила Васильевича Загоскина, которому принадлежит выдающееся место в истории сибирской периодической печати. Им написаны "Заметки о быте поселян Иркутского уезда" – одна из первых серьезных статей на местном материале, появившаяся в "Иркутских губернских ведомостях" вскоре после начала их издания. Сменив первого редактора этой газеты, петрашевца Н.А. Спешнева, немногим более чем через год после этого он превратил газету в орган местной интеллигенции. Еще через год Загоскин стал редактором

первой в Сибири частной газеты "Амур" /8/. Позже он сыграл важную роль при издании "Сибири" и "Восточного обозрения".

В "Енисейских губернских ведомостях" начал печататься врач Михаил Фомич Кривошапкин – здесь публиковались сначала его полемические заметки, а затем статья "Из медико-топографического описания Енисейского округа". Через несколько лет он издал солидную книгу "Енисейский округ и его жизнь", привлекая внимание многих журнальных рецензентов, а еще позже печатался под псевдонимом Михаил Правдин /9/.

В начале 60-х гг. XIX в., и особенно в 1864 – 1865 гг. в "Томских губернских ведомостях" все чаще появляются статьи членов кружка сибирских областников. По подсчетам М.В. Шидловского, таких статей было более 20, газета использовалась для пропаганды областнических идей /10/.

О намерении создать собственный печатный орган или использовать существующие Г.Н. Потанин не раз писал своим друзьям: еще из Петербурга 5 февраля 1860 г. Ф.Н. Усову о возможности издавать войсковую (т.е. Сибирского казачьего войска) газету, в которой "заниматься... интересами всей Западной Сибири"; в январе 1862 г. Н.С. Щукину: "под местными интересами я разумею не то, что разумеют "Иркутские ведомости" и "Амур", не обличение какого-нибудь местного монополиста, откупщика или взяточника, а автономии провинции" /11/. Как своеобразно понималось при этом официальное положение об освещении в губернских ведомостях "местных интересов"!

В 1864 – 1865 гг. "Томские губернские ведомости" становятся лидером сибирской провинциальной прессы. Газету стали читать не только в Томске, ее высылали в Омскую общественную казачью библиотеку, организованную братьями Усовыми и их товарищами по кружку, отправляли ее и в Петербург, в студенческое сибирское землячество /12/.

Выдающуюся роль в судьбе газеты сыграл Дмитрий Львович Кузнецов. Учитель словесности томской гимназии, выпускник Казанской духовной академии, он был редактором неофициальной части "Томских губернских ведомостей" и автором большого числа статей, а также основателем первой в Томске публичной библиотеки /13/.

И все же самое большое влияние на направление и уровень газеты оказали Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев. Ядринцев был автором

самых заметных статей, производивших наибольшее впечатление на читателей. Только за три месяца 1865 г. им были напечатаны в "Томских губернских ведомостях": "Сибирь в I января 1865 г.", "Общественная жизнь в Сибири", "Сибирь перед судом русской литературы", - статьи, открыто излагавшие в подцензурной печати многие областнические идеи.

Потанин же был не только автором ряда статей, но и участвовал в редактировании газеты. Он предлагал Ф.Н. Усову: "статьи высылайте или на мое имя, или на имя Дмитрия Львовича Кузнецова, учителя гимназии. И то, и другое будет верно" /14/. Н.С. Щукина Потанин просил прислать прочитанные тем в Иркутске публичные лекции "... в наши "Ведомости", если только Вы, - обращался он к Щукину, - не нашли для них более выгодного помещения (в "Томских ведомостях" никакой платы не учреждено еще). Вы, вероятно, читаете их? Надеемся, что мы придали им в нынешнем году направление, которое должно нравиться Вам. А потому осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбою присылать нам время от времени корреспонденцию из Иркутска, а также мелкие статьи, которых, вероятно, у Вас найдется немало" /15/. Из этого письма становится известным положение Г.Н. Потанина в "Томских губернских ведомостях" и то, что их читали и в Иркутске, а также условия публикации статей и корреспонденций первых сибирских журналистов - без всякого гонорара.

Номера "Томских губернских ведомостей" были приобщены к делу сибирских областников в качестве вещественного доказательства. Более того, следственная комиссия, а затем и выносивший приговор правительствующий сенат поставили вопрос о вине цензоров газеты, чье попустительство привело к превращению газеты, издававшейся в казенной типографии на казенные средства, в орган пропаганды антиправительственных идей /16/. Надо сказать, что подозрения властей имели определенные основания - вокруг газеты действительно сложился авторский коллектив, объединенный общими идеями и устремлениями.

О круге читателей губернских ведомостей судить сложнее - это приходится делать на основании косвенных данных, прежде всего, содержания самих газет. В них появлялись корреспонденции - отклики на ранее опубликованные статьи, помещались материалы, в которых рассказывалось об обсуждении их читателями. Встречаются, хотя и не часто, упоминания о чтении газет в письмах и воспоминаниях

современников. В полемику вступали и чиновники, и купцы, и офицеры, но главным образом представители традиционных интеллигентных профессий – врачи, учителя, священники.

Существует еще одна возможность реконструировать социально-профессиональный состав читателей губернских ведомостей в Сибири. Для этого надо определить, кому были адресованы материалы газеты, кто не просто мог, а должен был их прочитать. Это, прежде всего, чиновники: во-первых, как уже указывалось, подписка была обязательной для "присутственных мест", во-вторых, в газетах печатались необходимые для них официальные распоряжения и приказы. Любопытное наблюдение содержится в одном из писем Г.Н. Потанина к Ф.Н. Усову: "на те номера, в которых бывает статьи о Войске /Сибирском казачьем войске – Н.М./, в Войске обращают внимание" /17/. Значит, читателями хотя бы части номеров были казачьи офицеры и грамотные казаки. Купцам и золотопромышленникам была необходима информация коммерческого характера. Интеллигенции были важны и полезны статьи исторического, краеведческого, статистического содержания.

Газеты приобрели весьма серьезное значение. Об этом говорит и стремление использовать их в своих целях и либерально-демократических, и консервативных сил, и местной администрации. В "Иркутских губернских ведомостях" появлялись статьи, инспирированные генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым-Амурским, среди них были и либерально-обличительного направления. На страницах "Енисейских губернских ведомостей" золотопромышленник М.А. Безобразов протестовал против публичных лекций С.С. Шашкова /18/.

Интересно, что уже тогда и власти, и их противники прекрасно понимали всю важность вопроса о том, кому принадлежит типография, а значит, и возможность издания газеты и влияния на общественное мнение. Один из заметных деятелей оппозиции, иркутский купец Н.Н. Пестерев, доказывал организаторам частной газеты "Амур", что для обеспечения ее подлинной независимости надо иметь собственную типографию /19/. Он же в своих далеко идущих планах создания особой промышленно-торговой акционерной компании по развитию производительных сил Сибири предполагал и непереносное существование собственного издательства /20/. А через два месяца после начала выхода "Амура" бывший генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский писал своему преемнику

М.С. Корсакову: "Ты недоволен "Амуром"... самое простое средство запретить военной типографии печатать эту газету, если деньги не взяты вперед, а также и губернской типографии не позволять принимать печатание ее, тогда редактору останется только переписывать свою газету через писарей" /21/. Как известно, этот простой способ удушения нежелательных изданий с неизменным успехом много раз использовался и позже.

Таким образом, сибирские губернские ведомости в годы общественного подъема издавались совместными усилиями всех интеллектуальных сил края: чиновников, офицеров, учителей, священников, образованных кушцов, политических ссыльных. Газеты сыграли важную роль в выявлении и организации таких сил. Их сотрудничество, при благосклонном содействии местных властей, обеспечило успешный результат в первые годы существования губернских ведомостей в Сибири. На этом локальном и частном материале еще раз подтвердился общий тезис Н.Я. Эйдельмана: когда власти в России приступали к реформам, находились люди, способные их осуществлять /22/. Позже разрыв временного союза местной интеллигенции и властей, что было ознаменовано арестом сибирских областников и общим наступлением реакции в стране, привел к обеднению содержания губернских ведомостей и спаду общественного интереса к ним. Ведущая роль в местной периодике перешла к частной прессе, но ее расцвет в 70 - 90-х гг. XIX в., связанный прежде всего с изданием газет "Сибирь" и "Восточное обозрение", был во многом подготовлен скромными губернскими ведомостями, воспитавшими и авторов, и читателей сибирских газет.

Примечания

1. О губернских ведомостях середины XIX в. см.: Бурмистрова Л.П. "Губернские ведомости" как исторический источник эпохи падения крепостного права (на материале Поволжья и Урала): Автореф.... канд. ист. наук. Казань, 1968; Она же. К изучению корреспондентского состава "губернских ведомостей" Поволжья и Урала (Конец 50 - начало 60-х гг. XIX в.) // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1968. Вып. 2 - 3. С. 102 - 125; Дейч Г.М.

Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1978. Т. 9. С. 236 - 237; Дулов А.В. Публицистика петрашевца Ф.Н. Львова // Журналистика в Сибири. Иркутск, 1969. Вып. 2. С. 58 - 69; Матханова Н.П. Сотрудничество политических ссыльных и общественных деятелей Восточной Сибири в "Иркутских губернских ведомостях" в 1857 - 1860 годах // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII - начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 205 - 223; Попов И.П. Местная официальная периодика в годы первой революционной ситуации (по материалам центральных губерний) // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 155 - 165.

2. Иркут. губ. ведомости. 1857. № 5. 13 июня.

3. Tobол. губ. ведомости. 1857. № I. 27 апр.

4. Там же. № II. 6 июля.

5. Подробнее об "Иркутских губернских ведомостях" см.: Матханова Н.П. Сотрудничество политических ссыльных... С. 205 - 223.

6. ЦГАОР, ф. II43, оп. I, д. 54, л. 5 об. Письма П.А. Горбунова С.П. Трубецкому.

7. См. о Н.А. Кострове: Зеленикина О. Н.А. Костров // Этногр. бид. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. Иркутск, 1923. № 4. С. I - 3.

8. История этого издания изложена в ст.: Кубалов Б.Г. Первенец частной сибирской печати газета "Амур" (1860 - 1862 гг.) // Зап./Иркут. обл. краевед. музей. 1961. Вып. 2. С. 55 - 88.

9. Кривошашкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. Спб., 1865. Он же. Письмо Ф.И. Изберре // ИРЛИ, ф. II8, оп. I, д. I7.

10. Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50 - 60-х годах XIX века. Новосибирск, 1989. С. 125, 78.

II. Потанин Г.Н. Письма. В 4 т. Иркутск, 1977. Т. I. С. 15, 27 - 28.

12. Там же. С. 36, 37.

13. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 319; Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842 - 1870). Казань, 1891. Вып. I. С. 398 - 399.

14. Потанин Г.Н. Письма. Т. I. С. 37.

15. Там же. С. 43.

16. ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 18485, л. 143 - 149.

17. Потанин Г.Н. Письма. Т. I. С. 42.

18. Енисейск. губ. ведомости. 1864. № 15. 11 апр.; № 16. 18 апр.; ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1864, д. 267, л. 1 - 5 об.

19. ЦГАОР, ф. 95, 1866, оп. I, д. 302, ч. IV, л. 141 об.

20. Пестерев Н.Н. Проект об учреждении торгово-промышленной компании в Сибири. Спб., 1865. С. 41.

21. ЦИА СССР, ф. 864, оп. I, д. 23, л. 452.

22. Эйделъман Н.Я. "Революция сверху" в России. М., 1989. С. 117.

В.И. Косых

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИРКУТСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В XIX в.

В январе 1870 г. в Москве было учреждено Всероссийское православное миссионерское общество (ВПМО), призванное "содействовать православным миссиям в деле обращения в православную веру обитавших в пределах Русской империи не-христиан и утверждение обращенных... в истинах св.веры, ...и в правилах христианской жизни" /1/. Возглавил общество видный миссионер, митрополит Московский Иннокентий. Отделения общества на местах представляли епархиальные архиереи, официальной покровительницей стала императрица Мария Федоровна /2/. Отделения и комитеты ВПМО к концу XIX в. работали в 56 епархиях, включая и 9 сибирских /3/.

В конце века в Обществе насчитывалось несколько десятков тысяч членов, к 1895 г. оно располагало суммой добровольных пожертвований в I 289 369 р. /4/. На содержание 9 сибирских духовных миссий в 1903 - 1904 гг. Общество выделяло I70 528 р. 10 к. /5/.

Миссионерские кадры для Иркутской епархии (в ее составе - Иркутская и Забайкальская духовные миссии) готовили Бийское катехизаторское училище, Иркутская церковно-учительская семинария и Читинское центральное миссионерское второклассное училище /6/. Потребности епархии в миссионерских кадрах они не удовлетворяли. Усугубляло нехватку и то, что не всегда выпускники училищ распределялись в миссионерские станы и церкви. Так, заведующий Читинским училищем иеромонах Антоний в очередной раз был удручен тем, что из 34 выпускников 1892 г. всего лишь 4 стали псаломщиками при миссионерских станах Забайкальской духовной миссии, остальные же осели в основном в учреждениях духовного ведомства в Чите, включая архиерейскую домовую церковь /7/. Такое случалось и раньше, усиливая постоянный дефицит в подготовленных миссионерских кадрах в обеих миссиях. Начальникам миссий приходилось принимать на службу духовенство без специального образования. Так, в 1897 г. из 21 священника Иркутской миссии духовную семинарию окончили 16. Из 43 других сотрудников миссии, включая и учителей миссионерских церковно-приходских школ, 4 окончили мужские и женские духовные училища (11 не доучились в них), 16 - начальные училища, 8 не сумели закончить духовную семинарию, 4 - учительскую семинарию /8/. Не лучше было с образованием среди забайкальских миссионеров и сотрудников, что сказывалось на их работе среди нерусского населения края /9/.

Настоящим бедствием для Иркутской и Забайкальской миссий, - и это признавали начальники миссий, - был недостаток миссионеров, знающих бурятский и монгольский, иногда тунгусский языки. Трудности были и с присканием потребного числа духовенства из бурят и тунгусов. В Забайкальской миссии, например, в 1885 г. из 25 священников-миссионеров лишь 3 бурята /10/. В 1887 г. в миссии снова служили эти буряты, однако из 4 диаконов 2 были бурятами /11/. В этом же году в Иркутской миссии на 36 миссионеров не было ни одного выходца из бурят /12/. В 1890 г. в Забайкальской миссии из 20 священников лишь 2 были бурятами /13/. Видно, что в этом отношении Забайкальская духовная миссия выглядела намного лучше Ир-

кутской. Достаточно сказать, что в списках последней в 1895 - 1907 гг. называется лишь один священник из бурят - Михаил Махочкеев /14/. Естественно, что миссионерам "из своих" коренное население в Иркутской губернии и Забайкальской области доверяло гораздо больше, нежели русским.

Хроническая нехватка кадров подготовленных миссионеров (зачастую и просто миссионеров), однако, не сдерживала рост числа миссионерских станов в Иркутской и Забайкальской миссиях. Так, в Иркутской в 1877 г. насчитывалось 15 станов /15/. В 1887 г. их стало 17 /16/. Столько же станов оставалось в 1891 г. /17/. В 1896 г., при начальнике миссии, епископе Киренском Никодиме, станов стало 18, а в 1897 г., при новом начальнике миссии, епископе Киренском Евсевии, работало уже 20 станов и миссионерский приход /18/. В 1908 г. Иркутская духовная миссия включала в себя уже 24 стана /19/. Не отставала и Забайкальская миссия: в 1873 г. в ней насчитывалось 14, в 1894 г. - 18, в 1899 г. - 19, в 1905 г. - 26 миссионерских станов /20/. Если принять во внимание, что количество "язычников", по утверждению видного миссионера, архимандрита Дионисия, в Забайкалье превышало 200 тыс., то на каждого священника-миссионера приходилось "до 10 - 15 и даже 25 тыс. чел." /21/.

Итак, Иркутская и Забайкальская духовные миссии в основном были укомплектованы русским духовенством, что не могло не отражаться на уровне миссионерского служения, на взаимоотношениях между пастырями и прихожанами в станах. Бедой было то, что основная масса русских миссионеров не владела разговорным языком той паствы, среди которой она несла службу "на ниве духовной". Наверное, в Иркутской миссии, например, бурятским языком владели только протоиерей Афанасий Виноградов и священники Иннокентий Подгорбунский, Василий Копылов, Африкан Медведев /22/. Не больше было знатоков бурятского языка среди священников - миссионеров в Забайкалье /23/.

Такое положение заставляло переводчиков при миссиях работать с весьма повышенной нагрузкой. Правда, это тоже не являлось хорошим выходом из ситуации: переводчиков при миссиях было немного. Так, в 1887 г. в составе Иркутской миссии на 40 сотрудников приходилось всего 3 переводчика (интересно, что все они бывшие бурятские ламы /24/). В этом же году в Забайкальской миссии из 33

сотрудников переводчиков было 3 бурята и орочен /25/. В 1890 г. все эти переводчики оставались в миссии /26/.

Основное внимание миссионеры уделяли пропаганде Священного писания, что с помощью переводчика было делать довольно трудно. Зачастую священник произносил фразу по-русски, переводчик старался воспроизвести ее с максимальной точностью на языке паствы. Далеко не всегда это удавалось, да и сама служба неизменно затягивалась, превращаясь в мучение не только для прихожан, но и для самого миссионера /27/. В свое время архимандрит Дионисий предупреждал, что по причине незнания языка нерусской паствы служба духовная будет "малодейственной и маловразумительной" /28/.

Понимая необходимость иметь в миссии лиц местной национальности, начальники духовных миссий пытались это сделать. Еще в 1844 г. архиепископ Иркутский Нил добился у Синода права принимать в мужские духовные училища мальчиков - "язычников". Этого придерживались и последующие архиепископы. Так, в 1887 г. в 32 миссионерских церковно-приходских школах Иркутской и Забайкальской миссий обучались 109 мальчиков - бурят, тунгусов и других, из которых и пытались подготовить будущих миссионеров /29/. В 1892 г. в Читинском миссионерском училище обучались 12 "иностранческих детей" (к сожалению, в отчете не указана их национальность) /30/. В 1901 г. в училище из 92 учащихся уже 38 были из "семей иностранцев" /31/. Не все их семьи желали видеть в них миссионеров, не все из них попадали в станы, однако какой-то сдвиг все же был. В 1899 г. в Забайкальской миссии из 13 псаломщиков II были выпускниками Читинского миссионерского училища и 2 бурята - миссионерской школы при Посольском Спасо-Преображенском мужском монастыре Забайкальской епархии /32/.

Деятельность упомянутых духовных миссий среди нерусского населения к 90-м гг. XIX в. не была особенно удачной. Нехватка миссионерских подготовленных кадров имела следствием незнание основной массой миссионеров языков нерусского населения, недоверие последнего к русским миссионерам; отсутствовала в достаточном количестве богослужебная литература на языках нерусских народов. Это заставляло иркутских архиепископов искать более приемлемый выход из создавшегося положения. Рассчитывать на массовое появление русских священников, знающих бурятский или тунгусский языки, не приходилось. И среди наиболее образованных бурятским лам, вла-

деющих русским языком, не наблюдалось особого стремления принимать христианство и идти в миссионеры.

Ставшему в 1892 г. иркутским архиепископом Тихону пришлось вспомнить миссионерский опыт своих предшественников по Иркутской епархии. Еще первый иркутский епископ Иннокентий требовал от священников-миссионеров основательного изучения и знания бурятского и тунгусского языков. Это было необходимо для перевода богослужебной литературы. При нем, правда, особо примечательных переводчиков так и не появилось. Зато в 1815 г. на бурятский язык английскими миссионерами переведено было Евангелие от Матфея (Иркутская епархия на перевод и издание истратила II 480 р.) /33/. В 1821 г. в Иркутской духовной семинарии преподавал монгольский язык А.В. Игумнов. Предполагалось оживление переводческой работы в Иркутске /34/. В 1823 г. на бурятском языке был издан краткий катехизис /35/.

Иркутский архиепископ Михаил II (первый сибиряк во главе епархии) привлекал к работе над переводами с русского и "статских" - видных востоковедов Я. Шмидта, А. Бобровникова и др. /36/. Последний, иркутский протоиерей (жена его была наполовину буряткой), - составитель первой монгольской грамматики (вышла в 1835 г. в синодальной типографии) /37/. Он долгое время служил миссионером среди бурят; великолепно зная языки, привычки, быт, стал настоящим другом для них. Дом его в Иркутске был пристанищем всем приезжавшим в город степнякам.

Протоиерей А. Бобровников перевел на монгольский и бурятский языки солидное количество богослужебной литературы для нужд Иркутской миссии /38/. Прекрасным востоковедом стал его сын Александр, с отличием окончивший Казанскую духовную академию. Уже работая там преподавателем, Бобровников-сын попытался подготовить окончательно для печати две работы отца - "Служебник" и все четыре Евангелия (на монгольском языке). Однако в архиве Иркутской духовной консистории этих рукописей не оказалось /39/. Будучи бакалавром Казанской духовной академии, А. Бобровников обучал студентов разговорным калмыцкому, монгольскому и другим языкам. Он часто выступал рецензентом рукописей на бурятском и монгольском языках. Так, в 1850 г. он рецензировал "Чин обедни" священника В. Дядигенского на калмыцком языке, в 1854 г. - "Чин исповедания" (прислан был из Иркутска, переведен на мон-

гольский и бурятский языки архиепископом Нилом и протоиереем – бурятом Н. Доржеевым /40/. Выступая как рецензент, А. Бобровников, однако, не считал нужным участвовать в переводах богослужбной литературы: ее переводы на языки нерусских народов он считал "преждевременными" /41/.

Работали над переводами и те немногие из миссионеров, кто хорошо знал языки нерусского населения. Прилично владел бурятским языком архиепископ Нил, составивший грамматику этого языка. Кстати, Нил одним из первых в России написал научное исследование о буддизме. Вместе с протоиереем Н. Доржеевым Нил перевел на бурятский язык Евангелие. Неплохо знал бурятский язык и архиепископ Вениамин, переведший на бурятский "Огласительное поучение готовящимся ко святому крещению язычников" /42/. При архиепископе Ниле в качестве переводчиков привлекались А. Бобровников – отец, священники К. Стуков, Н. Затопляев. Помимо переводов богослужбной литературы, они занимались этнографией бурят и тунгусов, по праву являясь членами ВСОРГО /43/. Один из них, Н. Телятьев, в 1852 г. добился ведения церковной службы среди хорийских бурят на монгольском языке /44/.

Архиепископ Нил в 40-е гг. XIX в. привлек к переводческой работе бурятского учителя Якова Болдонова, который перевел с русского языка на бурятский "Символ веры", "Молитву господню", "Божественную Литургию", "Краткую священную историю Ветхого Завета" /45/. Нил старался использовать в этой работе миссионеров из бурят, тунгусов. Довольно активно работал протоиерей – бурят Николай Доржеев. Этот бывший лама принял христианство, и в 1852 – 1857 гг. был миссионером Хара-Гуджирского Свято-Троицкого стана в Забайкалье /46/. В 1857 – 1861 гг. он буквально не знал покоя: по вопросам перевода он постоянно выезжал в длительные командировки в Петербург, Ярославль, Казань (в Переводческую комиссию) /47/. Видимо, желая как-то компенсировать отсутствие Н. Доржеева и усилить переводческую работу миссии, в 1860 г. иркутский архиепископ Парфений организовал Комитет по вопросам о переводе и учебных книг на бурятский язык. В состав его вошли и буряты А. Балдаев, Н. Болдонов, П. Баторов, И. Пирожков /48/.

Помимо Доржеева, следует назвать еще одного миссионера-буряты, уроженца Тунки, прекрасного переводчика – Якова Чистохина. С русского на бурятский Чистохин перевел около десятка богослов-

ских и религиозно-нравственных сочинений. Кроме того, Чистохин был автором интересных работ по этнографии бурят /49/. Как и Н. Доржеев, Яков Чистохин в 1874, 1875 и 1877 гг. командировался в Комиссию переводчиков при Казанской духовной академии, которой руководил профессор богословия В.В. Миротворцев. В 1877 г. вместе с Чистохинным в трехлетнюю командировку поехал и С. Никольский, крещеный бурят из Тункинского ведомства /50/.

О переводческой деятельности Иркутской епархии свидетельствует тот факт, что примерно за 100 лет существования православия среди бурят, они перевели на свой родной язык более 40 богословских и религиозно-нравственных сочинений /51/. Несмотря на положительные моменты, миссионеры Иркутской и Забайкальской миссий нуждались в переводной литературе. Им требовалась литература, передававшая бурятскую речь, но в русской транскрипции. В Иркутской духовной консистории без движения лежало немало готовых рукописных переводов.

Архиепископ Иркутский Тихон обратился к примеру переводческой деятельности прошлых лет. К тому же в Казани неплохо работала Переводческая комиссия при обществе святителя Гурия, в которую входили хорошие переводчики и известные в церковном мире ученые. Архиепископ понимал, что Иркутск не может рассчитывать на организацию комиссии подобного ранга, однако от этой идеи не отказался.

28 ноября 1892 г. архиепископ Тихон составил список людей, которые, по его мнению, могли бы стать ядром комиссии переводчиков при Иркутском комитете Православного миссионерского общества. Список открыл сам Тихон, товарищем был предложен начальник Иркутской духовной миссии, епископ Киренский Агафангел, членами комиссии – ректор Иркутской духовной семинарии архимандрит Никодим, кафедральный протоиерей Аф. Виноградов, преподаватели духовной семинарии, священники Инн. Подгорбунский, Вас. Копылов /52/. Еще около трех недель архиепископ Тихон "подрабатывал" список, формируя состав будущей комиссии. Рассматривались различные кандидатуры лиц духовного и гражданского ведомства.

Наконец, 16 декабря 1892 г. при Иркутском комитете Православного миссионерского общества было объявлено о появлении "Комиссии для перевода священных, богослужебных и религиозно-нравственных книг на местный бурятский язык" /53/, а также о расширении

списочного состава Комиссии. Комиссия включила в качестве переводчиков священников-миссионеров из Иркутской миссии - Я. Чистохина, В. Флоренсова, В. Копылова, Н. Затопляева, ученого-этнографа Н. Хангалова, из Забайкальской миссии - П. Малкова, Н. Шергина, Н. Шастина. Кроме того, Комиссия просила всех миссионеров, а "равно и всех сочувствующих сему святому делу", принять посильное участие в переводе священных, богослужебных и религиозно-нравственных книг на местные наречия бурятского языка /54/.

Таким образом, Переводческая комиссия в Иркутской епархии была создана. Ее основной идеей являлось стремление собрать воедино все грамотные миссионерские силы для подготовки переводной литературы. Она, по мысли духовенства, способствовала бы более целенаправленной работе среди нерусского населения и распространению проповеднической литературы в их среде. И сам миссионер получал определенное подспорье в работе!

В январе 1893 г. при Православном миссионерском обществе в Москве стал издаваться журнал "Православный благовестник", рассматривавший положение в российских духовных миссиях. В журнале № 2 было опубликовано сообщение о заседании 4 февраля 1893 г. Переводческой комиссии, в котором все священники-миссионеры приглашались принять "посильное сотрудничество". Всем, намеревавшимся выслать свои рукописи в редакцию "Православного благовестника", рекомендовалось отдавать их на предварительный просмотр в Переводческую комиссию в Иркутск /55/. Комиссия могла и выбирать материалы, и определять переводческие способности и возможности того или иного автора.

Определив поле своей деятельности, Переводческая комиссия сразу оказалась перед малоприятной для себя проблемой - каким образом переводить религиозно-нравственную и богослужебную литературу на бурятский язык. Эта проблема стояла перед иркутскими архиепископами с давних времен, она рассматривалась неоднократно архиепископом Нилом, переводчиками А. Орловым, А. Бобровниковым - отцом и др. Они были убеждены, что перевод богослужебной и религиозно-нравственной литературы на упрощенный разговорный бурятский язык, просто будет "профанировать религию" /56/. Поскольку этой идеи придерживался и архиепископ Нил, то в Иркутске в течение довольно длительного времени переводы давались не в разговорном бурятском варианте, а на литературном монгольском языке. Ав-

торы переводов утверждали, что во-первых, литературный монгольский язык более обработан и богат и поэтому "лучше передает высокие истины христианства"; во-вторых, литературный монгольский язык вполне удовлетворительно и благосклонно воспринимается бурятами /57/.

Архиепископ Иркутский Тихон и Переводческая комиссия сумели всесторонне рассмотреть эту проблему. К весне 1893 г. ими были выработаны и в "Иркутских епархиальных ведомостях" обнародованы "Руководственные правила при переводе священных, богослужебных и религиозно-нравственных книг на местный бурятский язык" /58/. Вопрос о том, на какой язык следует переводить, также рассматривался в "Правилах". После долгих рассуждений и сопоставлений различных бурятских диалектов и литературного монгольского языка Комиссия пришла к следующему: переводы должны производиться на разговорный бурятский язык, причем для миссионеров и грамотных бурят бурятские слова должны записываться в русской транскрипции. В пользу такого перевода (и в пику сторонникам литературного монгольского языка) выдвигались такие доводы: во-первых, доказывалось (и не без основания), что во всех бурятских степных думах делопроизводство велось на русском языке; во-вторых, в школах Министерства народного просвещения, церковно-приходских и грамоты и других детей обучали читать и писать по-русски; в-третьих, между северобайкальскими бурятами (их в Иркутской губернии было большинство) русская грамота преобладала. Исходя из этого, Переводческая комиссия пришла к выводу, что "переводы, написанные русскими буквами, найдут больше читателей, чем переводы, написанные по-монгольски, что и составляет одну из задач переводов". Комиссия также утверждала, что принятие русского алфавита - обоснованная необходимость и, что этот алфавит станет "символизировать все звуки бурятского языка" /59/.

Следующая трудность в работе Комиссии виделась при переводе специфических терминов типа "церковь", "ипостась", "архиерей", "пастырь", "монах", "антиминс" и других на бурятский язык. Ранее при переводах таких терминов переводчики использовали три способа. При первом переводчики искали в бурятском языке слова, которые способны были бы вызывать в мыслях слушателей хотя бы часть представлений об услышанном от миссионера. Во втором случае какой-либо трудный термин пытались перевести несколькими бурятски-

ми понятиями. По существу, здесь давалось своеобразное описание термина. В третьем случае термины давались в тексте без всякого перевода. К слову, такого метода придерживались и Я. Шмидт, и английские миссионеры, побывавшие в Сибири в XIX в. /60/.

Переводческая комиссия рекомендовала остановиться на третьем способе, мотивируя это тем, что и при переводе Библии и богослужебных книг "на славянские языки" многие слова переводчики оставили в оригинале, нетронутыми. Комиссия выставила два условия для переводчиков: 1) оставлять без перевода только действительно непереводаемые слова и термины; 2) стараться такие слова и термины писать и сохранять единообразными, дабы не допускать их разночтений. К каждому переведенному тексту рекомендовалось давать словарь непереводаемых на бурятский язык слов.

Следует указать, что Переводческая комиссия, готовя рекомендации переводчикам, внимательно проанализировала деятельность Переводческой комиссии при Обществе святителя Гурия в Казани, труды профессора Казанской духовной академии, специалиста по вопросам миссионерства Н.И. Ильминского /61/, сформулировавшего три условия, руководствоваться которыми должен был каждый переводчик. По Ильминскому, переводы по содержанию своему должны быть "приспособлены к пониманию инородцев, сообразены с мерою их разума". Второе условие при переводе - это "ясность и складность". Ильминский советовал готовить все переводы в самом тесном сотрудничестве "с толковым, набожным, любознательным инородцем", делать переводы "словами простыми и определенными, предложениями краткими" /62/. Третьим условием Ильминский называл "уменьше так изложить, чтобы инородцы, слушая или читая перевод, прониклись серьезною и благоговением" /63/. Рекомендации Иркутской Переводческой комиссии соответствовали методике маститого специалиста - миссионера. Еще архиепископу Нилу импонировало то, что Н.И. Ильминский первым отказался от мысли, что нерусское население в целях лучшей и более успешной миссионерской проповеди следует обучать непременно русскому языку. Идея Ильминского заключалась в том, что "в инородческих приходах священнослужители должны быть из лиц единоплеменных населению; церковное богослужение и проповедь должны произноситься на местном понятном языке, на который должны быть переведены книги Священного писания, богослужебные и религиозно-нравственного содержания" /64/.

Была еще одна трудность для будущей работы Комиссии: все подготовленные сотрудниками переводы должны были направляться в Санкт-Петербург и издаваться там. Естественно, что на это уходила масса времени, как и на пересылку готовых изданий. В течение почти трех лет архиепископ Тихон буквально сражался с Синодом за право издательства в Иркутске. В конце концов в январе 1895 г. Синод разрешил труды Переводческой комиссии издавать в Иркутске на средства местного комитета Православного миссионерского общества /65/.

В Переводческой комиссии к тому времени были кое-какие рукописи переводов, подготовленные священниками-миссионерами. Так, один лишь священник-миссионер из Нукутского стана (Иркутская духовная миссия) Африкан Медведев в 1893 г. - марте 1895 г. (в этом месяце он скончался) направил в комиссию следующие переводы на бурятском языке: "Исследование о Исповеди, переведенное на наречие северо-байкальских бурят", "Поучение пред исповедью, с кратким объяснением 10 заповедей Закона Божия", "Краткое наставление при отправлении домой после Исповеди и Приобщения Святых Тайн" /66/. Тексты своих переводов миссионер Медведев апробировал в проповедях среди бурят своего стана, которые восприняли тексты переводов "доброжелательно" /67/. Ряд рукописных переводов был и у других священников-миссионеров, владевших бурятским языком.

Иркутский комитет Православного миссионерского общества ежегодно отпускал на печатание переводов по 500 р. Исходя из этой суммы, в 1895 г., например, Переводческая комиссия сумела издать (на русском и бурятском языках) "Огласительное поучение..." архиепископа Иркутского Вениамина. До конца 1896 г. на бурятском языке вышли "Чин литургии" (на диалекте северобайкальских бурят), снова "Огласительное поучение..." Кроме богослужебной и религиозно-нравственной литературы для бурят, владеющих русским языком, Комиссия издала "Первоначальный учебник русского языка для бурят" (по признанию учителей и миссионеров, довольно удачный /68/). К декабрю 1896 г. Комиссия подготовила к печати "Чин исповедания", однако книга вышла лишь в 1897 г. Дело было в том, что в 1896 г. Комиссия получила на издательскую работу 500 р., а истратила 615 р. 45 к. ("Чин литургии" - 265 р. 15 к., "Первоначальный учебник..." - 242 р. 80 к., "Огласительное поучение..." - 107 р. 50 к.

/69/. В 1897 г. на бурятском языке вновь были выпущены переработанное "Огласительное поучение...", "Чин Божественной литургии", "Каждодневные молитвы" и ряд небольших изданий (на диалектах тункинских, аларских и других бурят). Небольшими тиражами вышла литература и на русском языке для знающих этот язык бурят. В 1897 г. Переводческая комиссия истратила положенные ей на издательство 500 р. /70/. Часть литературы была направлена в распоряжение Забайкальской духовной миссии: последняя не издавала переводы, подготовленные своими миссионерами.

К сожалению, автор не располагает данными об объеме тиражей издаваемой Переводческой комиссией литературы. Вероятно, на тиражирование косвенно может указать следующая цифра: в 1896 г., как сообщалось в отчете Иркутской духовной миссии, миссионеры распространили среди нерусского населения до 1 500 экз. переводной богослужебной и религиозно-нравственной литературы /71/. Факты распространения изданий Комиссии отмечены и в отчете миссии Иркутской епархии за 1897 г., однако тираж не указан /72/. Можно предполагать, что он превышал 2 - 3 тыс. экз.

Если оценивать деятельность Переводческой комиссии при Иркутском комитете Православного миссионерского общества в XIX в., то в ней можно отметить определенные взлеты и падения. В разные годы переводческой деятельностью занимались в Иркутске разные люди, с разными подходами к проблеме. Их роднило одно: необходимость иметь на вооружении богатый набор богослужебной и религиозно-нравственной литературы на языках нерусской паствы. Это было великим подспорьем для миссионеров, владевших языками местных коренных жителей, да и несравненно облегчало миссионерскую службу тем, кто не знал языков, но читал на них тексты, выполненные в русской транскрипции. Это помогало выходить из положения, поскольку духовных лиц из числа местных народностей в миссиях было немного.

В разное время к переводческой деятельности в Иркутске архиепископы привлекали видных ученых-ориенталистов, выпускников духовных академий, местных священников-миссионеров, проживших не один десяток лет в миссионерских станах и буквально ставших своими среди местного нерусского населения. В ряде случаев и архиепископы готовили свои переводы с русского на языки коренного населения.

Переводческая комиссия Иркутской духовной миссии в конце XIX в. была настоящей организацией со своими сотрудниками, финансами (правда, не особенно большими), с четко выработанными принципами переводческого труда, перспективами работы на последующие годы. Она готовила переводы на бурятский язык, однако не забывала бурят, знающих русский: для них выпускалась литература богослужебного и религиозно-нравственного характера на русском языке. Тиражи всей переводной литературы Комиссии были небольшими – несколько тысяч экземпляров. Наверное, это косвенно может подтверждаться тем, что руководители Иркутской миссии постоянно твердили о мощном натиске ламаистской литературы, полагая, что это может "отвратить" бурят от православия. Наверное, в этом плане они были правы.

На наш взгляд, переводческая деятельность в Иркутской епархии в начале XIX в. была поставлена на более солидную финансовую основу. В конце XIX в. миссия в Иркутске вынуждена была считать деньги, дабы не допустить перерасхода на финансирование переводных изданий! Ситуация была парадоксальной: требовалось более качественно подходить к миссионерскому служению среди нерусского населения, зачастую с известным подозрением относящемуся к русским священникам-миссионерам. И в то же время финансирование переводческой деятельности в миссии не увеличивалось.

Положительный эффект от работы Переводческой комиссии был. Коренное нерусское население посредством получаемой переводной литературы приобщалось к религиозно-нравственным посылкам православия. Знавшие русский язык с интересом знакомились и с издаваемой Комиссией литературой на русском языке – религиозного и светского характера. Это в определенной мере сближало "новокрещенных" и с миссионерами, и с русским населением. Тем более, что довольно часто "новокрещенных" отторгало их прежнее общество и, ставшие "чужими среди своих", они вынуждены были искать пристанища у тех людей, для которых православие давно стало своей, "родной" религией. Принятие новой религии вынужденно вводило "новокрещенных" и в новую жизнь.

Примечания

1. Дионисий, архим. Современное состояние, задачи и нужды православного инородческого миссионерства в Сибири. М., 1905. С. 9.

2. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX - начало XX века). Иркутск, 1986. С. 144.

3. Дионисий, архим. Современное состояние... С. 14.

4. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. Спб., 1901. С. 361.

5. Дионисий, архим. Современное состояние... С. 12.

6. Азиатская Россия. Спб., 1914. Т. I. С. 218.

7. ГАЧО, ф. 282, оп. I, д. 2819, л. 15 - 18 об.

8. Иркут. епарх. ведомости. 1898. № 12. С. 215.

9. Забайкал. епарх. ведомости. 1900. № 13 - 14. С. 14-18.

10. ГАЧО, ф. 282, оп. I, д. 2819, л. 18 об.

11. Иркут. епарх. ведомости. 1888. № 25. Прибавления. С. 233.

12. Там же. № 15. Прибавления. С. 134, 135.

13. Там же. 1891. № 38. С. 9.

14. Там же. 1895. № 14. С. 166; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма... С. 146.

15. Иркутская летопись. 1857 - 1880 гг. / Сост. Романов Н.С. Иркутск, 1914. С. 362.

16. Иркут. епарх. ведомости. 1888. № 15. Прибавления. С. 134.

17. Там же. 1891. № 37. Прибавления. С. 9 - 10.

18. Там же. 1897. № 12. С. 154, 159.

19. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма... С. 150.

20. Там же; Забайкал. епарх. ведомости. 1900. № 13 - 14,

- С. 14 - 17; Дионисий, архим. Современное состояние... С. 9.
21. Дионисий, архим. Современное состояние... С. 115.
22. Иркут. епарх. ведомости. 1893. № 2. С. 2 - 3; 1895. № 13. Прибавления. С. 333, 338, 339.
23. Забайкал. епарх. ведомости. 1900. № 16. С. 14.
24. Иркут. епарх. ведомости. 1888. № 15. Прибавления.
- С. 134 - 135.
25. Там же. № 25. Прибавления. С. 9.
26. Там же. 1891. № 38. Прибавления. С. 9.
27. Отчет Забайкальской духовной миссии за 1893 г. // Православ. благовестник. 1894. № 23. Приложение. С. 84.
28. Дионисий, архим. Идеалы православно-русского иноческого миссионерства. Казань, 1901. С. 190 - 192.
29. Иркут. епарх. ведомости. 1888. № 23. С. 136.
30. ГАЧО, ф. 282, оп. I, д. 2819, л. 14 - 18 об.
31. Отчет Православного миссионерского общества за 1901 г. Спб., 1901. С. 43 - 44.
32. Забайкал. епарх. ведомости. 1900. № 13 - 14. С. 14-18.
33. Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1972. Т. I. С. 276.
34. Иркут. епарх. ведомости. 1878. № 43. Прибавления. С. 484.
35. Очерки истории культуры Бурятии. Т. I. С. 276.
36. Там же. С. 276.
37. Иркут. епарх. ведомости. 1878. № 48. Прибавления. С. 535; 1892. № 43. Прибавления. С. I.
38. Там же. 1892. № 43. Прибавления. С. I, 5, 6.
39. Там же. № 46. Прибавления. С. I.
40. Там же. С. 2, 4 - 6.
41. Там же. С. 5.

42. Иркут. епарх. ведомости. 1893. № 32. С. 2.
43. Там же. Прибавления. С. 2.
44. Очерки истории культуры Бурятии. Т. I. С. 277.
45. Там же. С. 276.
46. Иркут. епарх. ведомости. 1898. № 12. Прибавления. С. 320.
47. Там же. 1878. № 42. Прибавления. С. 466; № 43. Прибавления. С. 479, 480.
48. Очерки истории культуры Бурятии. Т. I. С. 276.
49. Бессмертный А.Р. Национализм и универсализм в русском религиозном сознании // На пути к свободе совести. М., 1989. С. 145; Очерки истории культуры Бурятии. Т. I. С. 277.
50. Иркут. епарх. ведомости. 1878. № 14. Прибавления. С. 161.
51. Бессмертный А.Р. Национализм и универсализм... С. 145.
52. Иркут. епарх. ведомости. 1893. № 2. С. 3.
53. Там же. С. 3.
54. Там же. С. 3 - 4.
55. Там же. № II. С. 2.
56. Там же. № 13. С. 1.
57. Там же. С. 1 - 2.
58. Там же. С. 1.
59. Там же. С. 3, 4.
60. Там же. С. 6 - 7.
61. См.: Ильминокий Н.И. О переводах христианских книг на инородческие языки. Казань, 1875.
62. Иркут. епарх. ведомости. 1893. № 13. С. 8, 9, 10.
63. Там же. № 14. Прибавления. С. 14.
64. Цит. по: Церков. ведомости. Спб., 1902. № 2. С. 48,

65. Иркут. епарх. ведомости. 1895. № 6. С. 53 - 55.
66. Там же. № 13. Прибавления. С. 333, 338.
67. Там же. С. 339.
68. Там же. 1896. № 18. Прибавления. С. 272 - 273; 1897. № 13. С. 179, 180; 1898. № 8. С. 130.
69. Там же. 1897. № 13. С. 179.
70. Там же. 1898. № 13. Прибавления. С. 237, 238.
71. Там же. 1897. № 12. С. 156.
72. Там же. 1898. № 12. С. 216.

В.Н. Волкова

ПАМЯТНЫЕ КНИЖКИ И КАЛЕНДАРИ СИБИРИ КАК ВИД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Памятные книжки и календари в книгоиздании российской провинции и, прежде всего, таких ее отдаленных районов, как Сибирь и Дальний Восток, занимают особое место. Получив импульс для своего развития из "центра", они оказываются у истоков широкого книгоиздательского процесса, развернувшегося в провинции во второй половине XIX в. Возможность печатать памятные книжки с разрешения местных властей, поддержка и стимулирование губернскими правлениями занятий, направленных на "составление точного понятия о состоянии губерний" /1/, делали этот вид издания наиболее реальным для начального периода местного книгопроизводства. Концентрация вокруг памятных книжек творчески активных слоев немногочисленной местной интеллигенции содействовала их дальнейшему книгоиздательским поискам. Распространение памятных книжек (на первых порах в значительной мере централизованно принудительное) приучало сибирское население к использованию собственной краеведческой литературы, стимулировало спрос на местные книги, что тоже было немаловажным для молодого провинциального книгоиздания.

Многие книжные начинания Сибири второй половины XIX в. генетически ведут свое начало от памятных книжек. Об изданиях памятных книжек и календарей мечтали в конце 50-х - начале 60-х гг. XIX в., на заре местной печати, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков /2/. Эти издания нередко становились первыми шагами молодого сибирского частного книгоиздательского предпринимательства.

Все это делает изучение памятных книжек в книговедческом плане весьма интересным, не говоря уже о том, что данный вид издания служит неисчерпаемым источником всевозможных сведений о хозяйстве, культуре, истории, этнографии края.

Изучение памятных книжек и календарей второй половины XIX в. сопряжено с большими трудностями по их разысканию. Об этом писал еще в 1873 г., работая над библиографическим указателем трудов Центрального и губернских статистических комитетов В.И. Межов: "Печатаемые в весьма ограниченном количестве экземпляров, более для местных потребностей, они с самого появления своего делаются библиографическими редкостями, попадающимися в руки наших библиофилов случайным образом" /3/. Ни одно крупное книгохранилище не имеет их полного комплекта. Наибольшее число сибирских изданий находится в фондах Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, научных библиотек Томского и Иркутского университетов, библиотеки Тобольского государственного музея-заповедника, Иркутской областной библиотеки. По утверждению Н.Н. Бакая /4/ и В.Д. Виленского /5/, уникальной коллекцией сибирских памятных книжек обладало собрание Г.В. Юдина, ныне хранящееся в библиотеке Конгресса в Вашингтоне.

По библиографическим источникам нам сейчас известно около 100 памятных книжек и календарей Сибири, изданных в XIX в. 80 из них удалось разыскать (в подлинниках или в виде микрофильмов) в различных книгохранилищах страны. Попытки собрать их и описать предпринимались и раньше. Первой такой работой была статья политического ссыльного В.Д. Виленского, напечатанная в 1915 г. /6/. Автор уже тогда отмечал важность памятных книжек как исторического источника, трудность их разыскания, особую роль сибирских статистических комитетов - издателей памятных книжек - как первых местных научных центров. Приводимые В.Д. Виленским сведения неполны и неточны, что совершенно естественно при работе в условиях

якутской ссылки, зато интересен его подробный анализ истории создания и содержания этих изданий.

Большое внимание памятным книжкам уделял иркутский знаток книги Нит Степанович Романов. В его рукописи "Памятные книжки до-революционной Сибири (опыт их описания)" и черновых записях, хранящихся в фондах Государственного архива Иркутской области /7/, даются классификация сибирских справочных изданий XIX – начала XX в., перечень известных автору памятных книжек, календарей, справочников (тоже неполный), подробное описание наиболее интересных иркутских изданий. Сведения об иркутских памятных книжках и календарях можно найти также в статье Ф.М. Полищук /8/, о первых сахалинских календарях – в статье В. Подпечникова /9/.

Оценить место памятных книжек в развитии провинциального книжного дела России в целом середины 50 – начала 80-х гг. помогает статья А.П. Шпака, посвященная издательской деятельности губернских статистических комитетов /10/. В целом же все эти работы не столько раскрывают картину зарождения, содержание, типологические особенности памятных книжек и календарей Сибири, сколько побуждают к дальнейшему исследованию проблемы.

Документы, сохранившиеся в Тобольском филиале Государственного архива Тименской области /11/, позволяют проследить первые шаги возникновения тобольских памятных книжек, которые, по всей видимости, были схожи для всех сибирских губерний.

16 сентября 1859 г. Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел было послано циркулярное предписание начальнику Тобольской губернии, в котором предлагалось поручить губернскому правлению сбор, обработку и представление в центральные органы статистических сведений о состоянии губернии. ЦСК МВД интересовали данные об административно-территориальном делении края и особенностях его территории, народонаселении и ежегодном изменении в его составе, хозяйстве и производительных силах, путях сообщения, податях и повинностях и т.д. Статистические сведения о состоянии края начальники губерний и раньше (по предписаниям 1857 и 1858 гг.) обязаны были помещать в губернских ведомостях и отсылать в Министерство внутренних дел. Но постепенно бюрократическая система учета и отчетности совершенствовалась, требования центра уточнялись и конкретизировались, обростали новыми предложениями. В данном циркуляре утверждалось, что "удобнейшим

средством к распространению таких сведений может служить издание губернских памятных книжек, ежегодно, по крайней мере через каждые два или три года".

Что касается содержания то Центральный статистический комитет предписывал основные, обязательные для него сведения, ежегодно возобновляемые и повторяемые, давать в единообразной форме, чтобы иметь возможность "делать сравнительные выводы по разным губерниям относительно однородных статистических предметов". Ряд других статистических материалов предлагалось печатать время от времени, по мере получения и обработки. К ним, например, относятся сведения о состоянии земледелия, сельских промыслов и фабричной промышленности, торговли и судоходства, народного образования, исторические исследования и описания городов и различных местностей губернии и т.п. Кроме того, в циркуляре подчеркивалось, что Министерство внутренних дел не считает "удобным стеснять издание губернских памятных книжек какой-либо определенной программой".

Циркуляр предопределял и цель издания памятных книжек, которые предназначались не только для информирования центральных органов власти, но и всему населению губернии. Распространение памятных книжек, по мысли управляющего центра, "знакомит местных жителей и публику вообще с административным и хозяйственным положением губернии, может вызвать разбор, особенно ближайший, местный, сообщаемых сведений, и тем способствовать исправлению и дополнению частными исследованиями неточных или неполных данных, собираемых официальным путем". Кроме того, "тщательная проверка и обработка для печати указанных сведений может доставлять самые надежные и всегда подручно готовые материалы для соображений о возможно уравнительной раскладке земских денежных и натуральных повинностей между различными сословиями и местностями губернии".

Определялись циркуляром и главные исполнители памятных книжек. Издание могло быть подготовлено "каждым несколько опытным делопроизводителем губернского статистического комитета или редактором губернских ведомостей". Печатать его предлагалось в типографии губернского правления. "Незначительные же издержки на бумагу и печать, вероятно, могут быть покрыты выручкой от продажи самой книжки". Для полной наглядности к циркуляру был приложен

экземпляр "Памятной книжки Псковской губернии на 1859 г.", который должен был служить образцом для подражания.

Таким образом, ЦСК МВД поставил перед начальником губернии задачу по изданию памятных книжек, наметил их обязательную и необязательную программы, определил основных исполнителей и читательское назначение, прислал готовый образец данного вида книжной продукции. Оставалось только запустить в производство четко разработанный сверху механизм, что и было исполнено.

12 декабря 1859 г. гражданский губернатор направляет в Тобольское губернское правление копию циркулярного предписания, памятную книжку Псковской губернии, II статистических таблиц по Тобольской губернии за 1858 г., составленных губернским статистическим комитетом для "всеподданнейшего отчета", и предлагает подготовить по образцу памятную книжку для Тобольской губернии, прибавив к присланным материалам адрес-календарь "всех значительнейших лиц, живущих в Тобольской губернии, сведения почтовые и другие, которые будут признаны полезными и нужными для помещения в этой книжке". Памятную книжку предлагается напечатать в губернской типографии "в достаточном числе экземпляров для продажи жителям здешней губернии".

14 марта 1860 г. Тобольское губернское правление уже извещает губернатора о выходе из печати "Памятной книжки для Тобольской губернии на 1860 г.", а "Тобольские губернские ведомости" (№ II) помещают объявление о ее продаже при Тобольском губернском правлении.

Таким образом, подготовительный и издательский циклы выпуска памятной книжки для Тобольской губернии завершены. Новый вид издания начал свое существование на территории Сибири.

Анализ самого механизма возникновения памятных книжек помогает понять, как происходило в Сибири в конце 50 – начале 60-х гг. становление книгоиздательского процесса в целом. Не располагая до 1857 г. (т.е. до времени организации губернских ведомостей) стабильной и сколько-нибудь сносной полиграфической базой, не обладая ни навыками, но возможностями формирования самостоятельных редакционно-издательских коллективов, испытывая цензурный гнет, не имея рынка потребления местной книги, сибиряки не могли в этот период развернуть собственного инициативного книгоиздания. А между тем потребность в нем год от года росла,

подталкивалась развитием местного самоуправления и областнических тенденций, капиталистическим пробуждением края.

Местная интеллигенция искала способы приложения своих журналистских и исследовательских сил и неизбежно приходила в те издательские центры, которые складывались вокруг губернских правлений - губернские ведомости и редакции памятных книжек. Этот путь характерен для российского провинциального книгоиздания, но для Сибири он на первых порах и безальтернативен.

Начало 60-х гг. - период зарождения памятных книжек для многих губернских центров России. Памятные книжки на 1860 г. вышли в Екатеринославской, Орловской, Рязанской, Симбирской губерниях. С 1861 - 1864 гг. они стали издаваться в Минской, Могилевской, Пермской, Самарской, Тамбовской, Харьковской, Херсонской, Черниговской губерниях /12/. В некоторых местах эти издания появились еще позднее. Но в целом сибирское книгоиздание 60-х гг. более сковано по сравнению с Европейской Россией, где уже в 30 - 40-е гг. действовали отдельные частные типографии, зарождались редкие оригинальные книгоиздательские начинания. Первые памятные книжки на территории Европейской России тоже появились значительно раньше сибирских. Так, регулярный выпуск памятных книжек в Тверской губернии налажен с 1844 г. В 1847 г. вышла первая памятная книжка Нижегородской губернии, в 1848 - Владимирской, Ковенской, Тульской, в 1850 - Архангельской, Виленской, Псковской. Из 38 губерний, отмеченных в "Справочниках по истории дореволюционной России", 22 начали выпускать памятные книжки до 1860 г.

Как в Сибири, так и в Европейской России, первые памятные книжки издавались при губернских правлениях. Губернские статистические комитеты, хотя и были учреждены в 1834 г., реально начали действовать лишь с 1858 г., со времени организации при Министерстве внутренних дел Центрального статистического комитета /13/. Но и в этот период памятные книжки еще не выходили под грифом губернских статистических комитетов. В Сибири, например, эти учреждения официально приступили к издательской деятельности лишь в 1863 г. Именно этим можно объяснить запутанность нумерации памятных книжек Иркутской губернии. Две первые памятные книжки для Иркутской губернии вышли в 1861 и 1863 гг., но лишь третья - на 1865 г., изданная Иркутским статистическим комитетом, получила официальную начальную нумерацию на титуле ("год первый").

Первые памятные книжки Сибири - Тобольской губернии на 1860 г., Иркутской на 1861 г., Енисейской губернии, Забайкальской и Якутской областей на 1863 г. - не отличаются содержательным разнообразием, являют собой начальные шаги в области книгоиздания. Судя по мизантропии сроков подготовки первой памятной книжки для Тобольской губернии (3 месяца и 2 дня), издатели и не помышляли внести в данное дело какую-то творческую струю, они просто выполняли приказ по напечатанию имеющихся материалов.

В предисловиях к памятным книжкам Тобольской и Иркутской губерний составители дружно ссылаются на циркуляр МВД 1859 г., цели и задачи издания определяют в словах, почти дословно повторяющих текст документа, оправдываются перед читателями за неполноту представленных сведений, выражают надежду на улучшение книжек в будущем.

Губернские правления в начале 60-х гг. не были подготовлены к издательской деятельности не только в научно-организационном плане, но и полиграфически. Губернские типографии были слабо оборудованы для печатания книг. В предисловии к "Памятной книжке для Тобольской губернии на 1860 г." редактор с сожалением говорит о том, что "типографская роскошь невозможна у нас, где всего одна типография и где невозможно достать хорошей газетной бумаги", что "порядочное и только что приличное издание затруднительно при недостатке хороших и удобных шрифтов".

И действительно, первая тобольская памятная книжка представляет собой малоформатное, небрежно скomпанованное издание, отпечатанное грязными, избыточными шрифтами. Выделяется своим изяществом лишь обложка, выполненная на яркой глянцевой бумаге и украшенная орнаментальной рамкой. Немного лучше полиграфическое исполнение и первой иркутской памятной книжки, отпечатанной в типографии губернского правления. Памятные книжки Енисейской губернии и Якутской области вообще не могли быть изданы на местной полиграфической базе. Обе книжки вышли в Петербурге в частных типографиях И. Огизко и В. Безобразова, что позволило им обрести более совершенную издательскую форму. Памятная книжка Енисейской губернии издана не просто прилично, но даже помпезно - на качественной бумаге, с гравированными рисунками на титульном развороте, с отдельными листами заголовков для разделов, хорошо оформленными таблицами, картой Енисейской губернии и т.д.

Памятные книжки Енисейской губернии и Якутской области, вышедшие на 3 - 4 года позднее тобольской и иркутской и уже под грифом статистических комитетов, несколько изменились и по содержанию. "Памятная книжка Енисейской губернии..." помимо обязательных данных (адрес-календарь, статистическое обозрение губернии, разные сведения), включала очень краткие историко-статистические материалы, например, "о числе обучавшихся и кончивших курс наук в учебных заведениях Енисейской губернии в течение 10 лет, с 1853 по 1863 г.", заметки о некоторых соборах и монастырях края. "Памятная книжка Якутской области..." уже имела раздел "Материалы для истории, статистики и географии". Основную часть его составляла публикация статьи якутского купца И.С. Москвина "Воеводы и начальники г. Якутска и их действия", найденной после смерти автора в его бумагах. По утверждению В.Д. Виленского, статья "представляет крупный вклад в историческую литературу Якутской области", так как базируется на изучении старинных свитков и дел Якутского областного архива, позднее изъятых генерал-губернатором Рупертом /14/.

В 60-х гг. XIX в. помимо отмеченных изданий вышли памятные книжки для Тобольской губернии на 1861 - 1862 и на 1864 гг., Иркутской губернии на 1863 и 1865, Енисейской губернии на 1865 - 1866 (издана в Петербурге), Якутской - на 1867, Томской - на 1869 г.

В 70-е гг. наступает некоторое затишье. Совсем не издается памятных книжек по Тобольской и Енисейской губерниям. Иркутский статистический комитет выпустил памятные книжки на 1870, 1873 и 1877 гг., Томский и Якутский - на 1871 г. (якутская памятная книжка опять печаталась в Петербурге), Забайкальский - на 1871 г. (издана в Иркутске) и 1876 г. (издана в Чите).

Для 70-х гг. характерны поиски новых издательских календарных форм, попытки выйти за рамки узко губернских интересов. В Омске при Главном управлении Западной Сибири выходит "Адрес-календарь Западной Сибири..." на 1875 и 1879 гг., в Иркутске - "Восточно-Сибирский календарь..." на 1874 и 1875 гг. Появляются первые справочники, подготовленные не официальными организациями - губернскими статистическими комитетами, а частными предпринимателями. Восточно-Сибирские календари, например, были инициативными изданиями типографии Н.Н. Сеницына.

Потребность в информации о Сибири испытывают и близлежащие западные регионы России. Об этом свидетельствует изданный в Казани "Сибирский календарь..." на 1876 и 1877 гг., составленный А. Лучшевым с помощью корреспондентов из Томска, Иркутска, Омска и Тюмени.

В 70-е гг. создатели памятных книжек и календарей все больше задумываются о наполнении изданий краеведческими исследовательскими материалами. Они стараются привлечь к участию в памятных книжках как можно больше людей. "Памятная книжка Томской губернии на 1871 г." печатает "Программу сведений, нужных статистическому комитету для описания Томской губернии". Однако реально материалы, помещенные в памятных книжках Сибири, в эти годы редко выходят на исследовательский уровень. Чаще всего издания ограничиваются адрес-календарными, справочными сведениями и кратким статистическим обзором состояния губернии на год. Последний обычно состоит из подробных статистических таблиц и небольшой текстовой пояснительной части, редко достигающей глубокого обобщения.

В 80-е гг. реальный процесс объединения местных творческих сил вокруг статистических комитетов и издаваемых ими памятных книжек усиливается. Редакции многих памятных книжек пытаются ограничить справочный материал "крайними пределами" /15/, чтобы издания могли служить "не только справочной книгой в данную минуту", но и на будущее были надежным источником знания /16/. "Цель нового издания, - отмечается в предисловии к "Памятной книжке Западной Сибири" на 1881 г., - содействовать, по возможности, сознаваемой всеми потребности всестороннего изучения здешнего обширного и отдаленного края, сгруппировать хранящиеся в местных архивах интересные материалы, которые могут служить пособием для ознакомления с краем, и, наконец, доставить читателям некоторые необходимые сведения по разным отраслям знания и справочные указания в тех или других случаях общественной и практической жизни".

В соответствии с новыми задачами начинает видоизменяться и структура памятных книжек и календарей. Некоторые из них (например, "Календарь Тобольской губернии на 1890 г." Тобольск, 1889) утрачивают характерную для этого рода изданий группировку материала по разделам и превращаются в сборники статей. Другие - выдвигают исследовательские отделы на одно из первых мест и делают

их значительными по объему и смысловому наполнению ("Памятная книжка Иркутской губернии. 1881", "Памятная книжка Западной Сибири." 1882", "Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 г." Красноярск, 1889). Третьи, не публикуя авторских статей, помещают обстоятельные аналитические обзоры статистических данных, которые дают представление о самых различных сторонах экономической и культурной жизни края ("Памятная книжка Томской губернии на 1884 г.", "Календарь Тобольской губернии на 1889 г.").

Значительно увеличивается в 80-е гг. и общее количество памятных книжек и календарей, растет их видовое разнообразие, проявляется все больше частной инициативы по их созданию, однако неровность и нестабильность в издании памятных книжек остается. Лидирующими в выпуске справочной литературы становятся Иркутск (вышло 5 разнообразных памятных книжек, календарей, спутников), Тобольск (4 справочных издания), Омск (4 издания). В Томске выходит 2 памятные книжки, в Красноярске и Чите по одной, в Якутске - ни одной.

В 80-е гг. впервые явно обнаруживается коммерческая направленность памятных книжек и календарей. На страницах отдельных изданий (например, "Памятная книжка Томской губернии. 1885 г.", "Спутник по Сибири. Изд. тип. газ. "Сибирь". Иркутск, 1887; "Иркутский справочный календарь на 1888 г.") появляются листы рекламы, сведения, важные для предпринимателей, частные объявления.

90-е гг. богаты самой разнообразной справочной литературой. Из известных нам памятных книжек и календарей в эти годы вышло более половины. Бурный рост справочной литературы соответствует и общему подъему издательской деятельности в Сибири, и усилению потребностей промышленно-коммерческих слоев населения в деловой информации. Происходит активное расслоение и видоизменение справочных изданий. Возникают многочисленные "спутники", "путеводители", "дорожники", "календари", "справочные книжки".

Изменяется и характер традиционных памятных книжек. За их издание все чаще берутся частные предприниматели. Все в большей степени они наполняются коммерческой информацией, рекламой. В развитых сибирских издательских центрах, где увеличилась возможность выпуска и других видов литературы, памятные книжки все в меньшей степени выполняют функцию научного издания. Исследова-

тельские краеведческие работы печатаются отдельно или в "трудах" и "известиях" научных обществ, а памятные книжки все чаще превращаются в чисто справочные и адрес-календарные книги.

В то же время в Сибири и на Дальнем Востоке рождаются новые издающие губернские и областные центры - Семипалатинск, Владивосток, Благовещенск, пост Александровск-на-Сахалине. Для некоторых из них (Семипалатинск, Александровск-на-Сахалине) памятные книжки становятся школой книгоиздания и местом концентрации интеллектуальных сил, как для Тобольска, Иркутска, Томска 60 - 80-х гг. Их памятные книжки и календари 90-х гг. ("Памятная книжка Семипалатинской области..." на 1898 и 1899 гг., "Сахалинский календарь..." на 1896 - 1899 гг.) имеют ту же структуру, те же видовые особенности и целевые установки, что и памятные книжки Сибири предшествующего десятилетия.

Другие молодые издающие центры - Владивосток, Благовещенск - в 90-е гг. вступают с относительно развитыми книгоиздательскими возможностями и ярко выраженными книгоиздательскими потребностями. Их памятные книжки и календари приобретают отвечающую времени капиталистически деловую окраску, становятся активным справочным подспорьем для предпринимателей. "Памятная книжка и адрес-календарь Приморской области..." на 1896 и 1897 гг., изданные Приморским областным статистическим комитетом во Владивостоке, и не претендуют на роль краеведческих познавательных изданий, выполняют функции чисто справочной, адрес-календарной книги. Торгово-промышленный Благовещенск вообще не выпускает официальных памятных книжек, зато пробует себя в самых разных формах справочной литературы ("Справочная книжка Амурской области на 1890 г.", "Адрес-календарь Амурской области на 1894 г.", "Амур. Справочная книжка Амурской области для переселенцев" (1899 г.), "Амурская справочная книжка с беллетристическим отделом" (1899 г.). Последнее издание - типичный карманный дорожный справочник с необходимыми сведениями о городе и области и легким чтивом для дорожного досуга.

При всем характерном для 90-х гг. размежевании научной и справочной литературы отдельные памятные книжки Сибири продолжают сохранять привычный статус комплексного издания, включающего материалы краеведческого характера. Исследовательские разделы остаются в календарях Тобольской губернии на 1891 - 1893 гг.,

памятных книжках Якутской области на 1891 и 1896 гг., памятной книжке Енисейской губернии на 1890 г.

В 90-е гг. отдельные статистические комитеты Сибири налаживают регулярный (почти ежегодный) выпуск памятных книжек и календарей. Так, стабильно выходят календари Тобольской губернии, памятные книжки Енисейской губернии и Забайкальской области. В других губернских и областных центрах активность статистических комитетов ослабевает или просто не увеличивается, и тогда на первый план выдвигается частная книгоиздательская инициатива. Это характерно для Томска, Иркутска. К новым городам, издающим справочную литературу, принадлежит купеческая Тюмень. В Екатеринбурге в 1893 г. печатается составленный П.С. Зайдманом "Тюменский адресный календарь". Редакция "Сибирской торговой газеты" А.А. Крылова выпускает "Справочную книжку по г. Тюмени" на 1898 и 1899 гг. Здесь же выходит "Адрес-календарь Тобольской губернии" на 1898 и 1899 гг.

Широко развернувшееся издание местной справочной литературы, особенно характерное для второй половины 90-х гг. XIX в., подготовило почву для дальнейшего ее расцвета в первые десятилетия XX в. Памятные книжки и календари издавались статистическими комитетами Сибири до 1915 - 1916 гг. Среди других видов справочных изданий начала XX в. преобладают книги по отдельным городам ("Весь Владивосток", "Весь Иркутск", "Весь Омск", "Справочник по городу Ново-Николаевску", "Справочник-указатель по г. Чите и Забайкальской области" и т.д.), самые разные спутники и путеводители.

Таким образом, памятные книжки и календари Сибири по задачам, структуре, содержанию в процессе своего развития и совершенствования далеко уходят от первоначальных официальных установок, разработанных Министерством внутренних дел, отличаются определенной свободой издательского поиска. На протяжении второй половины XIX в., т.е. всего периода активного становления и развития сибирского книгоиздания, памятные книжки и календари концентрируют вокруг себя журналистские, исследовательские, просветительские силы местного общества, служат школой издательского опыта, откликаются на многочисленные повседневные потребности жителей края. Универсальность этого вида издания по содержанию и читательскому назначению соответствует возможностям начальных эта-

пов книгоиздательского процесса во многих сибирских центрах, связана с трудностями формирования здесь иных, более дифференцированных книжных форм.

Губернские статистические комитеты Европейской России, обладавшие более широким кругом квалифицированных кадров, раньше, чем в Сибири, научились аналитически обрабатывать и обобщать статистические данные, вести планомерную краеведческую работу. Начиная с 60-х гг., помимо памятных книжек и календарей, многие из них издавали сборники, труды, записки /17/. Сибирские статистические комитеты сумели наладить аналитическую и серьезную исследовательскую работу несколько позже, ее масштаб заметно меньше, они не издавали самостоятельных краеведческих сборников или трудов (за исключением 4 выпусков "Записок и трудов Иркутского губернского статистического комитета", вышедших в 1868 - 1869 гг.). Именно поэтому памятные книжки и календари Сибири зачастую выполняют более важную исследовательскую и просветительскую функции, чем в развитых провинциальных центрах Европейской России, оказываются более значительными по содержанию и ставящимся социально-культурным задачам.

Примечания

1. ТФ ГАТМО, ф. 152, оп. 32, ед.хр. 1651, л. 1 - 3.
2. Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 301, 321; Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 146; Потанин Г.Н. Письма. Иркутск, 1977. Т. 1. С. 25.
3. Труды Центрального и губернских статистических комитетов: Библ. указ. кн. и заключ. в них ст., обнимающих деятельность стат. комитетов с самого начала их учреждения вплоть до 1873 г. / Сост. В.И. Межов. Спб., 1873. С. 1.
4. Бакай Н.Н. Замечательное книгохранилище в Восточной Сибири: (Библиотека Г.В. Удина). М., 1896. С. 12.
5. Виленский В.Д. Памятные книжки Якутской области: Ист.-библиогр. очерк // Сиб. арх. 1915. № 6. С. 281.
6. Там же. С. 280 - 286.

7. ГАИО, ф. 480, оп. I, д. 81, л. 4 - 8; д. 104, л. I.
8. Полищук Ф.М. Иркутск в дореволюционных справочных изданиях // Сибирь. 1985. № 3. С. 122 - 127.
9. Подпечников В. Вначале были календари: (о начале книгопечатания на Сахалине) // Сахалин: Лит.-худож. сб. Южно-Сахалинск, 1984. С. 187 - 194.
10. Шпак А.П. Роль губернских статистических комитетов в развитии книжного дела в русской провинции (середина 1850-х - начало 1880-х гг.) // Книга. Исслед. и материалы. 1986. Сб. 53. С. 160 - 167.
11. ТФ ГАИО, ф. 152, оп. 32, ед.хр. 1651, л. I - 8.
12. Труды Центрального и губернских статистических комитетов... 125 с. Справочники по истории дореволюционной России. 2-е изд. М., 1978. 639 с.
13. Шпак А.П. Роль губернских статистических... С. 160.
14. Виленский В.Д. Памятные книжки Якутской области... С. 282.
15. Памятная книжка Западной Сибири. 1881. Омск, 1881. Предисловие.
16. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1888 г. Тобольск, 1887. От редактора.
17. Нижегородский сборник. Т. I - 4. 1867 - 1871; Новгородский сборник. Вып. I - 5, 1865 - 1866; Псковский статистический сборник (1871); "Труды" Харьковского, Херсонского, Ярославского статистических комитетов; Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. I - 4. 1866 - 1867; и др.

СТАНОВЛЕНИЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В ТЮМЕНИ
(НАЧАЛО 60-х – СЕРЕДИНА 90-х гг. XIX в.)

История культуры Сибири освещается в литературе широко, но о библиотеках как одном из главных факторов культуры сведений очень мало. Это положение касается и Тюмени. В Сибирской советской энциклопедии и пособии по истории Сибири только упоминается о тюменских библиотеках второй половины XIX в. /1/. Л.П. Роская /2/ на основе архивных материалов и периодики показала тенденции развития библиотечного дела в Тюмени и роль политических ссыльных в развитии культуры Западной Сибири. Некоторые аспекты деятельности народных библиотек раскрывает статья Б.П. Бычина и Н.Г. Дубовик /3/.

Настоящая работа – попытка дать исторический обзор развития дореволюционных библиотек Тюмени, выявить основные этапы развития библиотечного дела, проанализировать состояние книжных фондов, определить социальную функцию библиотек, их общественную значимость для культуры города.

Тюмень второй половины XIX в. – типичный сибирский купеческий город. Основное занятие горожан – ремесла и торговля. Например, кушцов первой гильдии было 10, второй – 50 (в губернском же центре Тобольске соответственно – 3, 36) /4/. В связи с этим важно отметить особое внимание тюменцев к учению, знаниям.

В 1852 г. в Тюмени на 9 тыс. жителей приходилось 450 учащихся уездного и двух приходских училищ. Известно, что при уездном училище существовала библиотека, содержавшая "2500 томов разных, большей частью новейших избранных сочинений" /5/. По мере распространения грамотности потребность в книгах возрастала и обуславливала создание частных книжных собраний среди служилого дворянства, духовенства, ремесленников. Однако эту потребность не могли удовлетворить домашние библиотеки, имевшие узкий круг читателей, а также училищные, обслуживающие только учителей и учащихся. Крупные книжные собрания представителей торгово-промышленного капитала И.И. Игнатова /6/, Е.А. Котовщикова /7/, Н.М. Чукмалдина /8/ для большинства горожан были недоступны.

Среди тюменцев были люди с прогрессивными взглядами, информированные о новинках литературы, истории, философии и т.д. Исполнявший должность почтмейстера С. Сененко приводит список журналов и газет, выписываемых горожанами в 1863 г. Среди них журналы: "Современник" - 4 экз., "Отечественные записки" - 2 экз., "Искра" - 7 экз., "Сын отчества" - 38 экз., "Московские ведомости" - II экз., "Санкт-Петербургские ведомости" - 4 экз. /9/.

Рост грамотности населения, дальнейшее развитие просвещения, торговли и промышленности создавали предпосылки для возникновения публичных библиотек в губернских и уездных городах России. В Сибири же, и в Тюмени в частности, кроме названных предпосылок социально-экономического характера оживлению общественной жизни способствовали политические ссыльные и местная интеллигенция. Общественный подъем выразился в образовании во второй половине XIX в. культурно-просветительских учреждений, школ, книжных магазинов и библиотек.

Инициатива организации общественной библиотеки в Тюмени принадлежит Николаю Мартемьяновичу Чукмалдину (1836 - 1901) /10/. Им формировалось общественное мнение о необходимости создания общественной библиотеки в городе на страницах "Тобольских губернских ведомостей" 1863 г. Предполагается, что основателями библиотеки в 1864 г. были два ссыльных офицера А.В. Эркичев и Зерчанинов /11/.

По мере открытия уездных библиотек, правительство подчиняло их своему контролю, заставляло создавать попечительные комитеты из "первенствующих чинов", назначало "благонадежных" библиотекарей. Тюменская общественная библиотека не была исключением. "Правила для общественной библиотеки" состояли из двух частей. Первая часть определяла цели и задачи библиотеки, которая должна была стать главным центром "умственной и общественной жизни" города. В начале 50-х гг. XIX в. вводится полицейский надзор за библиотеками и § 3 правил подтверждает это: "библиотека выписывает все, что дала и дает отечественная и иностранная пресса, будут выполняться заявки читателей, во всяком случае только лишь то, что "дозволено цензурою" " /12/. Тем не менее, в праве пользования библиотекой прослеживаются явно демократические тенденции быть ее читателем позволяет "всем лицам обоюто пола".

О целенаправленном подборе книг, особенно художественной литературы, можно судить по печатному каталогу, изданному в Казани в 1865 г. /13/. Следует сказать, что это был один из первых печатных каталогов сибирских библиотек.

О демократическом характере комплектования фонда общественной библиотеки, особенно отдела беллетристики, говорит и Л.П.Рощевская /14/. В художественной литературе революционеры-демократы видели могучую силу воздействия и воспитания нравственных начал. Она, действительно, составляла более 50% книг: произведения русских писателей - С.Т. Аксакова, Н.В. Гоголя, А.С. Грибоедова, И.А. Гончарова, Д.В. Григоровича, Ф.М. Достоевского, В.А. Жуковского, И.А. Крылова, А.С. Пушкина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В.Г. Белинского, Д.И. Фонвизина; иностранных авторов - Г. Гейне, П.Ж. Беранже, У.М. Теккерея, Ч. Диккенса, А. Дюма, Ж. Санд, И.Ф. Шиллера, В. Шекспира, В. Скотта, И.В. Гете и др. В библиотеке были детские книги, например, "История Англии" в переложении Ч. Диккенса. Педагогическая литература включала статьи прогрессивного педагога и известного хирурга Н.И. Пирогова.

В историческом отделе, богатом не только в количественном отношении, но и в качественном, было самое лучшее, что имелось в то время: книги крупнейшего русского ученого С.М. Соловьева "История России с древнейших времен" (в 14 т.), несколько книг историка Н.И. Костомарова, Н.М. Карамзина "История государства Российского" (в 12 т.), Н.А. Полевого "История Суворова". В этом же отделе был энциклопедический словарь А.В. Старчевского (в 13 т.). Можно назвать "Словарь достопамятных людей, содержащий в себе жизнь и деяния замечательных полководцев, великих иерархов церкви, министров, мужей государственных, отличных литераторов и ученых" (8 т.), составленный дворянским историком, бывшим тобольским губернатором Д.Н. Бантыш-Каменским.

Печатный каталог библиотеки А.В. Эркичева дает возможность утверждать, что пожертвованные Н.М. Чукмадиным и его последователями издания составили основу ее книжного фонда /15/.

Кроме "Современника" (1861 - 1863 гг.) библиотека выписывала еженедельный журнал "Искра" сатирического и революционно-демократического направления. "Русское слово", издававшееся при участии Д.И. Писарева, "Русский архив", "Эпоха" (издатели М.М. и Ф.М. Достоевские).

О составе читателей, длительности существования библиотеки сведений не обнаружено, но можно предположить, что высокий 5-рублевый (серебром) залог значительно ограничивал их число. Кроме того, убытки от приобретения книг из Москвы и Петербурга, не покрывала даже высокая плата за чтение, а также штраф "по 10 коп. за всякий просроченный день". Сроки пользования для каждого вида изданий были разные: для месячных журналов и соответствующих им по объему книг - 5 дней, полумесячных - 3 дня, недельных - 2 дня, ежедневных - день. Если указанные издания пользовались интересом публики, то сроки могли быть уменьшены. Наблюдается явное стремление обслужить большее число читателей самой свежей и актуальной литературой, таким образом поддерживая интерес к общественным проблемам.

В деятельности библиотеки активно участвовала как либеральная буржуазия, так и демократическая интеллигенция, что сказывалось на тематике комплектования ее книжного фонда.

Важным моментом в работе библиотеки было обслуживание населения ежедневно с 9 ч утра до позднего вечера.

Библиотека оставила заметный след в истории культуры города. Она способствовала развитию читательских интересов, являлась не только центром распространения книжных ценностей, но и очагом, вокруг которого возникали и действовали кружки сибирской интеллигенции, имевшие культурно-просветительные и общественно-политические цели.

Библиотеку А.В. Эркичева ценили современники, о ней упоминается в переписке Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина /16/. "Сибирская газета" писала, что библиотека клуба приказчиков Тумени "унаследовала книги 60-х годов из собрания Эркичева" /17/.

Дальнейшее развитие библиотечного дела в Тумени связано с библиотекой Клуба приказчиков.

В Тумени - крупнейшем торговом центре Западной Сибири 60-х гг., имелся многочисленный отряд приказчиков. Для поднятия их культурного уровня и расширения кругозора в 1869 г. по инициативе Н.М. Чукмадина был открыт первый сибирский клуб приказчиков /18/. Деятельность клуба с первых лет существования приняла культурно-просветительный характер, выразившийся в проведении литературных и музыкальных вечеров, постановке спектаклей, организации библиотеки.

Современники вспоминали, что в этот период "люди, посещавшие клуб, были связаны чувством товарищества, взаимностью обмена мыслей, при клубе была порядочная библиотека" /19/.

Начало истории библиотеки клуба приказчиков следует считать с момента открытия клуба. Ее организатором был Н.М. Чукмалдин. В Тюмени в это время существовало два клуба: один из них назывался "общественным" или "благородным собранием", или еще "купеческим клубом", куда собирались "купцы, чиновники, адвокаты и прочая именитость города", а другой, так называемый "клуб приказчиков (его не называют благородным)", объединял зажиточных крестьян, мещан, коммерческих служащих, мелких чиновников и, как добавлял современник, - "промотавшихся, обанкротившихся кондратушек и цивилизаторов из ссыльного элемента" /20/.

Библиотека находилась при клубе, в наемном доме купца Бровцына, по ул. Царской (ныне угол ул. Республики и Челюскинцев, где построено здание филармонии).

Основанием для библиотеки клуба послужили: "остаток книг от бывшей уже при клубе библиотеки в 60-х гг. кавалериста Эркича" /21/, вероятно, А.В. Эркичева /22/, около 3 000 книг передано купцом Т.А. Тимофеенковым в арендное пользование /23/, "небольшая часть литературы была приобретена в книжном магазине г. Березницкого". Об официальном создании клубной библиотеки было сообщено 18 апреля 1888 г. /24/, следовательно, предыдущие годы существования библиотеки можно отнести к длительному периоду ее становления /25/. Советом старшин клуба выделялись в разные годы обычно и небольшие суммы для приобретения книг, однако, книжный фонд формировался в основном за счет пожертвований книгами и деньгами /26/. В 1888 г. фонд библиотеки имел "до 5 000 книг по всем отраслям знаний, за исключением только детского", который предполагалось пополнить из магазина Н.И. Березницкого, владельца коммерческой публичной библиотеки, просуществовавшей в городе с сентября 1887 г. по апрель 1888 г. Его библиотека во многом способствовала качественному улучшению состава книжного фонда приказчицъей, о чем свидетельствует печатный каталог /27/.

Фонд библиотеки клуба использовался активно, в разные годы было 15 - 18 тыс. книговыдач. В 1895 г. основную часть ее составляла художественная литература, пользовалась спросом и общественно-политическая (было выдано 534 экз., в том числе 2 тома

"Капитала" К. Маркса) /28/. Клубная библиотека имела крупный и богатый краеведческий отдел /29/.

В 1894 г. вице-председатель Совета старшин клуба Андриан Шешуков написал опровержение на статью, касающуюся качества фонда библиотеки /30/. Он отмечал, что в 1893 г. библиотека выписывала 26 периодических изданий, в 1894 г. - 18, среди которых журналы: "Русское богатство", "Русская мысль", "Русская старина", "Исторический вестник", "Вестник Европы", "Русское обозрение", "Вестник иностранной литературы"; газеты: "Сибирский листок", "Екатеринбургская неделя" и др. А. Шешуков с гордостью сообщает о приобретении в библиотеку полных "собраний сочинений: Аксакова, Гоголя, Гончарова, Добролюбова, Короленко, Лескова, М.-Сибиряка, Надсона, Островского, Писемского, Решетникова, Успенского, Чехова, Гаршина, Щедрина, Златовратского и Л. Толстого в количестве 122 томов на сумму 180 руб."

Фонд библиотеки стабильно увеличивался: 1888 г. - 3000 экз.; 1891 - 3383; 1894 - 5000; 1911 - 7994; 1913 - 8524 экз. /31/. Для всего времени существования клуба была характерна острая политическая борьба, что особенно ярко выразилось в сатирических публикациях местной газеты "Ермак" за 1912 г. Внутриклубная борьба отражалась и на комплектовании фонда библиотеки. В этот период волна контрреволюционных, порнографических изданий, таких, как романы М.П. Арцибашева, А.А. Вербицкой и других, захлестнувшая большинство платных библиотек России, не обошла и библиотеку клуба приказчиков. Из библиотеки изымались "все книги и газеты так называемого свободомыслящего направления". Книги, представляющие опасность для умов, запирались на ключ в шкафах. Выдача запрещенных книг разрешалась в исключительных случаях лицам, не внушающим подозрений. Из читальни были изъяты "Речь", "Русские ведомости", "Русское слово" /32/. В 1912 г. председателем клуба был избран А.А. Крылов - издатель-редактор "Сибирской торговой газеты", заведующим библиотекой - С.Я. Деспот-Зенович /33/.

До 1913 г. заведование библиотекой клуба возлагалось на одного из старшин совета, позднее было передано членам совета, например, Малкиной Анне Ивановне. Библиотекари были люди образованные и с широким кругозором, приверженцы передовых взглядов,

подтверждением чему служат печатные каталоги, раскрывающие содержание книжного фонда библиотеки клуба.

Особое внимание библиотека обращала на создание и пополнение детского отдела. В отчете библиотеки сообщается о приобретении в 1912 - 1913 гг. 2 томов из 10 Детской энциклопедии издания Сытина, неудачной попытке создания театрального отдела /34/.

Таким образом, клубная библиотека, не имея характера публичной, обслуживала различные слои населения, тем самым, как и первая общественная библиотека 1864 г., способствовала развитию культуры в городе.

Фонд оставался с учетом интересов всех слоев населения, посещавших библиотеку, прежде всего, демократических. Через комплектование фонда библиотекой активно осуществляла образовательные и воспитательные функции, кроме того, в немалой степени способствовала воспитанию политического сознания членов клуба /35/.

Библиотека клуба приказчиков существовала до 1918 г. После разгрома колчаковцами остатки ее попали в первую городскую библиотеку.

Инициатива различных общественных организаций и частных лиц в отношении просвещения, проявившаяся в 80-х гг. XIX в. в Сибири, значительно расширилась в 90-е гг. К числу наиболее видных деятелей просвещения принадлежит П.И. Макушин - основатель первого сибирского общества попечения о начальном образовании в Томске (1882 г.) /36/.

В Томени подобное общество было создано 2 апреля 1884 г. /37/. Возникают так называемые общественные и народные библиотеки. Первая бесплатная народная читальня была открыта в 1884 г. в Томске, а затем уже в Москве (1885 г.), Петербурге (1887 г.) и других городах России /38/.

19 марта 1895 г. первая бесплатная библиотека-читальня открывается в Томени /39/, хотя разрешение на открытие было получено еще в сентябре 1894 г. /40/. Здание, выделенное для библиотеки городом, было слишком тесное и холодное, и в 1898 г. общество арендовало дом И.И. Папина /41/.

Библиотека создавалась в строгом соответствии с Правилами 1890 г., § 3 которых гласил, что надзор за ней возлагается на одно или несколько лиц учебного или духовного ведомства /42/.

На 16 заседаниях Совета общества в 1898 г. среди многих вопросов значительное внимание уделялось рациональной постановке дела в бесплатной библиотеке. По предложению члена Совета общества Н.Я. Ламони создается библиотечная комиссия. В нее входят: Т.К. Огибенин, И.В. Каргаполов, Ев. К. Данилов, А.И. Беседных и др. /43/. Комиссия решала вопросы комплектования, составляла списки книг и журналов на приобретение, реставрацию, исключение. Например, ею отмечалось в 1898 г. значительное увеличение количества книг для дошкольного возраста "в виду роста числа читателей этой категории" /44/. Члены комиссии устанавливали дежурства в библиотеке, вели учет читателей, приобретали оборудование для библиотеки: каталожные ящики, кафедру выдачи для библиотекаря.

По ходатайству совета общества городская дума постановила оказывать ему ежегодную помощь в сумме 150 р., общество приказчиков - 50 р., приказчицкий клуб - 50 р. Часть из этих средств шла на содержание библиотеки. Отчет общества за 1898 г. констатировал, что из всех комиссий наиболее активно работала библиотечная. Неоднократно ею поднимался вопрос о продлении времени обслуживания читателей, но он так и остался нерешенным. Библиотека работала с II ч утра до 3 ч дня, выдавалось в среднем 22 - 25 экз. в день /45/.

Среди почетных членов общества (благодаря материальной поддержке которых оно существовало) были Н.М. Чукмалдин /46/, И.И. Игнатов /47/. Активно помогали библиотеке деньгами и книгами действительные члены общества: ссыльный народник, долгушинец И.И. Папин, редактор-издатель газеты А.А. Крылов, владелец типографии Л.К. Высоцкая, врач А.С. Гасилов, Г.И. Житков - держатель типографии и др.

Вначале библиотека привлекла много читателей. Желанными выдавались книги на дом.

Среди читателей по сословному признаку преобладали мещане и крестьяне (86%). Дети ремесленников и рабочих составляли лишь 4%, так как материальные возможности данной категории читателей были весьма ограничены в получении хотя бы начального образования.

По образовательному цензу абоненты с низшим образованием составляли 85%, учащиеся - 11%. Надо сказать, что такое соотно-

шение наблюдалось во многих народных библиотеках-читальнях России. Кроме того, высокий процент читателей-женщин, отмеченный Н.А. Рубакиным в начале 90-х гг. XIX в. в библиотеках подобного типа, наблюдался и в Тюмени, он составлял 31%.

Библиотека выписывала газеты: "Сибирский листок", "Урал", "Ремесленную газету", "Сибирскую торговую газету"; журналы: "Природа и люди", "Родина", "Родник", "Детское чтение", "Нива", "Деревня", а в 1913 г., кроме уже названных, "Вестник Западной Сибири", "Русское богатство", "Исторический вестник". Серьезным препятствием для качественного роста фонда был "Каталог книг и повременных изданий, допускаемых к употреблению в бесплатных читальнях" /48/. В 1907 г. современники отмечали бедность фонда библиотеки /49/. "Сибирский торговый посредник" сообщал, что в библиотеке несколько сот книг, не отличавшихся "литературным достоинством", и деятельность библиотеки, направленная, по существу, на самообразование молодежи, находится в "первобытном состоянии" /50/.

Несмотря на скудость средств, выделяемых на комплектование библиотеки, и, как следствие, падение интереса и количества читателей, годы существования ее были весьма плодотворными. Благодаря ее созданию бедные слои населения приобщились к книге.

В области организации народных библиотек и читален благотворной была деятельность тюменского отдела Тобольского общества трезвости, созданного в 1894 г. В 1897 г. были открыты: народная читальня, размещавшаяся на базарной площади, чайная-читальня в доме Заводовского, что в заречной части Тюмени, вторая чайная-читальня для "интеллигентной публики". При ней же создается публичная библиотека. Позднее общество открывало читальни в других местах города, например, при училище кожевенного завода "Ф.С. Колмогоров и Н-ки" (по ул. Береговой) /51/.

Библиотека, созданная при читальне, пользовалась большим успехом у горожан, так как клубная по условиям обслуживания была доступной лишь для немногих, а библиотека общества попечения о начальном образовании - скудной из-за отсутствия средств. Библиотека общества трезвости формировалась и существовала на пожертвования. Купец И.И. Игнатов пожертвовал "Вестник Европы" за 20 лет и большое количество книг, купец С.И. Колокольников 100 р., "Н.М. Чукмалдин принес в дар... сочинения русских писателей в роскошных переплетах более чем на сто рублей" /52/.

Хронологический и систематический каталоги помогали читателям в выборе книг. Наиболее богатым был отдел истории - 100 книг, гордостью библиотеки являлся справочный отдел. Традиционно большую часть фонда составляла беллетристика (отечественная и зарубежная), а также периодические издания. Согласно ограничительным правилам 1890 г., в библиотеку приобретались лишь книги, одобренные Ученым комитетом Министерства народного просвещения или духовным ведомством православного исповедания. Вследствие этого библиотека практически не могла выполнить свое назначение: "дать разумное, здоровое и полезное чтение... по всем отраслям знания" низшему классу /53/.

Особо следует отметить, что фонд второй чайной-читальни для интеллигенции был богаче, чем для рабочих. Кроме столичных газет и иллюстрированных журналов "Новое время", "Русские ведомости", "Сын отечества", "Биржевые ведомости", "Европейское обозрение", "Нива", "Стрекоза", "Будильник" и провинциальных - "Екатеринбургская неделя", "Деловой корреспондент", "Тобольские губернские ведомости" - выписывались "Вестник Европы", "Русское богатство", "Вопросы философии и психологии", "Научное обозрение" /53/. Но при этом посещаемость заречной читальни для рабочих была выше, например, в течение полугода (1896 г.) ее посетило 3 010 человек, а читальню для интеллигенции 1 500 /54/. Отсутствие средств вынуждало ввести плату от 5 до 10 к. Единновременная субсидия городского управления в 215 р. не решила проблемы комплектования читальни в рабочем заречном районе города. Возможности народа пользоваться книгами библиотеки осложняла абонементная плата 2 р. и такой же залог для лиц не имеющих поручительств членов общества /55/.

Как видим, путь развития библиотеки аналогичен большинству российских народных библиотек этого периода.

Предположительно, в 1907 г. библиотека общества попечения о народной трезвости пополнилась книгами из фонда народной бесплатной библиотеки общества попечения о начальном образовании и переведена в новое здание Народного дома /56/. Там она влачила жалкое существование и вскоре окончательно пришла в упадок.

В 1899 г. в Тимени открывается бесплатная библиотека. В связи с празднованием столетия со дня рождения великого русского поэта, ее называют Пушкинской. Помещение для нее представил бес-

платно купец А.И. Текутьев, он же являлся и попечителем библиотеки. Однако в 1910 г. он требует убрать библиотеку из своего дома. Городская управа переводит Пушкинскую библиотеку в городское здание (по ул. Спасской, дом городского управления – ныне здание Тюменского областного краеведческого музея) /57/.

В первые годы библиотека не имела вывески, и мало кто из горожан знал о ней /58/. Служила она чаще всего местом личных встреч и разговоров, а не чтения. Содержание библиотеки не обременяло государственную казну, расходы на комплектование составляли крайне ничтожную сумму – иногда 1/4 часть ассигнований /59/. Совет Пушкинской библиотеки в марте 1912 г. решил установить плату за пользование книгами для чтения на дому. Городская дума не дала на это согласия, так как для читателей бесплатной библиотеки плата от 2 до 3 р. явилась бы "тормозом в пользовании книгами" /60/.

Фонд библиотеки, большую часть которого составляла художественная литература /61/, не удовлетворял читателей. Они жалуются на отсутствие сибирских газет и журналов. В 1914 г. возросла выдача периодических изданий, читателей интересовали известия с фронта и положение воюющих держав.

Отчет городской думы за 1915 г. констатирует увеличение числа читателей, но представляет это явление как временное, связанное с тем, что "библиотеку посещают пленные славяне" /62/.

В конце XIX – начале XX в. на территории Тобольской губернии появляется новая волна сосланных участников различных социалистических организаций, а в годы первой мировой войны – беженцев с территории русской Польши. Они оседали во всех городах губернии, но больше всего в Тобольске и Тюмени, где уже имелись компактные польские колонии и религиозные центры. Среди 35 тыс. военнопленных, размещенных на территории губернии, значительную часть составляли поляки /63/. Вероятно, они и шли в библиотеку, внося в нее свежую струю. "Спрос на хорошую, правдивую книгу в городе" все более возрастал. Библиотеки города, в том числе и Пушкинская, не в состоянии были его в полной мере удовлетворить.

Проблему тесноты решили за счет квартиры библиотекаря В.С. Шекотовой, с комплектованием было значительно сложнее. Основным препятствием были все те же ограничительные каталоги. Библиотека была не подлинно народной, а "для народа", не отвеча-

ла основным общеобразовательным задачам. Кроме этого, трехрублевый залог сводил бесплатность пользования библиотекой на нет.

17 июня 1918 г. постановлением Тименского Совета городского хозяйства Пушкинская библиотека "передана в заведование отдела Народного просвещения" /64/.

Итак, в истории библиотек дореволюционной Тимени следует выделить два периода. Первый - с начала 60-х и до 90-х гг. XIX в. - возникновение и становление общественных библиотек. Второй - с середины 90-х и до начала XX в. - создание народных библиотек.

Организацией первой общественной библиотеки в 1864 г. было положено начало библиотечному делу в Тимени. До середины 90-х гг. XIX в. из общественных библиотек выдержала испытание временем только одна - Клуба приказчиков, хотя в городе предпринимались попытки открытия публичных, коммерческих (частных), библиотек.

Характерным для библиотек Тимени, как и большинства библиотек России, была нехватка средств и, вследствие этого, скудость фондов, отсутствие профессиональных библиотекарей, а потому и ограниченные возможности в выполнении ими растущих запросов читателей.

Несмотря на сложности в выполнении социальных функций, библиотеки способствовали повышению культуры и общественного сознания горожан.

Для полного представления о развитии библиотечного дела в Тимени второй половины XIX в. необходимо иметь данные и о других библиотеках города - коммерческих, церковных, учебных заведений. Требуется самостоятельного исследования и богатейшая история библиотеки реального училища.

Культурный прогресс в дореволюционной Тимени, а вместе с ним и развитие библиотечного дела, шли медленно и неравномерно, периоды оживления сменялись годами застоя, но в целом они определялись общим направлением экономической и общественно-политической жизни России.

Фонды библиотек, история которых прослежена в данной работе, послужили основой для создания в Тимени первой городской библиотеки, открытой в январе 1920 г. и реорганизованной в августе 1944 г. в областную, существующую и поныне.

Примечания

1. Казаринов П. Библиотеки // Сиб. сов. энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. I. Стб. 308 - 309, 322, 329 - 330; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 3. С. 133.
2. Роцевская Л.П. Культурная жизнь и книжное дело Тюмени второй половины XIX в. // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX - XX вв. Новосибирск, 1986. С. 51 - 63; Она же. Культурная и общественная жизнь Тюмени во второй половине XIX в. // 400 лет Тюмени: История и современность. Тюмень, 1986. С. 20 - 22; Она же. Поведала книга // Тюмен. правда. 1986. 25 мая; Она же. Революционеры-разночинцы в западно-сибирском изгнании. Л., 1983. 177 с.
3. Бычин Б.П., Дубовик Н.Г. Из истории борьбы демократической общественности Тюмени с пьянством в дореволюционный период // 400 лет Тюмени: История и современность. Тюмень, 1986. С. 26 - 28.
4. ТФ ГАТюмО, ф. 417, оп. I, л. 492а, л. 102 - 103.
5. Абрамов Н.А. Город Тюмень // Беспалова Л.Г. Живое прошлое: Писатели XIX века о Тюмени. Свердловск, 1987. С. 68 - 69.
6. Вост. обозрение. 1887. № 22. С. 5.
7. Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. СПб., 1899. Ч. I. С. 107.
8. Tobol. губ. ведомости. 1863. № 32. С. 254, 256; Там же. № 35. С. 286.
9. Tobol. губ. ведомости. 1863. № 47. С. 410 - 411.
10. Лукьянова Л.С. Библиотеки дореволюционной Тюмени (вторая половина XIX в.) // Макушинские чтения. Новосибирск, 1988. С. 96.
11. Роцевская Л.П. Культурная жизнь и книжное дело Тюмени... С. 57.
12. Эрничев А.В. Правила для тюменской общественной библиотеки // Tobol. губ. ведомости. 1864. № 20. С. 157 - 158.

13. Каталог книг и периодических изданий Тюменской публичной библиотеки А.В. Эркичева. Казань, 1865. 14 с.
14. Роцевская Л.П. Поведала книга... С. 4.
15. Чукмаддин Н.М. Письмо 2-е. Июля 12 числа 1863 г. // Тобол. губ. ведомости. 1863. № 35. С. 367 - 368.
16. Потанин Г.Н. Письма. Иркутск, 1977. Т. I. С. 110.
17. Сиб. газ. 1888. № 34.
18. Устав Тюменского приказчиьего Клуба. Тюмень, 1869. 16 с.; Беспалова Л.Г. Живое прошлое... С. 92; Эртнер Е. Николай Чукмаддин и его воспоминания // Урал. 1986. № 7. С. 152 - 156.
19. Вост. обозрение. 1885. № 49 - 50. С. 9.
20. Там же. 1886. № 19. С. 6; Долгоруков В.А. Путеводитель по всей Сибири и средне-азиатским владениям России. Томск, 1901. С. 109.
21. Сиб. газ. 1888. № 34.
22. Роцевская Л.П. Культурная жизнь и книжное дело Тюмени... С. 56.
23. Систематический каталог книгам тюменского 2-ой гильдии кушца Терентия Алексеевича Тимофееенкова, находящимся во временном пользовании библиотеки мая 5-го дня 1888 г. Тюмень, 1888. 22 с. + 42 с.
24. Сиб. газ. 1888. № 34.
25. Вост. обозрение. 1885. № 49 - 50. С. 9; Там же. 1886. № 14. С. 10; Там же. 1886. № 19. С. 6; Кн. вестн. 1886. № 26. С. 1240.
26. Вост. обозрение. 1886. № 14. С. 10.
27. Каталог к книгам библиотеки Тюменского приказчиьего клуба. Тюмень, 1888. 22 с. + 42 с.
28. Сиб. газ. 1895. № 34.
29. Календарь Тобольской губернии на 1889 год. Тобольск, 1888. С. 184.

30. Тобол. губ. ведомости. 1894. № 28. С. 572; Там же. № 32. С. 659 - 660.

31. Каталог к книгам библиотеки...; Тобол. губ. ведомости. 1894. № 32. С. 659 - 660; I-е дополнение к алфавитному указателю книг библиотеки Тюменского приказчиьего клуба. Составлено с 1911 по 1913 гг. Тюмень, 1913. С. 17.

32. Ермак. 1912. № 23. С. 15; Там же. № 24. С. 9; Там же. № 25. С. 4.

33. Там же. № 28. С. 6; Там же. № 31. С. 4.

34. Отчет Тюменского приказчиьего клуба за 1915 1916 гг. Тюмень, 1916. С. 7.

35. ГАТюмО, ф. И1, оп. 1, ед. хр. 63, л. 67.

36. Волкова В.Н. Традиции П.И. Макушина и современность // Макушинские чтения. Новосибирск, 1988. С. 4 - 8.

37. Зубковский А. Общество попечения о начальном образовании в Сибири // Календарь Тобольской губернии на 1893 г. Тобольск, 1892. С. 109; Тюмень. Адрес-календарь по Тюмени и Тюменскому уезду на 1913 г. Тюмень, 1913. С. 104.

38. Абрамов К.И. История библиотечного дела в СССР: Учебник. 3-е изд. М., 1980. С. 70.

39. Кн. вестн. 1895. № 4. Стб. II - 12; Лукьянова Л.С. Библиотеки Тюмени... С. 64 - 65.

40. Тобол. губ. ведомости. 1894. № 48. С. 254.

41. Отчет Совета общества попечения об учащихся в уездном и начальных училищах г. Тюмени за 1898 год. Тюмень, 1899. С. 3.

42. Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними 15 мая 1890 г. // Звягинцев Е. Правовое положение народных библиотек за 50 лет. М., 1916. С. 18.

43. ГАТюмО, ф. И1, оп. 3, л. 19; л. 85 86.

44. Отчет Совета общества... за 1898 г. С. 16.

45. Отчет Совета общества... за 1897 г. С. 4, 11, 12.

46. В конце 70-х гг. XIX в. Н.М. Чукмадин переехал в Москву, где и жил до конца своей жизни, но очень часто присылал деньги, книги, посылки с обувью, учебниками, вещи для продажи, а вырученные деньги, по его просьбе, вносились в капитал бесплатной библиотеки общества.

47. И.И. Игнатов - тюменский купец I-й гильдии, дядя писателя М.М. Пришвина.

48. Руководство к устройству бесплатных народных библиотек-читален. Харьков, 1897. С. 1.

49. Сиб. край. 1907. № 26. С. 3.

50. Г-й. Библиотечный вопрос в Тюмени // Сиб. торговый посредник. 1912. № 19. 4 марта.

51. Сиб. торговая газ. 1897. № 132. С. 2; Там же. № 66. С. 2; Там же. 1900. № 280. С. 2.

52. Там же. 1897. № 66. С. 2.

53. Tobол. губ. ведомости. 1897. № 17. С. 263 - 264.

54. Сиб. торговая газ. 1897. № 66. С. 2.

55. Там же. 1897. № 130. С. 2 - 3.

56. Памятная книжка Тобольской губернии на 1907 г. Тобольск, 1907. С. 138.

57. ГАТюМО, ф. И2, оп. I, ед. хр. 538, л. 131/об/ - 132.

58. Сиб. край. 1907. 18 окт.

59. ГАТюМО, ф. И1, оп. I, ед. хр. 185, л. 37; д. 179, л. 50/об/; ед. хр. 186, л. 33/об/; ед. хр. 188, л. 40; ед. хр. 193, л. 45/об/; ед. хр. 203, л. 5/об/; Там же. ф. И2, оп. I, ед. хр. 538, л. 131/об/ - 132; Брмк. 1912. № 32. С. 16.

60. ГАТюМО, ф. И1, оп. I, ед. хр. 58, л. 100 - 100/об/.

61. Сиб. край. 1907. 29 нояб. С. 3; Сиб. торговая газ. 1912. № 19. 4 марта; Лукьянова Л.С. Библиотеки дореволюционной... С. 97 - 99.

62. ГАТюМО, ф. И1, оп. 3, д. 19, л. 125 - 125/об/.

63. Данилов В. Поляки на Тюменской земле // Блокнот агитатора. 1988. № 23 - 24. С. 31.

64. ГАТюмО, ф. 141, оп. 1, д. 3, л. 53.

Е.Н. Коновалова, Л.П. Роцевская

КНИГОИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЮМЕНИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX - НАЧАЛО XX в.)

Уездный город Тобольской губернии Тюмень является одним из сибирских городов, где книгоиздание зародилось весьма поздно: в конце 60-х гг. XIX в.

Издательская деятельность дореволюционной Тюмени до сих пор не исследована в должной мере. В работах Л.П. Роцевской, М.С. Яблокова даны лишь сведения о деятельности отдельных типографий и издателей Тюмени, но, к сожалению, отсутствует обобщающая картина развития книгопечатания города /1/. Статья представляет собой попытку рассмотреть печатную продукцию Тюмени второй половины XIX - начала XX вв.

Тюмень во второй половине XIX в. стала крупным экономическим центром Сибири. Здесь перекрещивались сухопутные и водные пути сообщения, развивалась торговля, промышленность и ремесла. Развитие капиталистических отношений стимулировало культурную и общественную жизнь Тюмени. В этот период в городе растет число гимназий, училищ, школ, расширяется сеть библиотек, соответственно появляется и потребность в книге - учебной, справочной, научно-популярной, а также в научной, созданной на местном краеведческом материале.

Представители различных сословий города собирали домашние библиотеки, выписывали из центральной России главнейшие периодические издания, приобщались к чтению краеведческой, исторической и политической литературы. Известный революционер и крупный ученый П.А. Кропоткин, побывавший в Тюмени в 1862 г., писал: "Вот и первый сибирский город. Я остановился в нижней Тюмени; все деревянные дома... Но в мясницких плохоньких домиках живут очень по

рядочно... читают... и читают довольно много" /2/. В 1864 г. открылась первая публичная библиотека, которая по составу книжного фонда была "революционно-демократического направления" /3/.

В 60-х гг. XIX в. в Тюмени активно действовал знаменитый кружок К.Н. Высоцкого, который "олицетворял собою центр умственной жизни города" и объединял политических ссыльных, местную интеллигенцию передовых взглядов /4/. На заседаниях кружка устраивались чтения и литературные дискуссии, разгорались споры по острым проблемам современности. Члены кружка старались содействовать развитию образования, медицины, библиотечного дела, участвовали в научных исследованиях, а также поддерживали организацию печати и открытие типографии. И не случайно владельцем первой типографии дореволюционной Тюмени стал идейный вдохновитель кружка, один из воспитанников декабристов, учитель, человек демократических взглядов и позиций Константин Николаевич Высоцкий (1835 - 1887 гг.). Свою типографию он основал в 1869 г., и она функционировала два десятилетия, до самой его смерти. Типография Высоцкого была первым частным полиграфическим предприятием Тюмени. Ее деятельность достаточно полно освещена в литературе /5/.

Отсутствие системы регистрации и хранения книг, изданных до революции в Тюмени, не позволяет привести полные данные об их количестве. В настоящее время выявлено всего 150 названий книг и брошюр, вышедших с 1869 по 1917 г. Это число незначительное, но оно раскрывает характерные черты тюменского книгоиздания, преобладающие в нем тематические группы.

Изданные в Тюмени книги чаще всего проходили цензуру на месте, подписывались в печать кем-либо из местной администрации. Многие из них оставались неизвестными в столицах, не попадали в Императорскую публичную библиотеку. Это еще раз подтверждает необходимость восстановления репертуара местных книг.

Одной из характерных черт книгоиздания дореволюционной Тюмени является возрастающий год от года выпуск книг. Так, в 1869 г. было напечатано 1 издание, в 1875 - 2, в 1883 - 3, 1892 - 8, 1898 - 14. В последующие годы постепенно выпуск книг уменьшается. В 1901 г. - 8, 1907 - 1, 1910 г. - 4. Основная часть выпущенных книг относилась к 1892 - 1903 гг. За это время

было издано 75 названий книг, что составляло половину книгоиздания дореволюционной Тюмени. В городе работало 5 типографий, тогда как в остальные годы — от одной до трех, печатавших к тому же в основном газеты. В дореволюционной Тюмени действовало более десяти типографий, которые в отличие от других городов, в том числе и Тобольска, были частными. Случались годы, когда не появлялось ни одного издания (1877, 1879, 1882). Правда, в это время шла усиленная подготовка к изданию газеты "Сибирский листок объявлений", которая стала первой частной газетой не только Тюмени, но и всей Тобольской губернии.

Газета выходила с 5 января по 28 декабря 1879 г. И возникновение ее в Тюмени — явление не случайное. Как крупный промышленный город, находящийся в начале главного сибирского тракта, Тюмень в первую очередь нуждалась в торговой рекламе и информации. Кроме того, в Тюмени сложился достаточно прочный круг деятелей культуры, почти 10 лет работала первая частная типография. Немалую роль играло еще и время появления газеты. Это был период общественного подъема, период второй революционной ситуации.

Издатель, а им был К. Высоцкий, видел цель газеты в том, чтобы отражать "все интересы Сибири и ее деятельности на почве как крупной промышленности, так и ее главных отраслей". Утвержденная программа газеты включала в себя общекалендарные сведения, заимствованные из одобренных цензурой изданий, сводку погоды в разных местах Сибири, сведения о ярмарках в окрестностях Тюмени, торгово-справочные цены на товары, местные изделия и продукты. С самого начала предполагалось, что газета будет помещать объявления. Много лет спустя эта программа была охарактеризована как узкая /6/, но это не соответствует действительности.

Уже современники видели в программе более широкое звучание. Вот какими словами сопровождал прошение Высоцкого об издании газеты тюменский исправник Игумнов: "Сибирь, богатая местными произведениями и крупной торговлею, весьма бедна печатным словом: не имеет до сих пор даже простых торговых объявлений, которые способствовали бы большому обмену известий о местных изделиях, торговых спросах и тем усиливали бы еще больше торговую и про-

мысленную деятельность края, почему в этих видах печатным словом удовлетворение ходатайства Высоцкого принесло бы пользу краю" /7/.

О том, что готовится первое частное издание, знала интеллигенция края. Тобольский художник и писатель М.С. Знаменский в одном из писем просил: "Поклонитесь от меня Чукмадину и Высоцкому. Я их добром поминую, и мне кажется, что это единственная пара, не поминающая меня лихом". Именно Знаменскому принадлежат и первые рассуждения о будущей газете. В недатированном письме Терентию Алексеевичу, фамилия которого неизвестна, он благодарил об известии о газете и сообщал свои предложения о ней: "Носятся слухи, что в Тумени затевается издание газетки, обсуждается ее программа, после чего пойдет в надлежащее место надлежащая просьба о разрешении". Знаменский не сомневался, что по внешности будущая газета "будет опрятной, т.к. тюменские типографии щеголяют своими работами и опережают губернские". Не сомневался Знаменский также, "какова будет душа в этом опрятном теле", ибо в Тумени "найдутся сотрудники, которые отнесутся к делу серьезно и будут готовы и рады поддержать дальнюю газету". Но главным вопросом Знаменский считал, "кто будет стоять у цензурной купели и много ли дельного и справедливого выйдет из крещеного". Иными словами, революционер-демократ М.С. Знаменский опасался, что цензурные преследования сильно исказят газету, ибо "провинция вообще на этот счет до безобразия труслива". Заканчивал свои рассуждения Знаменский утверждением, что Тюмень нуждается в честном руководящем органе /8/.

В целом газета была поддержана. Она выходила пять раз в неделю по пятницам. Предварительной цензуры избежать не удалось. Вначале газету проверяли в Казани, затем в Тобольске. Материалы значительно задерживались и устаревали, поэтому в большинстве случаев приходилось наполнять номера деловыми объявлениями, которые печатались без просмотра цензуры.

Каждый номер состоял из 4 - 5 разделов: помещали общекалендарные сведения, а также данные о состоянии погоды в разных местах Сибири, преимущественно в Тумени и Тобольске. Не следует забывать, что как раз в эти годы во всем мире получает развитие служба погоды, возникают первые метеорологические установки, изучаются не только атмосферные осадки, но и ветры, уровни воды

в водоемах. Подобные исследования были очень нужны развивающемуся капиталистическому хозяйству страны и науке. К.Н. Высоцкий пытался привлечь для этой трудоемкой и повседневной работы своих корреспондентов, предлагая войти "с редакцией в соглашение о вознаграждении". Это дает основание предполагать, что Высоцкий был как-то связан с Русским географическим обществом, которое и оплачивало подобные работы. Со временем отдел термометрических наблюдений принял в газете серьезный характер.

Второй раздел газеты "Ярмарки и торжки" информировал о ярмарках и торгах в окрестностях Тюмени, о том, какие товары продавались, в каком количестве и по какой цене. Этого рода информация была ориентирована на торгующих крестьян, мещан и купцов. Именно эта часть и представляла наибольший интерес для предпринимателей Тюмени и транзитных торговцев.

Половину газеты занимали объявления. Здесь помещались объявления о продаже личных вещей, изделий кустарных промыслов, об открытии фотографий, магазинов, распоряжениях санитарной комиссии тюменской городской управы, городской думы. Иногда объявления повторялись несколько раз.

К.Н. Высоцкий понимал, что немаловажное значение будет иметь поддержка собратьев-литераторов и пытался установить с ними контакт, печатая объявления о выходе других газет. Но деловые связи с литературным миром налаживались трудно. По крайней мере, в "Сибирском листке объявлений" появилось только уведомление о выходе ежедневной газеты "Русский курьер" и третьего издания романа Вл.И. Немировича-Данченко "Гроза".

Особый интерес представляют письма читателей. Высоцкий уделял этому отделу газеты большое внимание. В своих письмах читатели давали оценку газете, выражали пожелания о ее содержании, указывали ошибки и опечатки. Некоторые жаловались, что газета малозанимательна, просили сообщать, сколько в Тюмени "невест с каким приданным и точно также женихов". "Если бы Вы обратили на это внимание, - писал неизвестный, - то наверно бы более кавалеры и барышни пожелали выписывать "Сибирский листок". Высоцкий достойно ответил на это пожелание: "Ужели только и дела на свете, что искание невест и женихов?" Он советовал употребить время "на шитье сапогов, на посадку картофеля", обещал поместить "почтенное и солидное объявление" "о явлении на свет

нового продукта, увеличивающего благосостояние родины и человечества" /9/.

Такой человек, как К.Н. Высоцкий, не разбрасывался словами, и раз он упомянул о родине в своей газете, это была не игра словами, а глубокое убеждение человека передовых взглядов. Интересы родины и народа были для него превыше всего. И сотрудников для своей газеты Высоцкий подбирал со знанием дела. Среди них - его единомышленники, тюменские купцы, которые отличались достаточно развитыми и передовыми взглядами, - Т.А. Тимофеенков, В.И. Князев, Д.И. Лагин, А.К. Глазунов, И.В. Канонников, Н.М. Чукмалдин. В газете сотрудничали: корреспондент многих газет, будущий советский геолог А.П. Павлов, книги которого печатал Высоцкий, служащий В.В. Ефремов, учитель А.А. Себякин, художник И.А. Калганов, старшая дочь Высоцкого Мария. Они энергично собирали материалы литературного и специального характера. Пытались в газете печатать и обличительные статьи, но предварительная цензура не допускала этого.

Внешний вид газеты был действительно симпатичен. Высоцкий использовал для заголовков и текстов объявлений разные шрифты. У него появились и иностранные шрифты, чего не было в 1875 г., когда он печатал свои художественные альбомы. Все это улучшало восприятие текста и привлекало читателей. Здесь же он помещал объявления о работе своей типографии и об ее услугах.

Но все эти попытки улучшить газету упирались в главное препятствие - предварительную цензуру. Сотрудники потеряли всякую надежду на снисходительность цензуры, а подписчики получали ограниченное чтение. Газета была обречена. Выходила она очень небольшим тиражом - 150 - 200 экз., имела 52 подписчика. Из-за убыточности 28 декабря 1879 г. газета прекратила свое существование.

В Тюмени, как и во многих провинциальных городах, не было издателей-профессионалов, которые заботились бы о рентабельности своих предприятий. Книжки выпускали различные учреждения, учебные заведения, общества, сами авторы, купцы-меценаты. Поэтому здесь не встретишь перепечаток столичных изданий, вольных переделок с французского, книг развлекательных. Сугубо деловой подход обусловил виды изданий и их тематику.

В дореволюционной Тюмени сложилась благоприятная обстановка для издания книг прежде всего краеведческой тематики: по истории, географии, сельскому хозяйству, промышленности, медицине, просвещению и культуре. В это время здесь жили и работали такие талантливые краеведы и исследователи, как директор Тюменского реального Александровского училища Иван Яковлевич Словоцов, географ и историк этого училища Петр Михайлович Головачев, в дальнейшем преподаватель Московского университета, воспитанник декабристов Капитон Михайлович Голодников, купец-меценат Николай Мартемьянович Чукмалдин.

Более всего печаталась служебная ведомственная книга в виде официальных и справочных изданий. Это разного рода отчеты, протоколы, журналы, списки, сметы, проекты, уставы, циркуляры, доклады, календари, адрес-календари, каталоги, дорожники, выпуск которых составил 66,7%. Каждое учреждение, благотворительное общество, приказчиный клуб, общества попечения об учащихся, трезвости, стремились оформить свой годовой отчет в виде книги или брошюры. Чаще всего они выходили объемом в 7 - 15 страниц, но встречались и толстые, нарядные тома, объемом 75 - 120 страниц. Например, "Отчет Тюменского попечительского общества о бедных за 1891 год" (тип. Л.К. Высоцкой, 1892) составил брошюру объемом 13 страниц, а "Историческая записка и отчет за 25 лет существования Тюменской женской прогимназии" М.Р. Клериковой, напечатанная в 1898 г. в типографии А.А. Крылова, была оформлена в виде книги объемом 112 страниц. Эти издания чаще всего были многословными, выходили в свет без серьезной редакторской обработки.

А вот адрес-календари и памятные книжки Тюмени выпускались объемнее, насыщеннее, богаче по оформлению. Для торговых людей дореволюционной Тюмени в 1913 г. в типографии А. Благинина и К^о был отпечатан специальный календарь под названием "Тюмень: Справочник и адрес-календарь по городу и уезду" объемом в 194 страницы. Составитель справочника Т.Ф. Калугин в предисловии отмечал, что "приступая к выпуску предлагаемого "Справочника..." имел "в виду составить наглядный и полезный торгово-промышленный справочник и адрес-календарь, а также указатель лиц, занимающих административные и общественные должности, и лиц свободной профессии с обозначением их адресов". Данный справочник был практи-

чески единственным в Тумени пособием для лиц, интересующихся вопросами торговли. Он был удобен и тем, что имел "карманный" формат.

Популярностью у читателей-пассажиров пользовались "Растояние по р.р. Западной Сибири, Туры, Тоболу, Сосье, Тавде, Иртышу, Оби и Чульму", "Карта-дорожник по рекам Западной Сибири: Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи" (1880, тип. К. Высоцкого); "Движение пароходов товарищества "Курбатова и Игнатъева" между Туменью и Павлодаром в 1886 году" (1886, тип. К. Высоцкого); особенно "Вся Тумень. Спутник пассажира, календарь и справочная книжка по г. Тумени" (1910, издатели А.М. Адромеев и А.А. Благинин); "Справочная книжка по г. Тумени на 1899 г." (1899, тип. А.А. Крылова); "Адрес-календарь Тобольской губернии на 1898, 1899 гг." (тип. А.А. Крылова, 1898, 1899); Лагунов А. "Туменский адрес-календарь" (1887, тип. Г.И. Киткова).

Кроме справочников, в Тумени издавались самого разнообразного назначения прејскуранты и каталоги - например, "Прејскурант Сибирской консервной фабрики Торгового дома "Михаил Плотников и сыновья" в Тобольске" (1898, тип. А.А. Крылова), "Каталог музея при туменском Александровском реальном училище" (1905 г., тип. Л.К. Высоцкой), "Каталог книг библиотеки Туменского приказчиьего клуба" (1888, тип. Л.К. Высоцкой).

Немало в Тумени издавалось учебной и педагогической литературы. Можно назвать такие издания, как "25-летие церковно-приходских школ в Туменском уезде" (тип. А.А. Крылова), Лысов А. "Народное образование в Туменском округе в 1897 г.", "50-летие Ирбитского училища (1820 - 1870): историческая записка" (1871, тип. К.Н. Высоцкого). Подобные издания были очень популярны в то время, так как в них были не только поименные перечни учителей и учеников, таблицы и программы, но и своеобразно зафиксированный педагогический опыт провинциального учительства. Кроме того, подобные издания помогали воспитывать чувство уважения к своей профессии.

Значительное место в туменском книгоиздании занимали научные и научно-популярные книги. Среди них - описания городов, рек, климата, растительного и животного мира родного края, его истории, рассказы о замечательных уроженцах губернии и т.д. Например: М.С. Знаменский "Исторические окрестности города Тоболь-

ска" (1901, тип. А.А. Крылова); Л. Кориков "Сосьвинские и лыпинские вогулы Березовского округа" (1898, тип. А.А. Крылова); К. Голодников "Декабристы в Тобольской губернии" (1899, тип. А.А. Крылова); П.М. Головачев "Жизнь и деятельность Н.М. Чукмалдина" (1903, тип. А.А. Крылова); Н. Чукмалдин "Эволюция в валяльном деле" (1897, тип. А.А. Крылова); Н. Емельянов "Сельское хозяйство в Тикалинском округе Тобольской губернии" (1897). Выпускались массовые издания по вопросам медицины и здравоохранения - "Правила для врачебно-санитарной помощи в г. Тюмени, на случай холерной эпидемии в лето 1893 года" (1893, тип. Л.К. Высоцкой); Е. Ландышев "Беседы сельского священника со своими прихожанами по гигиене" (1898, тип. А.А. Крылова).

Особую группу составляли издания по переселенческому делу: "Правила для переселенческих врачебно-питательных пунктов Тобольской губернии" (1893, тип. Л.К. Высоцкой); "Сибирское переселение: цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранный при регистрации движения переселенцев на путях Тобольской губернии в 1885 - 1895 гг." (1899, тип. Л.К. Высоцкой) "Устав Тюменского общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам, следующим из Европейской России в Сибирь" (1893, тип. Л.К. Высоцкой). Эти книги являются ценным материалом для современных исследователей по сибирскому переселению.

Привлекают внимание книги, посвященные Тюмени и самым значительным событиям истории города. Одним из таких событий была первая публичная выставка по сельскому хозяйству и промыслам Тюменского округа 1871 г. В связи с этой знаменательной датой К.Н. Высоцкий издал "Объявления о публичной выставке в городе Тюмени, имеющей быть в сентябре 1871 года", затем "Каталог произведений и изделий Западной Сибири, представленных на Тюменскую выставку 1871 года". Последнее издание послужило основой для издания в Омске книги "Описание публичной выставки, бывшей в городе Тюмени в 1871 году" (Омск, 1872), а "Всемирная иллюстрация" (1871. Т. 6. № 147. С. 272) напечатала фотографию "Тюмень. Здание выставки произведений Западной Сибири" с фотографией К.Н. Высоцкого (рис. на дер. А.К. Беггер, грав. А. Дутель).

С начала XX в. стали появляться книги по искусству, так как в это время Тюмень становится одним из ведущих центров музыкальной культуры в стране, единственным городом России, где про-

пагандируется искусство играть на гитаре. И связано это, прежде всего, с издательской деятельностью Алексея Максимовича Афромеева – большого знатока музыки, талантливого гитариста и педагога. Он более десяти лет выпускал в Томени пять газет и журналов, усиленно пропагандировавших игру на гитаре: "Гитарист", "Музыка гитариста", "Аккорд – вестник гитары и других народных инструментов", "Заочные уроки на семиструнной гитаре". Кроме того, Афромеев издал большое количество сборников нот, школ, уроков игры на гитаре, например: "Спутник гитариста", "Юный гитарист", "Первый шаг гитариста", "Выбор из лучших и любимых пьес для семиструнной гитары", "Избранная библиотека гитариста".

Большой популярностью у любителей гитары пользовались книги: "Заочные уроки теории музыки и игры на семиструнной гитаре: курс элементарный" (1903), "Заочные лекции музыки и игры на гитаре: курс элементарный" (1912) /10/.

В дореволюционной Томени совсем не издавалась детская литература. Сравнительно мало выходило религиозных книг. Они составляли 0,5% всех изданий, причем многие были посвящены истории семинарии, биографиям известных деятелей церкви.

Мало выпускалось литературно-художественных изданий – 2% от общего количества печатаемых книг. Это определялось слабостью собственных литературных сил. С Томенью не связаны жизнь и творчество крупнейших русских писателей. Однако здесь жили и работали детская писательница А.Д. Вернер, Н.А. Лухманова, В.В. Князев, П.А. Rogozинский, Н.М. Чукмалдин, которых охотно печатали наиболее значительные журналы того времени ("Русское богатство", "Современник", "Русский вестник"). Отдельные издания их произведений выходили в Москве и Петербурге. В Томени их публиковали в местной периодике ("Ермак", "Сибирская торговая газета", "Тобольские губернские ведомости"). Из книг было найдено всего три. Наибольшую известность получили издания К.Н. Высоцкого 1875 г. Это иллюстрированные альбомы карикатур художника М.С. Знаменского: "Моя поездка на Кумыс. Клубные сонные грезы" и "Обрыв. Роман классический, картинный, отменно длинный, длинный, и сатирический, и чинный". Издание этих книг стало одним из мотивов подчинения Высоцкого "надзору" в 1875 г., как содержателя типографии и фотографии, подозревавшегося в связях с

политическими ссыльными и печатании в своей типографии революционных прокламаций /II/.

В 1908 г. в типографии Л.К. Высоцкой было напечатано художественное произведение – "Сброшенные оковы. Драма в 4-х действиях". Автор ее – опальный журналист, сосланный в Тюмень царскими властями по политическим мотивам, близкий друг адмирала Макарова Петр Александрович Рогозинский.

Следует также подчеркнуть, что многие книги были изданы на средства тюменских купцов-меценатов. Так, например, "Карта-дорожник по рекам Западной Сибири" (1880, тип. К.Н. Высоцкого) и книга А. Павлова "3000 верст по рекам Западной Сибири" (1878, тип. К.Н. Высоцкого) были напечатаны на средства владельца судостроительного завода и нескольких пароходов Ивана Ивановича Игнатова. Эти издания были настольной книгой для речников, незаменимым путеводителем по рекам Западной Сибири. Поэтому Игнатов не жалел денег, всячески способствовал быстрому выпуску этих изданий.

Выходу романов М.С. Знаменского в типографии К.Н. Высоцкого помог тюменский купец 2-й гильдии Т.А. Тимофеевков, который, как и Высоцкий, в политическом отношении был на плохом счету у губернской и жандармской власти и не раз находился под следствием. В 1875 г. во время обыска у него обнаружили II экз. запрещенного сочинения Н. Наумова "Сила солому ломит" и фотографию поэта-революционера М.Л. Михайлова /I2/.

На выпуск отдельных книг непосредственное влияние оказывали революционеры-демократы. Так, исторический очерк "Обдорск" (1909 г., тип. А.А. Крылова) был написан священником обдорской церкви Василием Николаевичем Герасимовым по просьбе В.В. Бартенева – участника революционного движения в Петербурге, друга Александра, Ольги и Владимира Ульяновых по нелегальным кружкам, автора книги "На крайнем Северо-Западе Сибири". Поэтому книга "Обдорск" является как бы дополнением книги Бартенева, где затронуты только те стороны обдорской жизни, которые были там опущены.

Связи книгоиздателей Тюмени и других городов были разнообразными: это и личные контакты, и взаимное использование полиграфической базы, участие в периодических и книжных изданиях друг друга. Так, "Тюменский адресный календарь", полностью сос-

тавленный и подготовленный в Тюмени П.С. Зайдманом, был напечатан в 1893 г. в Екатеринбурге. Книга "50-летие Ирбитского уездного училища (1820 - 1870)", напечатанная в 1871 г. в типографии К.Н. Высоцкого, была составлена в Ирбите В.А. Иконниковым.

По внешнему виду продукция тюменских типографий отличается изяществом и вкусом. Поражает многообразие шрифтов, четкая печать, плотная бумага, разноцветные обложки, достаточное количество фотографий и рисунков. Зачастую тюменские издания были украшены тонкими виньетками, заставками, обложки и заголовки иллюстрировались в духе времени. Для заголовков и текста владельцы типографий использовали разные шрифты, в том числе и иностранные. Типографии были хорошо технически оснащены. Например, в распоряжении Л.К. Высоцкой было две скоропечатные машины, ручной типографский станок для печатания нот, небольшая машина "Бостонка" (иногда ее называли "американка") для изготовления бланков, визитных карточек - всякой печатной продукции малых форм /13/. В ее типографии имелся пресс, что говорит о наличии переплетного оборудования. В начале XX в. в типографии Высоцкой выходили книги даже в картонных переплетах. Высокую техническую оснащенность ее типографии раскрывает рекламное издание "Образцы шрифтов, политипажей и украшений типографии Л.К. Высоцкой в Тюмени". В 1871 г. на выставке в Тюмени за представленные экспонаты типографических работ, которые отличались "разнообразием шрифтов" и "некоторою щеголеватостью", ее отец К.Н. Высоцкий был награжден похвальным листом Министерства финансов.

Выходили издания самого разнообразного формата - от больших альбомов до малоформатных книжиц. По объему тюменские книги, как правило, были небольшие - до 80 страниц, но встречались и тома более 100 страниц. И, как правило, преобладали мягкие обложки.

Тиражи изданий не превышали 400 экз. Стоимость тюменских изданий была невысокой. Небольшие брошюры стоили от 15 до 50 к., а "солидные" издания от 1 до 2 р.

Следует отметить, что среди тюменских изданий, как и в других провинциальных городах, были широко распространены перепечатки в виде брошюр наиболее интересных статей из местной периодики, пользовавшейся большим спросом у читателей. Эти публикации

не все в полном смысле слова можно назвать книгами. Одни из них являлись лишь авторскими "оттисками", напечатанными по инициативе автора, причем за его счет, поэтому тиражи подобных изданий были мизерными (5 - 15 экз.). Другие "оттиски" представляли собой механическое повторение газетного набора, в которых не только не было каких-либо украшений, иллюстраций, а зачастую даже обложек, титульных листов, самостоятельной нумерации страниц. Поэтому судить о времени и месте выхода в свет подобных брошюр можно лишь приблизительно, ориентируясь на газетные материалы.

Итак, тюменское книгоиздание до революции, начав почти с нуля, превратилось в сложную систему. Оно было, по сравнению со многими другими городами, на более высоком уровне. Наибольший расцвет тюменское книгоиздание получило в годы общественного и революционного подъема, в периоды революционных ситуаций. Многие издания выпускались благодаря инициативе и усилиям передовой и революционно настроенной интеллигенции, вопреки официальным запретам и административным гонениям.

Примечания

1. Роцевская Л.П. Демократическое издательство К.Н. Высокского // Урал. 1986. № II. С. 171 - 174; Она же. Издательство А.М. Афромеева (начало XX в.) // Книга в Сибири (конец XVIII - начало XX в.). Новосибирск, 1989. С. 134 - 148; Она же. Культурная жизнь и книжное дело Тюмени второй половины XIX века // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX - XX в. Новосибирск, 1986. С. 53 - 54; Копылов Д.И., Князев В.В., Ретунский В.Ф. Тюмень. Свердловск, 1986. С. 71 - 72; Яблоков М.С. Общественный музей А.М. Афромеева при Тюменском училище искусств // Обл. науч.-практ. конф. "История, краеведение и музееведение Зап. Сибири", посвящ. 110-летию Тюмен. обл. краевед. музея (ноябрь, 1989 г.): Тез. докл. Тюмень, 1989. С. 46 - 47; Он же. К вопросу о типографском и издательском деле Тобольской губернии (конец XIX - начало XX в.) // Письменность и книгопечатание: Материалы науч. конф. к 1100-летию создания славянского алфавита, 200-летию книгопечатания в Сибири. Тюмень, 1989. С. 53 - 54.

2. Кропоткин П.А. Дневник. М.; Пг., 1923. С. 29.
3. Роцевская Л.П. Поведала книга // Тюмен. правда. 1986. 25 мая.
4. Роцевская Л.П. Связь политических ссыльных Тюмени в 70-х годах XIX века // Ист. сб. 1969. Вып. 2(7). Ученые записки Тюменского государственного педагогического института. Т. 91. С. 87; Эртнер Е. Николай Чукмаддин и его воспоминания // Урал. 1986. № 7. С. 154.
5. Роцевская Л.П. Демократическое издательство К.Н. Высоцкого. С. 171 - 174; Она же. Связь политических ссыльных Тюмени... С. 87.
6. 400 лет Тюмени. Свердловск, 1985. С. 63.
7. ТФ ГАТМО, ф. 152, оп. 8, ед. хр. 3, л. 3.
8. ЦГАЛИ, ф. 765, оп. 2, л. 14, л. 2.
9. Сиб. листок объявлений. 1879. № 5.
10. Роцевская Л.П. Издательство А.М. Афромеева... С. 134 - 148.
11. Роцевская Л.П. Связь политических ссыльных Тюмени... С. 87; Она же. Демократическое издательство К.Н. Высоцкого. С. 174.
12. Там же.
13. ТФ ГАТМО, ф. 152, оп. 23, ед. хр. 9, л. 1.

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ В СЕЛЕНИЯХ СИБИРИ
ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА (1861 - 1904 гг.)

Одна из важных проблем отечественной истории второй половины XIX - начала XX в. - характер взаимосвязи трех процессов: утверждения и развития капитализма; перехода от традиционного к современному (рациональному) типу менталитета, культуры и образа жизни людей; распространения среди населения грамотности, печатных изданий и чтения.

Обострение интереса к теме "Народ - читатель в капиталистической России" происходит и в советской, и в зарубежной историографии. Так, американский исследователь Дж. Брукс впервые подверг анализу развитие массового сознания крестьянства и городских низов России сквозь призму народной лубочной литературы 1861 - 1917 гг. /1/. Автор обоснованно, на наш взгляд, считает, что коммерческие печатные издания, имевшие массовый тираж, помогали утверждению в широких слоях населения буржуазных жизненных принципов, меняли отношение к таким ключевым проблемам народного сознания и поведения, как порядок и свобода, наука и суеверие, русская национальная идентификация, жизненный успех, социальная мобильность и т.д. Справедлив и тезис о наличии обратной связи: изменение ментальности людей отражалось в том круге литературы, которому они отдавали предпочтение, при условии свободы его выбора. Однако требуется ответить на вопрос о том, существовала ли такая свобода в социально-исторической обстановке конкретного региона, социальной группы, хронологического периода.

Очевидна актуальность изучения проблемы, в частности, на материале крупного и своеобразного региона Сибири, и столь многочисленной группы населения, какой являлось здесь русское крестьянство. Еще в литературе дооктябрьского периода высказывались самые различные мнения о распространенности и роли книги, чтения в меняющемся под воздействием капитализма быту сибиряков. Любопытно, что разные авторы делали иногда взаимоисключающие выводы, опираясь на одни и те же источники. Вот яркий пример. Н.М. Астырев и Л.С. Личков, занимая ответственные посты в администрации Иркутской губернии, были в 1886 - 1892 гг. руководите-

лями и активными участниками массового обследования крестьянских хозяйств и деревенского быта Восточной Сибири, осуществляли разработку полученных сведений. На основе собранных материалов и собственных наблюдений этого периода, Н.М. Астырев сделал такое однозначное и безапелляционное заявление: "...вообще можно сказать, что иркутская деревня не читает вовсе, отчасти не находя вкуса к чтению, отчасти не имея возможности добыть материал для чтения" /2/. Л.С. Личков в то же время не только признал наличие в среде сибиряков "потребности (даваемой книгой) в духовной пище", но и считал возможным поставить в связи с этим многие вопросы конкретно-исследовательского плана /3/.

В советской историографии пока нет специальных исследований интересующей нас проблемы применительно к Сибири эпохи капитализма, работы же по смежной тематике и хронологии дают основания для полярных выводов. По данным Н.А. Миненко, уже в ХУШ – первой половине ХІХ в. в относительно грамотных сибирских селениях жители имели "достаточно широкий" круг чтения, активно занимались созданием библиотек и перепиской книг, сами сочиняли "произведения как религиозного, так и светского содержания: краеведческие, публицистические, "лечебники" и пр.", а коллективные читки стали в Сибири своеобразной деревенской традицией" /4/. Однако А.Л. Посадсков, изучая издание и распространение книг в Сибири кануна Октябрьской революции, пришел к выводу о том, что даже к 1917 г. в подавляющем большинстве случаев читательские потребности малых городов и деревень не были сформированы: "Отсутствие спроса на произведения печати – следствие массовой неграмотности – значительно сужало книжный рынок..." /5/. Необходимо углубленное конкретно-историческое изучение распространения и роли грамотности, чтения, рукописных и печатных изданий в культуре и быту населения Сибири эпохи капитализма, причем успешно разрабатываться эта тема может лишь в контексте общероссийской истории.

В настоящей статье авторы рассматривают следующие вопросы распространения печатных изданий в сельской русской крестьянской среде Сибири пореформенного периода 1861 – 1904 гг.: соотношение изданий различного типа (книг, журналов и газет, печатных картин) и характера (религиозных и светских); связь распространенности изданий со степенью социально-экономического и культурного развития местности, а также со структурой ее населения; возмож-

ность свободного выбора круга чтения в зависимости от распространенности литературы.

В качестве конкретно-исторических источников исследования использованы прежде всего данные массового обследования крестьянских хозяйств и сельского быта в Западной и Восточной Сибири второй половины 80-х – середины 90-х гг., проведенного Министерством земледелия и государственных имуществ; материалы полевых и анкетных обследований сети народного просвещения и распространенности печатных изданий в обширных местностях – Алтайском горном округе (1894 г.), Киренском округе Иркутской губернии (1894 – 1895 гг.), четырех остальных округах той же губернии (1900 – 1902 гг.); а также документы ряда административных учреждений, общественных организаций, занимавшихся просветительной деятельностью в сибирской деревне. Кроме массовых источников, допускающих количественную (математико-статистическую) обработку, рассматривались воспоминания сельчан, опубликованные в прессе очерки и корреспонденции наблюдателей.

С самого начала подчеркнем, что название книги Дж. Брукса "Когда Россия училась читать" может быть принято лишь как условное. Период после 1861 г. вовсе не был временем, когда только начиналось приобщение русского "простонародья" к грамотности и чтению. Эпоху утверждения, развития капитализма уместно было бы считать временем расширения распространенности печатных изданий, изменения их состава, повышения роли чтения в жизни трудящихся. Во второй половине XIX в. в результате целенаправленных обследований впервые появились статистические данные, позволяющие определить количественные параметры изучаемого явления в ряде местностей Сибири и экстраполировать их (с оговорками) на весь регион.

Прежде всего выясняется, что масштабы распространения печатной продукции в сибирской деревне пореформенного периода были в абсолютном и относительном выражении невелики, но все же не давали оснований для категорического вывода о "полном отсутствии" материала для чтения. Можно определить соотношение основных типов печатных изданий, имевших хождение в селениях. Наиболее распространенными в крестьянской среде были периодические издания – газеты и журналы. Так, в 1893 г. в сельской местности Киренского округа подписчики получали всего 142 экз. периодики

около 40 наименований (без учета изданий официальных и специально предназначенных для школьных библиотек). При этом собственно крестьяне выписывали только 22 экз. или 15,5%, а остальное приходилось на духовенство - 39, чиновников и служащих волостных правлений - 34, шло купцам и мещанам - 44, ссыльным - 3 экз. /6/.

Даже к началу XX в. далеко не во всех селениях и очень немногие крестьяне выписывали газеты и журналы. Вот некоторые ответы за 1900 - 1902 гг. на анкету Общества содействия распространению народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии из Верхоленского уезда, освещающие положение в относительно "грамотных" селах: "Чтением газет занимается в свободное время человек десять" (с. Еггалово Тутурской волости, около 60 крестьянских дворов); "Получаемые в сельском управлении "Иркутские губернские ведомости", "Сельский вестник" читают не более 4 человек; прилагаемые при "Сельском вестнике" книжки "Бог помочь" раздаются грамотным, но видимо никем не читаются, ибо разговоров о прочитанном не слышно" (с. Залог, 125 домохозяйств); "Выписывается 4 экз. "Восточного обозрения", 1 - "Губернских ведомостей", 1 - "Биржевых ведомостей", 3 - "Нивы", 1 - "Родины", 1 - "Родной речи", 1 - "Вокруг света", 1 - "Нового мира", 1 - "Русского богатства". Кроме выписывающих, редко кто пользуется этими журналами" (торговое с. Тутурское, 350 дворов) /7/.

Материалы по другим местностям Сибири имеют сходное содержание. Некоторые из них фиксируют всплеск спроса на газеты, увеличение их выписки в 1900 г., когда призванные из сибирских селений солдаты участвовали в военных действиях в Китае: "Китайские осложнения вызвали на это время потребность в чтении - несколько лиц пользовались газетами, но остановка военных действий повлекла и остановку чтения" (с. Шилкинское Иркутского уезда); "Потребность в газетах ощущалась только во время мобилизации" (Удинское сельское общество Балаганского уезда Иркутской губернии) и т.д. /8/. По сведениям почтово-телеграфных управлений, 1900 г., а затем особенно 1904 - 1905 и 1914 - 1917 гг. были временем невиданного роста выписываемых сибиряками газет, что объясняется интересом к военным и революционным событиям.

Более обширные, чем периодика, масштабы распространения имела в пореформенный период в сибирской деревне книжная продукция. На рубеже 80 – 90-х гг. XIX в. в северо-западной части Барабы на Спасском участке Каинского округа Томской губернии в обследованных 3546 крестьянских дворах оказалось 954 грамотных жителя, которые имели 1765 собственных книг, что составляло 50 томов на 100 домохозяйств, 10 – на 100 человек населения, 185 – на 100 грамотных лиц /9/. В 1894 – 1895 гг. в Киренском округе Иркутской губернии в 25 обследованных селениях располагалось 1262 домохозяйства, из них книги имелись в 378 или в 30%, всего 1441 экз. Таким образом, на населенный пункт приходилось здесь 58 книг, на 100 дворов вообще – 114, на 100 домохозяйств, располагавших книгами – 381 экз. /10/.

Ситуация с кругом чтения в Киренском округе на основе приведенных цифр выглядит лучше, чем в Каинском, но следует учесть, что обследовавший северо-восток Иркутской губернии К.К. Кокоулин, проверив "все наличное книжное богатство" в 80 селениях, избрал затем для статистического анализа только те из них, что располагались "в разных пунктах (специфических естественно-исторических зонах округа. – В.З., К.З.) и в сравнительно лучших условиях" /11/, т.е. его выборка несколько приукрашивает действительное положение дел. С другой стороны, и на западе, и на востоке Сибири приведенные цифры характеризуют только книги и "толстые" журналы, находившиеся в собственности жителей, и не затрагивают фондов школьных и других общественных библиотек, а к ним тоже имели доступ крестьяне. В личных и религиозно-общинных библиотечках старообрядцев наверняка не были учтены старопечатные и рукописные богослужебные, вероучительные и полемические книги, составлявшие в общественном мнении "староверов" огромную ценность и обычно скрываемые от постороннего глаза.

Комплекс источников показывает, что с 1861 по крайней мере до середины 90-х гг. наиболее распространенным видом печатной продукции, имевшей хождение в сельской местности Сибири, были настенные лубочные картины. Вот как описывается интерьер типичной горницы в материалах обследования Тюменского округа Тобольской губернии: "Обстановка даже в домах среднего достатка весьма приличная. По стенам стоят стулья и лавки, шкафы и прочая мебель, которая содержится в большой чистоте; на стенах развешены разные

лубочные картины и портреты Высочайших особ Императорского дома" /12/.

Описания аналогичного характера, иногда более подробные, имеются по множеству других местностей /13/, так что зафиксированная здесь картина может считаться характерной для старожильского населения всей Сибири. По мере заселения ее окраин на стенах домов новоселов, как выходцев из Европейской России, так и сибирских уроженцев, тоже появлялись своеобразные "картинные галереи". Еще в 1861 г. известный этнограф С.В. Максимов отметил этот процесс, например, в бассейне Амура. Заселявшие его левобережье забайкальские казаки, переселенные сюда с Аргуни и Шилки, строя в новых станицах теплые дома, охотно покупали у проезжих кушцов "картинные украшения московского дела" /14/. Лубочные картины, как правило, украшали и стены общественных зданий – волостных и сельских правлений, земских ("везжих") квартир для проезжающих чиновников.

Со временем наиболее грубые по качеству литографии, раскрашенные от руки, уступали место хромолитографиям и цветным типографским оттискам, в том числе извлеченным из иллюстрированных журналов; все чаще попадались картины с довольно высоким уровнем изображения, текста и печати. Исследователь Е.С. Филимонов утверждал, что в выборе лубочных картин "у сибиряка развито гораздо больше вкуса и понимания, чем у крестьянина Европейской России" /15/. Возможно, здесь сказывалась тенденция к идеализации быта сибиряков, проявлявшаяся у некоторых наблюдателей и в том, что они писали о наличии множества картин буквально в каждой избе. Наиболее внимательные же очевидцы настаивали на том, что только в достаточно зажиточных крестьянских домах "встречаются и литографии, и серебряные ложечки, и стенные часы, и прочие земные блага, от которых приходят в умиление господа проезжающие" /16/, на стенах же небогатых домов чаще "наклеены бумажные облопочки с кирпичного чая", в подражание богатым /17/.

Подробнее всего характеризовал распространенность настенных картин, их сюжеты, качество изображения и текстов, место издания, соотношение между собой по всем этим признакам в селениях Иркутской губернии Н.М. Астырев. "Мне пришлось побывать в нескольких десятках изб в разных концах описываемого района; в редкой избе я не находил ни одной картины, в большинстве же изб их оказыва-

лось от двух до пяти штук, а в иных я насчитывал по десяти – двадцати и более листов...”, – писал он /18/. Но учтем все же, что будучи чиновником, автор наверняка во время своих разъездов останавливался в основном в зажиточных жилищах крестьян и на земских квартирах.

В конце изучаемого периода, благодаря опережающим темпам издания и распродажи книжной продукции, она во многих местностях Сибири стала успешно конкурировать с печатными картинками. Вот данные контент-анализа, которому мы подвергли анкеты Общества содействия распространению народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии за 1900 – 1902 гг. Из 101 пункта с преимущественно русским населением Балаганского, Верхотурского, Иркутского и Нижнеудинского уездов были получены ответы о наличии в селении тех или иных печатных изданий. Респонденты из числа местных жителей зафиксировали газеты и журналы в 56 селениях, картины – в 62, а книги – в 79 /19/. Статистика эта, как и данные К.К. Косоулина, Л.С. Личкова, характеризует положение в отнюдь не самых отсталых населенных пунктах, поскольку в них нашлись лица, давшие иногда весьма обстоятельные письменные ответы на анкету, состоявшую из 19 вопросов.

Перейдем к анализу основных факторов, определявших распространенность печатных изданий в сельской местности. Для этого снова воспользуемся материалами по северо-западной Барабе (Спасскому участку Каинского округа Томской губернии) рубежа 80 – 90-х гг., которые дифференцируют массив обследованных крестьянских домохозяйств по различным естественно-историческим зонам (табл. I).

Прежде всего обращает на себя внимание очень малые абсолютные и относительные показатели обеспеченности населения книгами во всех выделенных источником местностях Каинского округа. Примечательно в то же время, что количество циркулировавших книг увеличивалось здесь с севера на юг, и этот факт требует своего объяснения. Наибольшее число изданий, приходящееся на 100 грамотных, было зафиксировано в южной части степной зоны, т.е. в тех районах Барабы, которые ближе остальных прилегали к Омску – крупнейшему административному, транспортному, торгово-промышленному и культурному центру этой местности, и по которым вскоре должна была пройти железная дорога. На втором месте по распространенно-

Таблица I

**Распространенность печатных изданий
в сельской местности***

Естественно-историческая зона	Доля грамотных в населении, %	Количество циркулирующих книг					
		религиозных		светских		всего	
		абс.	%	абс.	%	абс.	на 100 грамотных
Степь	5,3	902	60,1	600	39,9	1502	204
в т.ч.:							
южная	4,5	264	52,9	235	47,1	499	260
средняя	6,2	392	60,2	259	39,8	651	210
северная	5,2	246	69,9	106	30,1	352	151
Полесье	5,2	197	74,9	66	25,1	263	120
Итого	5,3	1099	62,3	666	37,7	1765	185

сти книг стояла средняя полоса степного пространства. Она лежала по обе стороны Московско-Сибирского тракта, связывавшего на данном участке Омск и Тару с Каинском. По линии тракта располагалось несколько крупных торговых сел - Вознесенское, Камышево, Спасское и др. Городские лавочки, базары и ярмарки трактовых селений, развитая здесь развозная торговля были главными поставщиками печатной продукции местному населению. Напротив, слабая распространенность книг в северной области степной полосы и особенно в полесье (урмане) обуславливалась главным образом удаленностью этих двух районов от городов и трактов.

Обследования других местностей Сибири также показали сильную зависимость распространенности печатных изданий (не только книг) от положения местности относительно крупных центров и транспортных магистралей - речных путей, экономических и почтовых трактов, железной дороги. Так, Н.М. Астырев отмечал в конце

* Подсчитано по источнику: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Спб., 1892. Вып. 17. С. 81 - 83.

80-х гг.: "Мода украшать стены изб картинами привилась уже издавна, особенно в торговых селах, лежащих близ трактов; разносчики товаров имеют при себе всегда богатый выбор картин на всякие вкусы и цены, от 3 коп. до 12 - 15 коп. за экземпляр" /20/. К.К. Кокоулин констатировал, что наибольшее количество книг, особенно вероучительных и богослужебных, духовно-нравственного содержания, учебных, а также "толстых" журналов и литературно-художественных приложений к периодическим изданиям в Киренском округе приходилось на пригородные села, затем на селения по реке Лене (она была в здешних местах главной транспортной артерией), а наименьшее - на удаленные ("забошные") деревни по Ангаре и Илимю. Малой доступностью печатных изданий объяснялось то, что "сбережение книг присуще более отдаленным и глухим деревням, чем бойким и пригородным" /21/.

По остальным округам Иркутской губернии на материале 36 трактовых и 25 "забошных" селений Л.С. Личков выявил следующую статистическую зависимость. Среди притрактовых было наименьшее число населенных пунктов, в которых взрослые не брали книги в школьных библиотеках (27%), где была "совсем не развита охота к чтению" (16%), но в то же время насчитывалось наибольшее количество селений, жители которых покупали книги - 73%. В удаленных от трактов деревнях было гораздо менее благоприятное положение, и соответствующие показатели равнялись 80, 31 и 25% /22/. Указанная зависимость сохранялась до конца изучаемого периода и нашла яркое отражение в материалах 1900 - 1902 гг. Например, сельский писарь В.В. Серебров писал о Мятлевском и Карымском сельских обществах Коноваловской волости Балаганского уезда: "Во всех пяти селениях нет лиц, имеющих запасы книг и газет, ибо селения бедные и лежат в стороне от тракта. Чтением газет и книг жители не занимаются - нет материала для чтения и нет привычки" /23/.

Привлеченные нами источники показывают, что сильной была зависимость распространности печатных изданий и от состава населения конкретной местности. Разумеется, книги, журналы и газеты интенсивнее всего циркулировали в среде чиновничества и сельской интеллигенции - учителей, священников, врачей и фельдшеров, агрономов. Один из жителей Верхоленского округа, вообще невысоко оценивавший читательские потребности сельчан, иронически пи-

сал в 1888 г. в газету "Восточное обозрение": "Пиджаковый мир" читает также очень мало, но у него имеется особая гордость показать себя "ученым" перед могущим случиться начальством, поэтому здесь и выписывается, кроме местной газеты, стоящей на первом месте, "Луч", "Неделя", "Будильник" и "Шут", а из журналов "Новь", "Нива", выписываемые более ради премии, и "Русская мысль" /24/. Если принять во внимание лишь собственно крестьянское население, то наибольшее распространение печатные издания, особенно газеты, получили в его верхнем социальном слое, преимущественно в "торговом классе", как вследствие зажиточности последнего (легче было выделить средства на культурные нужды), причастности к книготорговле, так и благодаря относительно высокому образовательному уровню.

Обобщая имевшиеся в его распоряжении материалы о газетах 60 - 80-х гг. XIX в., Л.С. Личков писал: "Нечего и говорить что простой серый мужик газеты не выписывает; она выписывается крестьянами более зажиточными, преимущественно "торгующими", выписывается богатыми инородцами, посторонними деревне людьми, проживающими в ней ради торговли, ради службы на винокуренных и железодельных заводах... сельскими и волостными правлениями и некоторыми должностными лицами сих последних" /25/. В середине 90-х гг. о том же писал К.К. Косоулин: "В редких случаях, больше как комфорт выдающихся из обыкновенного уровня богатых крестьян, выписываются периодические издания" /26/.

К началу XX в. положение изменилось к лучшему, но ненамного. В анкетах 1900 - 1902 гг. находим такие сведения по Верхотурскому уезду: "Выписывают газеты и журналы лишь лица торгового класса для себя; желающих читать много, но не имеют возможности приобрести книги" (с. Знаменское Илгинской волости, 209 дворов); "Очень немногие читают книги, берут их из школьной библиотеки. Газеты выписывать не считается полезным, преимущественно по недостатку средств" (с. Тимошино с прилегающими деревнями, 197 домохозяйств, 8% грамотных в населении) /27/.

Словное, профессиональное положение, хозяйственные занятия, особенности жизненного опыта домохозяев и их "домашних" тоже сказывались на составе печатных изданий, распространенных в той или иной местности. В литературе отмечалось, что участие крестьян в неземледельческих промыслах, особенно извозе, способ-

ствует развитию грамотности и чтения; торгующие люди имели свои читательские предпочтения, земледельцы – несколько иные, и т.д. /28/. Специфическим бывал подбор печатных картин. Так, в домах отставных солдат на почетном месте чаще обычного можно было увидеть изображения императора России и членов царствующей фамилии, правителей других стран, батальные сцены. Схожие сюжеты доминировали также в украшениях "въезжих" квартир, содержавшихся зачастую сельскими старостами или писарями /29/. Бытование в среде крестьян-сибиряков религиозных картин с римско-католической спецификой, напечатанных в издательствах Польши, было, по нашему мнению, следствием не только "большого изящества рисунка и лучшего их исполнения, по сравнению с русскими рисунками лубочного рынка" /30/, но и наличия в Сибири после 1864 г. большого количества польских ссыльных, их культурного влияния на старожилов.

Вообще религиозные убеждения оказывали большое влияние на распространенность печатных изданий. Наиболее ортодоксальные старообрядцы, скажем, не признавали гражданской грамоты, большинства новопечатных книг, вовсе не выписывали и не читали периодики. Примечателен следующий факт. Когда в 1885 г. С.Л. Чудновский, собирая статистико-экономические сведения о жителях Алтая, объезжал селения старообрядцев и единоверцев, он обескураженно констатировал: "Книг или рукописей здесь никаких не нашел..."; "Никаких книг или рукописей, кроме Псалтыри, у них (местных беспоповцев. – В.З., К.З.) нет". Наконец, в беседах с "умственными людьми" из среды начетчиков и уставщиков автор уяснил, что здешние жители не признают книг, опубликованных "после пяти патриархов", т.е. после церковной реформы второй половины ХУП в. /31/. В то же время среди явных и тайных старообрядцев обращалось большое количество апокрифической, житийной, полемической, вероучительной и прочей литературы, в том числе и оригинальной, созданной в ХУИ – ХІХ вв. самими крестьянами-сибиряками /32/. Эту литературу укрывали от посторонних, особенно чиновников, как из религиозных соображений, так и во избежание изъятия ее полицейскими властями.

Сословные и субсословные различия внутри сельского населения также сказывались на распространенности печатных изданий. Покажем это на примере населения Спасокого участка Каинского ок-

руга (табл. 2). На рубеже 80 - 90-х гг. XIX в. самое большое количество книг в пересчете на 100 грамотных было распространено здесь среди ссыльных поляков - наиболее грамотной и сравнительно интеллигентной части жителей, составляющей 3,3%. Старожилы являлись самой многочисленной и зажиточной категорией сельского населения, и абсолютное большинство книг циркулировало в их среде. Они стояли на втором месте после польских ссыльных по количеству книг на 100 грамотных. У недавних переселенцев, несмотря на их более высокую грамотность по сравнению со старожилыми, ко-

Таблица 2

Распространенность печатных изданий
среди населения Спасского участка
Каинского округа*

Категория населения	Доля грамотных в населении, %	Количество собственных книг					
		религиозных		светских		всего	
		абс.	%	абс.	%	абс.	на 100 грамотных
Старожилы	4,5	747	60,1	495	39,9	1242	205
Переселенцы-староселы	5,9	62	65,2	33	34,8	95	120
Переселенцы-новоселы	6,9	47	69,1	21	30,9	68	76
Польские ссыльные	17,1	193	66,7	96	33,3	289	286
Остальные ссыльные	5,6	12	92,3	1	7,7	13	32
Дети ссыльных	5,8	38	65,5	20	34,5	58	45
Итого	5,3	1099	62,3	666	37,7	1765	185

* Подсчитано по источнику: --Материалы для изучения...
Вып. 17. С. 81 - 83.

личество книг было небольшим. "Очевидно, переселенцы-новоселы, оставляя место своего прежнего жительства, не берут с собой книг, и только потом, прибыв на новое место, постепенно обзаводятся последними. Так как книги для них менее нужны, чем хозяйственные предметы первой необходимости, то они медленно, не спеша обзаводятся ими", - анализировал ситуацию руководивший обследованием Е.С. Филимонов /33/. В результате приобретения печатных изданий в течение многих лет переселенцы-староселы были обеспечены книгами значительно лучше, чем новоселы, хотя и гораздо хуже, чем сибиряки-старожилы. Основная масса ссыльных (кроме поляков) имела меньше всего книг - вследствие крайней бедности и хозяйственной неустроенности. Однако укоренившись в Сибири, второе поколение ссыльных обладало лучшими возможностями для того, чтобы "завести книжку".

Следующим фактором, серьезно оказывавшимся на распространении печатных изданий, было наличие школ различного типа в том или ином селении, ближайших населенных пунктах. Влияние просветительных учреждений осуществлялось по двум каналам: во-первых, за счет повышения уровня грамотности населения, следствием чего было увеличение спроса на печатную продукцию; во-вторых, в результате активного участия училищ, библиотек при них в приобщении детей к чтению и в последующем удовлетворении читательских потребностей.

Многочисленные источники фиксируют благоприятное влияние официальных школ на грамотность, читательские интересы и некоторые важные стороны образа жизни населения. Показательны в этой связи сведения, полученные на рубеже 80 - 90-х гг. XIX в. из с. Курагинского Минусинского округа Енисейской губернии, где успешно работало созданное в 1879 г. при активном участии крестьян училище Министерства народного просвещения. Респондент писал: "Наше село не так сильно суевериями и предрассудками - окончившие курс в школе совсем оставляют суеверия и путем бесед и книг стараются даже указать родителям на их невежество и доказать им нелепость суеверий. Грамотного крестьянина, окончившего курс в школе, можно чуть не с первого взгляда отличить от неграмотного: во-первых, по частому посещению церкви и, во-вторых, по обращению с людьми..." /34/.

Табл. I и 2, помещенные в данной статье, показывают, что общая распространенность книг, а также доля среди них светских изданий в целом были пропорциональны уровню грамотности жителей различных естественно-исторических зон и разных категорий населения Барабы. Материалы по Иркутской губернии дифференцируют населенные пункты по уровню грамотности взрослых жителей. Их тех 45 селений, где грамотных было мало (до 30%), 23% приходилось на такие, где "совершенно не развита" была "охота к чтению", лишь 38% — на те, где она была "заметно развита"; взрослые брали книги для чтения в школах в 56% таких пунктов. Число грамотных взрослых превышало 30% в 25 селениях, из них в 15% "охота к чтению" была "совершенно не развита", в 60% — "заметно развита" в 75% взрослые пользовались литературой из школьных библиотек. Разумеется, уровни грамотности и интереса к чтению сильно зависели от времени и успешности функционирования школ. Выяснилось, что в 78% тех селений, в которых официальные училища были основаны до 1870 г., крестьяне покупали книги. Там же, где школы были основаны в 1870 г. и позже, соответствующий процент равнялся лишь 64. Лучшее всего было поставлено учебное дело в училищах Министерства народного просвещения. Поэтому из 41 обследованного пункта, где имелись такие училища, в 49% взрослые брали книги из школы, и лишь в 16% не имели "охоты к чтению", в 27% потребность в чтении заметно не увеличивалась. Менее благоприятным было положение в селениях с церковно-приходскими школами. Взрослые брали литературу из школьных библиотек в 40% таких селений, не имели "охоты к чтению" в 29%, потребность в чтении не развивалась в 43% /35/.

Следует признать, что образование даже самых примитивных "домашних" школ и школ грамоты сопровождалось появлением в деревне хотя бы немногих учебных книг или заменяющих их печатных и рукописных текстов. Чаще всего это были азбуки (буквари), часословы (часовники), поалтыри, евангелия /36/. В старообрядческих домашних школах обучение проводилось нередко по старопечатным книгам, творениям церковных писателей /37/. В иных же случаях "хозяева" учителя приносили с собой в селение и использовали в учебных целях разрозненные номера журналов, иллюстрации и приложения к ним, а родители покупали "золотые азбуки", самоучители и

просто случайные книги, служившие ученикам хрестоматиями и книгами для внеклассного чтения.

В начале изучаемого периода минимальным был набор книг и в официальных училищах. "В иной школе все дети учились читать по одной, каким-нибудь случаем попавшей в поселок книге, например, по обрывку романа, а писать учились на песке", - отмечал войсковой статистик Ф.Н. Усов относительно станичных и поселковых казачьих школ 60 - 70-х гг. XIX в. /38/. В последующий период запасы печатных изданий в школах пополнялись учебными пособиями, методической литературой для учителей, книгами для внеклассного чтения учащихся и для "народного" чтения. Примерно со второй половины 80-х гг. в большинстве местностей Сибири крестьяне удовлетворяли свои читательские потребности в школьных библиотеках. Однако они имелись далеко не в каждом селении, их книжные фонды были скудными.

Покажем это на примере одного из регионов по материалам анкеты Алтайского подотдела ЗСОРГО. В 1894 г. в Алтайском горном округе из 114 начальных сельских училищ всех типов, о которых были получены сведения, 88 или 77,2% имели при себе библиотеку, доступную для окрестного населения. В этих библиотечках содержалось в общей сложности 15 028 экз. книг (без учета учебников), что составляло 132 экз. на школу /39/. Обобщая ответы респондентов Е.П. Рылова констатировала: "Вообще все библиотеки очень бедны... если принять во внимание, что при учении необходимо пополнять знания чтением книг, а также давать книги окончившим и всем грамотным крестьянам, отношение которых к чтению в большинстве случаев очень благоприятное..." /40/.

Относительно лучшее положение было в сельско-волостных школах: 97,4% училищ имели библиотеку, в среднем на нее приходилось 262 книги. В нескольких училищах запасы книг насчитывали даже свыше 500 экз.: в Томском округе - в Гутовской (Кайлинская волость) и Кривошековской школе; в Барнаульском округе - в Анисимовской (Барнаульская волость), Тулинской (Бердская волость), Дянинской школах; в Кузнецком округе - в Сары-Чуминской школе Укоунайской волости. Библиотеки были во всех горнозаводских и казачьих училищах, но содержали они в первом случае по 144 книги, а во втором - лишь 40. Наихудшее положение наблюдалось в училищах духовного ведомства. Только в 65,8% церковно-приходских и

5% школ грамоты имелись библиотечки, причем в первом случае на одно "книгохранилище" приходилась в среднем 71 книга, во втором — 30. Почти вся литература была здесь религиозной. Кроме учебных и народных библиотек, некоторые начальные сельские училища располагали небольшим запасом книг для учителей /41/.

Следует подчеркнуть, что выделенные выше факторы распространности печатных изданий (уровень урбанизации, степень развития транспортной, торговой, школьной сети, социальная структура населения) действовали не изолированно, а в комплексе друг с другом и рядом других факторов, будучи показателями развития капитализма вглубь и вширь. Взаимосвязь этих факторов видели уже некоторые исследователи XIX в. Например, Л.С. Личков отмечал в 1888 г.: "Училища устраиваются обычно в наиболее населенных деревенских центрах, весьма часто и наиболее промышленных и торговых и стоящих не в стороне и глуши, а по большей части на почтовых или имеющих торгово-промышленное значение трактах, по которым происходит более или менее сильное движение населения. Такого рода селения справедливо считаются наиболее цивилизованными. Большее умственное развитие в них не только от того, что проживают здесь постоянно приличные люди, торговцы, ремесленники и т.д., но и в силу самого наличия школ, которые... служат увеличению числа грамотных в селении" /42/. В процессе утверждения новых отношений между людьми изменяются их индивидуальное, групповое, общественное сознание, культура и образ жизни. Инновации проявлялись, в частности, в распространении печатных изданий, развитии чтения, и в то же время сами дополнительно стимулировались распространением чтения, усвоением новой информации.

В значительной степени под давлением крестьянства и при заинтересованном участии многих его представителей в пореформенный период постепенно улучшались возможности приобщения сельского населения к печатному слову и изображению. Вот лишь один пример. Когда известный писатель и общественный деятель М.В. Загоскин переехал в 1879 г. на постоянное жительство в с. Грановское (Грановщину) Урикской волости в 25 верстах от Иркутска, он застал там в 126 домохозяйствах лишь 15 мало-мальски грамотных жителей, способных прочесть книгу, подписаться под общественным приговором и написать цифры. "Из книг, впрочем

нечитаемых, я нашел одну книгу Пролога, несколько святцев и разных старых календарей", - рассказывал писатель позже в своих мемуарах /43/. В конце изучаемого периода (1902 г.), отвечая на вопросы Общества содействия распространению народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, автор так описывал изменения, происшедшие в Грановщине за 20 с лишним лет. Грамотных в селе насчитывалось уже около 40, что было результатом деятельности "вольных" учителей из ссыльных, частной школы, открытой респондентом в 1881 г., и учрежденного в 1900 г. церковно-приходского училища. Для местных крестьян был открыт доступ к печатным изданиям обширной личной библиотеки Загоскина. "Книгами пользуются только тогда, когда учатся. Из окончивших учение только человек 5 - 6 продолжают брать книги на дом. Охотнее читают маленькие, до 12 лет, сказки; старшие читают Пушкина, Кольцова, Короленко и частию Толстого. Читают и пишут письма солдатам, братьям и знакомым. Являлись у некоторых попытки писать стихи (подражание Кольцову). Есть один из взрослых - корреспондент "Восточного обозрения", - сдержанно констатировал М.В. Загоскин /44/.

Одно из важнейших направлений пореформенной эволюции структуры печатных изданий, циркулировавших в сельской местности Сибири, фиксируют данные табл. I и 2. Речь идет о более ускоренном распространении светской (гражданской) литературы по сравнению с религиозной, которое приводило к изменению соотношения двух этих крупнейших категорий печатных изданий.

На Спасском участке Каинского округа по мере продвижения с севера на юг, т.е. приближения к важным транспортным артериям, крупным городским центрам доля религиозных книг, имевшихся в собственности жителей, последовательно сокращалась, а удельный вес гражданской литературы увеличивался. Характерно, что рост доли светских книг сопровождался увеличением общего количества изданий. Участники обследования так объяснили этот факт: "Очевидно, что первым долгом грамотей приобретает религиозную книжку (молитвенник, Евангелие и т.п.) как предмет первой необходимости при удовлетворении своих духовных потребностей. Только тогда, когда куплена религиозная книжка, считается позволительным приобрести, притом спустя некоторое время, книжку "свет-

скую", "гражданскую", которая представляется в этом отношении как роскошь, как "баловство" /45/.

Те же причины приводили к сокращению доли религиозных книг у крестьян по мере увеличения длительности их проживания в Сибири и роста благосостояния. У переселенцев-староселов удельный вес духовных изданий был меньше, чем у новоселов, а у крестьян-старожилов он был минимальным. Купив одну - две важнейшие религиозные книги, крестьяне затем приобретали в основном светскую литературу. Следует еще, правда, иметь в виду общеизвестный факт большей набожности переселенцев по сравнению с сибирскими старожилами. Громадное преобладание религиозных изданий в среде осмысленных являлось результатом крайне незначительного количества книг вообще у этой категории населения. Что касается довольно большого числа религиозной литературы у польских осельных, то это объясняется необходимостью для каждого католика иметь при себе богослужебную книгу на родном языке во время латинской мессы. В целом же преобладание книг духовного содержания в сибирской деревне, особенно в начале пореформенного периода, "становится вполне понятным, если принять во внимание, что грамотность в Сибири распространялась поначалу или лицами духовного звания, или же начетчиками-крестьянами, которые дело обучения вели по Псалтыри, святым и иным церковным книгам" /46/.

Несмотря на некоторые количественные и качественные позитивные сдвиги, в целом положение с распространенностью печатных изданий в пореформенной деревне Сибири следует признать неудовлетворительным. Большинство грамотных крестьян испытывало потребность в чтении, но неблагоприятные социально-экономические, политико-правовые и культурные условия жизни приводили к тому, что лица были "должны просвещаться украдкой", по выражению корреспондента газеты "Сибирь" /47/, чаще всего не имели возможности сознательно формировать круг своего чтения. Выдающийся ученый, публицист и общественный деятель Н.М. Ядринцев с горечью писал о времени 1861 - начала 1880-х гг.: "На всем протяжении Сибири... вплоть до Иркутска всего 2 книжных магазина или специальных продаж учебных пособий; книги в Сибирь завозятся случайно и продаются вместе с сапогами и дегтем; нечего и говорить о выборе книг" /48/.

В последующее время источники свидетельствуют: "Большая часть училищ постоянно нуждается в книгах, учебных пособиях и письменных принадлежностях" (участники обследования крестьянского быта Тюменского округа Тобольской губернии, рубеж 80 - 90-х гг. XIX в.) /49/; казакам "недостает полезных книг для чтения, приходится довольствоваться лубочными изданиями" (войсковой атаман Сибирского казачьего войска, 1893 г.) /50/; "...Книги имеются лишь в виде приложений к газетам, кто выписывает последние... В местных лавках много покупается календарей. Книгоноши не появляются. Если бы было у кого купить, книги наверное покупались бы" (крестьянин Тыптинского сельского общества Верхотенского уезда Ф.С. Евдокимов, 1900 г.) /51/; "...книг достать населению неоткуда, даже хотя бы купить на собственные средства, так как ни в уезде, ни в городе нет книжного склада или хотя бы порядочного частного книжного магазина" (податной инспектор Ачинского уезда Енисейской губернии Л.Г. Высоцкий, 1902 г.) /52/. К началу XX в. читательские потребности большинства сибирских сельчан находились в стадии становления, а для некоторых групп населения - в стадии трансформации. Слабое развитие книготорговли и библиотечной сети, недостаток средств у крестьянства, пороки просветительской политики властей приводили к тому, что наиболее грамотные и развитые крестьяне-сибиряки испытывали большие неудобства от слабой распространенности печатных изданий. Распространенность книг и периодики в сибирской деревне явно отставала даже от тогдашнего сравнительно невысокого уровня развития капитализма на восточных окраинах России.

Примечания

1. Brooks Jeffrey. When Russia Learned to Read: Literacy and popular literature, 1861 - 1917. Princeton: University Press, 1986. ХХИ, 450 р. Рец.: Миронов Б.Н. // История СССР. 1989. № 2. С. 191 - 194.

2. Астырев Н.М. На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Вост. Сибири. М., 1891. С. 53.

3. Личков Л.С. Что читает народ в Иркутском и Балаганском округах // Изв. ВСОРГО. 1889. Т. 20. № 2. С. 43 - 53; Он же. Как и что читает народ в Восточной Сибири // Рус. мысль. 1896. № 1. С. 33 - 46; № 2. С. 28 - 42.

4. Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сиб. деревни в ХУШ - I-й половине XIX вв. Новосибирск, 1989. С. 100 - 107.

5. Посадсков А.Л. Книга в Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции (1914 - октябрь 1917 г.) // Вопросы библиотечного дела, библиографии и истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1975. С. 201.

6. Кокоулин К.К. Школы и грамотность в Киренском округе Иркутской губернии: Памятная книжка. Иркутск, 1895. С. 65 - 66. Процент подсчитан нами.

7. ГАИО, ф. 197, оп. 1, д. 2, л. 17 - 26; д. 3, л. 1-10.

8. Там же, д. 2, л. 11 - 17; д. 19, л. 1 - 7.

9. Подсчитано по источнику: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Спб., 1892. Вып. 17. С. 82 - 83. подсчет не вошли книги из богатой библиотеки торгующего крестьянина Михаила Шипицына из с. Спасского.

10. Подсчитано по источнику: Кокоулин К.К. Школы и грамотность... С. 64 - 65.

11. Там же. С. 64.

12. Материалы для изучения... 1889. Вып. 4. С. 159.

13. См.: Там же. 1888. Вып. 1. С. 53 - 54; 1889. Вып. 2. С. 19; Обручев В.А. В старой Сибири: Сб. ст., воспоминаний и писем. 1888 - 1955. Иркутск, 1958. С. 198; и др.

14. Максимов С.В. На Востоке: Поездка на Амур. Спб., 1864. С. 152.

15. Материалы для изучения... Вып. 17. С. 85.

16. Турбин С.И. Страна изгнания и исчезнувшие люди: Сиб. очерки. Спб., 1872. С. 33.

17. Попов Т. Слобода Ташмыцкая // Тобол. губ. ведомости. 1866. 26 февр.
18. Астырев Н.М. На таежных прогалинах... С. 54.
19. Подсчитано по источнику: ГАИО, ф. 197, оп. I, д. 2, л. 2 - 26; д. 3, л. I - 15; д. 19, л. I - 7.
20. Астырев Н.М. На таежных прогалинах... С. 54.
21. Кокоулин К.К. Школы и грамотность... С. 65.
22. Личков Л.С. Как и что читает народ... № 2. С. 33.
23. ГАИО, ф. 197, оп. I, д. 2, л. II - 17.
24. Р - ва. Что читает верхоленский крестьянин, как относится к литературе, его песни и прочее // Сиб. сб. Иркутск, 1888. Вып. 3. С. 39 - 40.
25. Личков Л.С. Как и что читает народ... № I. С. 44-45.
26. Кокоулин К.К. Школы и грамотность... С. 64.
27. ГАИО, ф. 197, оп. I, д. 2, л. II - 26; д. 3, л. 8 - 10.
28. См.: Личков Л.С. Как и что читает народ... № I. С. 37; № 2. С. 39.
29. См.: Астырев Н.М. На таежных прогалинах... С. 57 - 58; Семенов-Тян-Шанский В.П. Несентиментальное путешествие // Вокруг света. 1990. № 10. С. 40; и др.
30. Материалы для изучения... Вып. 17. С. 84 - 85.
31. Чудновский С.Л. Раскольники на Алтае: (Выдержки из дневника) // Сев. вестн. 1890. № 9. С. 41 - 44, 60 - 61.
32. См. подробнее: Покровский Н.П. Путешествие за редкими книгами. 2-е изд., доп. М., 1988. 285 с.
33. Материалы для изучения... Вып. 17. С. 83.
34. Личков Л.С. Как и что читает народ... № I. С. 41.
35. Там же. № I. С. 35; № 2. С. 33.
36. См.: Материалы для изучения... Вып. I. С. 322 - 324; Чукмадин Н.М. Записки о моей жизни. М., 1902. С. 8 - 14; и др.

37. См.: Абрамов Н.А. Город Ялуторовск с его округом // Тобол. губ. ведомости. 1864. 4 июля; Церковные школы и раскольники // Вост. обозрение, 1899. 14 янв.; и др.

38. Усов Ф.Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. Спб., 1879. С. 144.

39. Рылова Е.П. Начальная школа в Алтайском округе в 1894 г. // Алт. об. Барнаул, 1898. Т. 3. С. 68. Процент подсчитан нами.

40. Там же. С. 67.

41. Там же. С. 45 - 48, 66 - 67.

42. Личков Л.С. Что читает народ... С. 49.

43. Загоскин М.В. Десять лет в сибирской деревне // Сиб. об. Спб., 1890. Вып. I. С. 19 - 20.

44. ГАИО, ф. 197, оп. I, д. 19, л. I - 7.

45. Материалы для изучения... Вып. I7. С. 83.

46. Там же.

47. Причины сибирского застоя: (Письмо о Минусин. окр.) // Сибирь. 1886. 16 февр.

48. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: К юбилею трехсотлетия. Спб., 1882. С. 394.

49. Материалы для изучения... Вып. 4. С. 142.

50. ЦГИА, ф. 330, оп. 42, д. 1260, л. 150 - 151.

51. ГАИО, ф. 197, оп. I, д. 3, л. 8 - 10.

52. Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Спб., 1903. Т. 54. С. 76.

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ БИБЛИОТЕКИ ДЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ЯКУТСКА
(80-е гг. XIX в. - 1917 г.)

Наиболее интересным периодом в истории библиотечного дела является время его зарождения, первоначального развития. Становление библиотек дореволюционной Якутии отражало закономерности их развития во всей стране, но вместе с тем имело и свои особенности.

Первые сведения о библиотеках Якутии относятся к началу XIX в., но их нельзя считать точными.

В данной статье освещается деятельность двух самых популярных среди населения общедоступных библиотек г. Якутска, начавших функционировать во второй половине XIX в., Городской публичной библиотеки (1886 - 1916 гг.) и Якутской народной бесплатной библиотеки-читальни (1898 - 1916 гг.).

Попытка открыть городскую библиотеку предпринималась еще в 1873 г., когда купец М.А. Шестаков, уезжая из Якутска, предложил городской думе купить целиком его частную библиотеку, состоящую из 7 тыс. книг и журналов, и сделать ее общественной. В этом ему было отказано /1/. В 1882 г. вопрос об открытии библиотеки для населения выносился на заседании думы городским секретарем Москвинным и губернским секретарем Трифоновым, но "в виду недостатка городских средств" решен не был /2/. Видимо, городская дума не хотела возложить на себя содержание библиотеки.

И только 1 апреля 1886 г. в Якутске в зале городского общественного управления открылась Городская публичная библиотека. Инициатором ее устройства выступил епископ Якутский и Вилюйский Иаков, который пожертвовал для библиотеки более 200 книг, принял на себя расходы по вознаграждению библиотекаря и переплету книг. Кроме личных пожертвований, Иаков привлекал к этому делу и других лиц. В воскресных беседах он объяснял публике образовательное значение публичных и частных библиотек. "Книга, - говорил он, - есть лучший наставник и собеседник в жизни, руководитель к труду, знанию, уважению и довольству. Собрание книг публичной библиотеки - это ограда народного смысла, общественной совести и гражданского благоустройства" /3/.

На призыв о пожертвовании первыми отзывались императорское Экономическое общество, местная семинария и духовная консистория. Затем стали поступать книги от частных лиц. Наиболее крупные пожертвования книгами пришли от Сибирякова и местного губернатора К.Н. Светлицкого.

К 1 января 1888 г. в библиотеке насчитывалось 1340 книг. Из них духовного содержания 183 экз., по беллетристике, словесности и педагогике 221, исторических и биографических 94, по географии 89, разных справочных книг 44, периодических изданий прошлых лет и текущего года - 30 экз. /4/. В 1888 г. в фонде библиотеки было 2719 экз., в 1899 - 2852, в 1905 - 4280 экз.

Число подписчиков в первые годы деятельности библиотеки было небольшим. В 1886 г. их значилось 57, в 1887 г. - 49. Библиотекарь Н. Москвин в своем отчете за 1886 - 1888 гг. отмечает, что первые полгода публика относилась к городской библиотеке крайне недоверчиво, как к учреждению непрочному и недолговечному, но затем отношения упрочились. Публика больше читает периодические издания, книги же требуются в ничтожном количестве /5/.

29 ноября 1886 г. Якутский комитет миссионерского общества обратился к якутской городской думе с просьбой о содействии библиотеке. 28 января 1887 г. городская дума постановила: 1) для помещения библиотеки предложить городской общественный зал; 2) расходы по освещению библиотеки соединить с расходами на этот предмет по городской управе; 3) на покупку шкафов ассигновать 50 р.; 4) на выписку журналов 30 р.; 5) на жалованье библиотекарю 120 р. /6/.

С этого времени публичная библиотека официально становится "Городской публичной библиотекой" и получает от города ежегодные средства на содержание и выписку книг.

В октябре 1888 г., по представлению библиотекаря, городская дума издает "Правила, соблюдаемые подписчиками и посетителями Якутской городской библиотеки". На основании этих правил книги для чтения выдавались в помещении библиотеки бесплатно, на дом за плату, 2 раза в неделю. Читатели подразделились на 2 разряда, с платой в размере 5 р. и 3 р., причем лица, материально необеспеченные, освобождались от платы за чтение. Правила были введены в действие с 1889 г. /7/.

По распоряжению городской думы публичная библиотека периодически подвергалась ревизии. По ревизии 1907 г. книжное собрание библиотеки состояло из 4000 книг и журналов, ценностью: журналы - 1124 р., книги: беллетристика - 838 р. 90 к., медицина и естествознание - 445 р. 70 к., философия и психология - 43 р. 15 к., богословского и религиозно-нравственного содержания - 284 р. 70 к., география, история и правоведение - 449 р. 92 к., энциклопедии - 289 р., коронационный сборник - 700 р. Всего книг на сумму 4175 р. 37 к. /8/.

Этой же ревизионной комиссией составлен Устав Городской публичной библиотеки, получивший утверждение местного губернатора 26 декабря 1908 г., и правила для подписчиков и посетителей библиотеки. Позднее, в 1909 г., разработана инструкция библиотекарю о заведении библиотекой.

В 1907 г. новый якутский губернатор И.И. Крафт обнаружил, что в разных частях области (в Якутске и Колымске) скопились значительные книжные богатства, малодоступные для общественного пользования, "надлежащего книгохранилища, между тем, нигде не было" /9/. В это время губернатор получил заявление от колонии политических ссыльных в Колымске о желании предоставить в распоряжение Публичной библиотеки книги научного содержания, при условии надлежащего их устройства /10/.

В мае 1908 г. губернатор обратился к жителям города с просьбой о пожертвовании необходимой суммы на постройку в г. Якутске каменного здания публичной библиотеки. Городское население с пониманием отнеслось к предложению. Чаеторговцы, например, обязались ежегодно отчислять некоторую сумму с продажи привозимого в город из Иркутска чая. Всего поступило 49777 р. 30 к. пожертвований.

Здание строилось по проекту инженера Лишевича, надзор за строительством был поручен Обществу попечения о народном образовании, единственному в то время в Якутске обществу, в задачи которого входило устройство просветительных учреждений /11/.

Библиотечная новостройка оказалась одним из красивейших зданий Якутска. Строительство библиотеки-музея закончилось в октябре 1911 г., ее открытие для публики, состоявшееся 3 января 1912 г., нашло широкий отклик в российской печати. С этого мо-

мента начинается новый этап в развитии Городской публичной библиотеки.

Согласно постановлению городской думы о 1912 г. библиотека преобразована в бесплатную и обслуживает читателей ежедневно. Годовой бюджет увеличился с 229 р. (1911 г.) до 1667. Этот год был поворотным и по количественному росту основных контрольных показателей библиотеки. В течение 1912 г. ее посетили 4362 читателя. В среднем в день – 15, максимально – 30 человек. К 1 января 1913 г. число подписчиков библиотеки достигло 173 человек, основной состав был представлен сельскими (26,2%), мещанами (14,1%), крестьянами (11,1%), чиновниками (8,2%) /12/.

Главным источником комплектования по-прежнему являлись денежные и книжные пожертвования. Фонд в 1912 г. составлял 6642 экз., в 1916 г. – 12612 экз. книг. Поступающие от Якутской городской думы деньги расходовались в основном на жалование библиотекаря, наем сторожа, отопление и освещение, выписку периодических изданий, переплет книг и т.д. Например, из поступивших в 1915 г. от городской думы 1990 р. на выписку новых книг израсходовано всего 25 р.

С 1912 г. по 1915 г. Якутская городская публичная библиотека печатает ежегодные отчеты, которые дают четкое представление о ее развитии.

Следует отметить постоянную связь библиотеки с библиотеками других городов России. Например, в 1915 г. свои отчеты и книги прислали Благовещенская народная читальня, императорская Публичная библиотека, Харьковская общественная библиотека, Библиографическое общество, городские библиотеки Воронежа, Владивостока, Костромы, Минусинска, Одессы, Перми, Симбирска /13/.

В 1914 г. был издан печатный каталог книг Якутской городской публичной бесплатной библиотеки. Комплектование библиотеки было демократичным. В ее фонде числятся: "Капитал" К. Маркса, "Развитие капитализма в России" В. Ильина (В.И. Ленин), "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" Н. Бельтова (Г. Плеханова) и другие, довольно широко представлены произведения русских классиков /14/.

Одной из серьезных проблем было комплектование отделов "сибиряки" и "местного". Уже в то время стоял вопрос об органи-

зации в Якутске книгохранилища научной литературы, где были бы сосредоточены все материалы о Якутской области /15/.

Первой попыткой изучения читательских интересов можно назвать приложение к отчету за 1914 г. "Якуты и книга: Кто из якутов читает? Что читают якуты?" Приведем некоторые положения этого исследования. Анализ проводился на основе статистических данных библиотеки, где из года в год отмечалось увеличение подписчиков якутов: в 1912 г. - 14,1% от общего количества подписчиков, в 1913 г. - 18,6%, в 1914 г. - 20%. Преобладающее большинство их - учащиеся от 16 до 20 лет. Среди подписчиков имелось несколько человек, занимающихся скотоводством и живущих постоянно в улусах. В разделе "Что читают якуты?" сделан сравнительный анализ читательских потребностей якутов с общими читательскими потребностями всех подписчиков. Если в среднем на одного подписчика приходилось 34 книги, то на подписчика якута - 32. Самый высокий процент (56%) читаемости у беллетристики. Периодические издания якуты читали меньше, чем другие подписчики (15% и 21% соответственно) /16/.

Последние оведения о деятельности библиотеки относятся к 1916 г., в газетах публикуются отчеты о посещаемости, книговыдаче и т.п. /17/. Впоследствии, Якутская городская публичная библиотека была преобразована в Якутскую центральную библиотеку /18/.

Во второй половине XIX в. в центре, а потом и на окраинах России силами местной интеллигенции начали создаваться частные общества, ставившие своей целью организацию бесплатных библиотек-читален. К 1890 г. таких библиотек насчитывалось более 1500 /19/.

Идею создания библиотеки-читальни в Якутске подал Г.Н. Потанин, известный исследователь Монголии, Китая и Сибири. Кроме географических и этнографических исследований, Григорий Николаевич занимался просветительной деятельностью. Он предложил бывшему тогда в Петербурге якуту В.В. Никифорову организовать общество для устройства народной библиотеки-читальни /20/.

Идея создания подобного общества вызвала у интеллигенции Якутска живое участие. "Составился кружок учредителей", в число которых вошли супруги якутского губернатора Е.В. Скрипицына, председателя окружного суда Н.Х. Лубенцова, прокурора окружного

суда А.А. Подалькова, ректора семинарии М.И. Стукова, кандидат на судебные должности М.А. Афанасьев и инородец В.В. Никифоров. Был выработан проект устава, утвержденный якутским губернатором 12 января 1898 г. По этому уставу избирался попечитель библиотеки, который являлся лицом, ответственным перед правительством. В действительные члены библиотеки-читальни принимались лица, вносящие 3 р. ежегодно, внесшие 25 р. одновременно избирались пожизненными членами, а лица, внесшие 100 р., имели звание почетных членов библиотеки-читальни /21/.

Существование библиотеки предполагалось обеспечить за счет взносов членов общества, пожертвований, принадлежащих библиотеке процентов с капитала, благотворительных мероприятий (подписки, публичных лекций, литературных вечеров, спектаклей, концертов), пособий, назначаемых разными обществами и городскими общественными учреждениями.

Ко дню открытия библиотеки-читальни общество располагало 1731 р. 97 к., что составляло немалый капитал. Сумма эта образовалась из собранных по подписному листу пожертвований - 785 р., из взносов почетных, пожизненных и действительных членов - 532 р., от благотворительных спектаклей, данных кружком любителей литературы и музыки, - 367 р. 27 к., пожертвований от жителей города - 31 р. 87 к. и др. Совет библиотеки-читальни на эти деньги выписал газеты и журналы на 1898 и 1899 гг. и на 657 р. 69 к. приобрел книг.

Местные интеллигенты, имевшие личные библиотеки, собрали в дар 323 книги. Пожертвования сделали: Д.И. Меликов (113 экз.), Е.П. Репухова (36), епископ Никодим (35), Р.В. Коляго (14), Н.Х. Лубенцова (13 экз.) и др. На день открытия библиотека-читальня имела в своем распоряжении 845 названий книг и журналов - 1247 экз. /22/.

9 августа 1898 г. в торжественной обстановке библиотека-читальня была открыта для публики. Ректор местной семинарии Ф.А. Стуков, выступивший о приветственным словом на церемонии открытия, назвал это событие "одной из светлейших страниц в истории города" /23/.

Совет старейшин благородного собрания уступил библиотеке в безвозмездное пользование комнату в своем помещении, где она размещалась до 1904 г. Эти шесть лет (1898 - 1904) были самыми

благополучными в истории библиотеки-читальни. Совет составил и опубликовал отчеты о деятельности библиотеки за 1899 - 1903 гг. Они дают представление об основных показателях, направлениях деятельности библиотеки.

Согласно крайне реакционным "Правилам об областных народных библиотеках-читальнях", одобренным Министерством народного просвещения, комплектование библиотеки находилось в тяжелом положении. Министерские каталоги ограничивали возможности комплектования, не допускались в обращение произведения Н.А. Некрасова, Гл. Успенского, С.Я. Надсона, М.Е. Салтыкова-Щедрина, были запрещены популярные биографии, изданные Д.Ф. Павленковым /24/. И все же при комплектовании фонда членам общества удалось избежать религиозно-нравственного уклона. В 1902 г. была создана специальная комиссия по комплектованию библиотеки. Помимо пожертвований библиотека, в основном комплектовалась со складов Калмыковой в Петербурге, в которых имелся большой выбор изданий специально для народных библиотек-читален (табл. I).

Таблица I

Распределение фонда библиотеки-читальни по отделам

Отделы	1898	1899	1900	1901	1902	1903
Книги духовного содержания	95	95	97	98	103	121
История	72	92	122	124	138	229
Биографии	36	38	59	57	63	73
География. Этнография	75	88	104	126	144	181
Словесность	22	27	28	30	32	37
Беллетристика	728	979	1192	1365	1563	1868
Сельск. хоз.-во. Естествознание	100	142	187	196	216	297
Медицина	26	31	36	38	41	46
Педагогика. Психология	6	8	16	8	10	18
Общественные науки	3	7	19	14	23	37
Ремесла. Производство	7	11	11	11	12	15
Словари	26	28	29	31	39	42
Периодика	52	118	227	273	364	206
Всего:	1248	1664	2127	2371	2748	3170

В 1904 г. фонд библиотеки составлял 3170 экз. книг. Примерно 58% от всего количества книг составляла художественная литература, на общественно-политическую литературу приходилось лишь 0,2% фонда.

Библиотеку посещали лица всех сословий и званий, в основном мужчины. Женщин было не более 19%. По национальному составу больше половины читателей русские, якуты – 22 – 24% от общего числа читателей. По возрасту примерно 2/3 читателей были дети и подростки до 16 лет (табл. 2).

Таблица 2

Посещаемость библиотеки-читальни

Год	Всего библиотечных дней	Количество за год		Ежедневная средняя посещаемость
		читателей	посещений	
1898	83	478	4342	52
1899	196	536	5126	26
1900	176	517	4603	26
1901	162	545	4566	28
1902	165	525	4580	27
1903	170	555	5719	34

Члены общества библиотеки-читальни сами обслуживали читателей, посещавших библиотеку. Дежурили от 3 до 5 библиотекарей; один вел регистрацию посетителей, берущих книги на дом, другой – регистрацию спроса на книги; остальные занимались выдачей книг. Статистические сведения абонентов собирали следующим образом: посетитель, являющийся в первый раз в библиотеку-читальню, подходил к дежурному статистику, который записывал в особо отведенную книгу его имя и фамилию, возраст, религию, сословие, занятие, степень грамотности и адрес, после чего выдавал ему билет и номер по порядку записи в книге. С этим номером посетитель обращался к дежурным, выдающим книги, с указанием номера книги по каталогу. При выдаче книг дежурные библиотекари учитывали образовательный уровень читателей, их вкусы и запросы. Один из самых деятельных членов общества Н. Москвин отмечал, что "общество за-

отбится о читаемости книг", в отличие от Городской библиотеки, где книги были "имуществом" /25/.

В 1904 г. якутский губернатор В.Н. Скрипицын был заподозрен в либерализме и заигрывании с политссыльными. Его заменил ретивый администратор Булатов, считавший всякие частные общества ненужным и даже вредным балластом. Под нажимом нового губернатора члены благородного собрания выставили библиотеку-читальню из своего здания. Ее приютила городская управа, в одной из комнат которой библиотека-читальня проработала до 1912 г.

На этом беды библиотеки не кончились. Член общества библиотеки-читальни М.В. Сабунаев впоследствии писал о годах реакции: И.И. Крафт, заменивший Булатова на посту, "категорически требовал от общества, чтобы оно прекратило свое существование добровольно, передав библиотеку и все свое небольшое имущество Городской публичной библиотеке, находящейся в ведении городской управы, которую И.И. Крафт поставил в положение, близкое к отделению своей канцелярии. Когда же общество не пожелало исполнить это требование, то он в дни открытия библиотеки отражал туда горючих, а в то же время некоторые услужливые лица вели усиленную агитацию как против этой библиотеки, так и против общества /26/.

Когда в 1912 г. в специально отстроенном здании вновь открылась Городская публичная библиотека, городская управа перестала отапливать комнату, где находилась бесплатная библиотека-читальня, а позже выдворила ее из своего помещения. Оставшись без помещения, библиотека-читальня в 1912 г. не приняла ни одного читателя. Члены общества думали о дальнейшей судьбе библиотеки. Предложений поступило много: передать книги в библиотеку Общества взаимопомощи приказчиков, в Городскую публичную библиотеку, в библиотеку церковно-приходского училища, а это означало ликвидировать общество и библиотеку. Было и другое предложение: изменив устав, преобразовать общество в просветительское. Эта мысль сначала не имела популярности среди членов общества, на состоявшемся 4 ноября 1912 г. собрании было решено оставить все без изменений /27/. Совет общества ходатайствовал перед Обществом взаимопомощи приказчиков о выделении в клубе приказчиков комнаты под библиотеку. Бесплатная библиотека-читальня прорабо-

тала еще 3 года, но достичь прежнего положения и популярности она уже не смогла.

Наконец, в феврале 1916 г. было решено преобразовать общество в просветительское с изменением устава. Общее собрание решило назвать вновь создаваемое общество Потанинским. Комиссия из 3 человек (Н.Н. Москвин, А.А. Сахарова, И.М. Рукавишников) разработала проект устава, который был утвержден 3 мая 1916 г. губернатором Витте. Своей целью общество ставило "содействие умственному, нравственному и эстетическому развитию населения в пределах Якутской области" /28/.

В 1919 г. на базе народной бесплатной библиотеки-читальни создана библиотека Якутского отдела Русского географического общества. Позже все библиотеки - частные, учреждений, обществ, государственная - были национализированы /29/.

Общество библиотеки-читальни создано и действовало силами местной интеллигенции. Активное участие принимали чиновники: городской голова, член городской управы - Астраханцев; помощник секретаря окружного суда В.В. Никифоров; чиновник особых поручений областного управления Н.Е. Чепалов и их жены.

Обществу содействовало учительство: Н.Н. Москвин - преподаватель якутской духовной семинарии, И.М. Рукавишников - учитель начального училища при якутской учительской семинарии, И.Н. Эверстов - инициатор организации 3-классной воскресной школы. В числе членов общества было много политссыльных: Н.Е. Афанасьев, В.Н. Катин-Ярцев, А.А. Сахарова, Э.К. Пекарский.

Особо следует сказать о роли Н.Н. Грибановского. Он вступил в общество на втором году его деятельности, участвовал в составлении отчетов, в 1902 г. избирался в Совет, а затем секретарем Совета. Впоследствии Н.Н. Грибановский стал одним из организаторов библиотечного дела в Советской Якутии. Им создан ценнейший капитальный труд "Библиография Якутии" /30/. Следует отметить и А.А. Семенова - при его содействии библиотека-читальня получила помещение в Клубе общества приказчиков. После революции он был министром финансов Якутской автономной республики, в течение 20 лет вел переписку с М. Горьким /31/.

Двадцать с лишним лет просуществовала в Якутске народная бесплатная библиотека-читальня, созданная стараниями местной интеллигенции и за счет энтузиазма ее членов.

Таким образом, зарождение и развитие библиотек в дореволюционном Якутске явилось заметным явлением в жизни города. Оно стало возможно благодаря общественной инициативе населения.

Книги Якутской городской публичной библиотеки и народной библиотеки-читальни в дальнейшем были переданы в фонд созданной в 1925 г. Якутской национальной библиотеки. На наш взгляд, факт ликвидации городской публичной библиотеки как самостоятельной явился недостаточно продуманным и обоснованным, если учесть, что в 30-е гг. вновь назрела проблема организации городской библиотеки.

В дальнейшем было бы целесообразно реконструировать фонды дореволюционных библиотек Якутска путем изучения библиотечных печатей, печатных каталогов, более полно исследовать судьбу каждой библиотеки.

Примечания

1. Макаров И.Г. Первая публичная библиотека // Соц. Якутия. 1980. 8 марта.
2. ЦГА Я-С ССР, ф. II29, оп. I, д. 314, л. I.
3. Отчет о состоянии публичной библиотеки с апреля 1886 по 1888 г., составленный г. Москвинным // Якут. епарх. ведомости. 1888. № 9. С. 136.
4. ЦГА Я-С ССР, ф. II29, оп. I, д. 314, л. I.
5. Отчет о состоянии публичной библиотеки с апреля 1886 по 1888 г. ... С. 133.
6. Краткий исторический очерк основания Якутской городской публичной библиотеки. Якутск, 1912. С. 2 - 3.
7. Там же. С. 3 - 4.
8. Там же. С. 5.
9. Николаев М. Исторический очерк развития Якутского музея и постройки здания Музея - Публичной библиотеки // Якут. обл. ведомости. 1912. № 2. С. 5.

10. Сизых С. На народные средства // Соц. Якутия. 1988. 16 сент.
11. 50 лет Якутского областного музея им. Е. Ярославского // Якутский музей им. Е. Ярославского. Якутск, 1941. С. 16.
12. Отчет Якутской городской публичной библиотеки за 1912 год. Якутск, 1913. С. 5.
13. Отчет Якутской городской публичной библиотеки за 1915 год. Якутск, 1916. С. 4.
14. Каталог Якутской городской публичной бесплатной библиотеки. Якутск, 1914. 84 с.
15. В-ский В. По этапам изучения края // Якут. окраина. 1913. 29 нояб.
16. Якуты и книга // Отчет Якутской городской публичной библиотеки за 1914 год. Якутск, 1915. С. 18 - 22.
17. Посещаемость городской публичной библиотеки // Ленский край. 1916. 5 февр.
18. Якутская республиканская библиотека им. А.С. Пушкина. Якутск, 1966. С. 12.
19. Отчет Якутской бесплатной народной библиотеки-читальни за первый год ее существования. Якутск, 1899. С. 2.
20. Там же.
21. Там же. С. 3.
22. Там же. С. 13.
23. Афанасьев В. Народная библиотека в Якутске: Страницы истории // Соц. Якутия. 1967. 24 авг.
24. Отчет Якутской бесплатной народной библиотеки-читальни за четвертый год ее существования. Якутск, 1902. С. 6.
25. Москвин Н. Якутская бесплатная народная библиотека-читальня // Якут. окраина. 1912. 1 нояб.
26. Сабунаев М.В. К вопросу о бездеятельности частных обществ в Якутской области // Якут. вопросы. 1916. 20 авг.
27. ЦГА Я-С ССР, ф. 536-и, оп. I, л. 6, л. 8.

28. ЦГА Я-С ССР, ф. 536-и, оп. I, д. 10, л. 3.

29. Тонгврядов З.Т. Республиканская библиотека за 50 лет // На поприще коммунистического воспитания трудящихся. Якутск, 1975. С. 7.

30. Первый библиограф Якутии Н.Н. Грибановский: Биобиблиогр. указ. Якутск, 1980. С. 6.

31. Якутские друзья А.М. Горького. Якутск, 1988. С. 3.

Е.Н. Коновалова, Л.П. Роцевская

"ЕЖЕГОДНИК ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО МУЗЕЯ" (1893 - 1918 гг.)

В истории книгопечатания России немаловажная роль принадлежит изданиям различных просветительских и общественных организаций, в массе появлявшихся во второй половине XIX - начале XX в. Особенности их становления и развития можно проследить на примере "Ежегодника Тобольского губернского музея".

Наибольшее внимание специалистов привлекали научная и библиографическая деятельность Тобольского музея, а также вопросы, связанные с изучением биографии его сотрудников /1/. Осталась неисследованной издательская деятельность музея. В статье делается первая попытка осветить этот вопрос.

Тобольский губернский музей, основанный в 1870 г. при Тобольском статистическом комитете, наряду с Томским университетом, Западно-Сибирским отделом Русского географического общества, был до революции одним из немногих культурных учреждений в Западной Сибири и единственным музеем, который выпускал печатные научные труды. Цель его, как и других сибирских музеев, заключалась, прежде всего, в пробуждении интереса к изучению края среди местной интеллигенции. В 1893 - 1918 гг. и издавался "Ежегодник Тобольского губернского музея". "Наше издание, - писала редакционная комиссия, - открывает свои страницы для всех истинно заинтересованных в деле изучения края и всех искренних приверженцев его процветания" /2/.

Редакция "Ежегодника" отмечает, что Тобольский губернский музей является инициатором такого рода изданий в России, широко распространенных за границей.

Издание в виде "Ежегодника" имел только Тобольский музей /3/, и это не случайно. В.Н. Волкова отмечает, что "к этому времени в Тобольске сложились благоприятные условия для планомерной и целенаправленной издательской деятельности музея" /4/. Здесь действовали две крупные типографии – Тобольского губернского правления и Тобольского епархиального братства, которые создавали "устойчивую полиграфическую базу". Относительная близость к другим культурным центрам давала определенные возможности распространения издания по подписке. Вокруг музея с глубокой верой в необходимость и полезность начатого дела обратились все местные культурные силы города: учителя гимназии, служащие статистического комитета, сотрудники музея. А это давало стабильный состав авторов "Ежегодника". В основном это были люди, имевшие большой издательский опыт: член-соревнователь комитета, редактор неофициальной части "Тобольских губернских ведомостей" Е.В. Кузнецов, члены-соревнователи комитета и издатели "Сибирского листка" А.А. Сыромятников, М.Н. Костюрина, почетный член комитета музея и его библиотеки С.Н. Мамеев, действительный член комитета и редактор "Тобольских епархиальных ведомостей" Н.А. Горюшков, агроном и редактор-издатель газеты "Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности" Н.Л. Скалозубов, секретарь статистического комитета, редактор неофициальной части "Тобольских губернских ведомостей", учитель Тобольской мужской гимназии, корреспондент местных газет А.А. Терновский.

Первая книжка "Ежегодника" вышла в свет в середине января 1893 г. Всего было издано 29 выпусков. Последний – в 1918 г., в период колчаковщины, когда замерла вся культурная жизнь Сибири.

"Ежегодник" печатался по мере накопления материала (от одного до трех выпусков в год). Выход его зависел в основном от денежных средств музея.

Издаваться "Ежегодник" начинал в трудных условиях, без достаточных для регулярной работы средств. Его финансирование базировалось в основном на пожертвованиях меценатов и постоянно находилось под угрозой срыва. Поэтому не раз ставился вопрос о его "закрытии до более благоприятного времени", взамен предлага-

лось печатать "Ежегодник" в виде особого приложения к неофициальной части "Тобольских губернских ведомостей" /5/.

Издатели "Ежегодника" выступали против этих предложений. Они ооздали при музее особую комиссию по изысканию средств для образования постоянного издательского фонда, вкладывая не раз большие суммы собственных денег /6/.

Часть средств на издание восьмого выпуска дал исследователь Тобольского Севера, лесничий Тобольской губернии А.А. Дунин-Доркавич, груд которого "Север Тобольской губернии" был напечатан в указанном выпуске. Частные пожертвования были получены от агронома Тобольской губернии Н.Л. Скалзубова, В.Г. Земцова, Е.В. Плениной, К.Я. Маляровского, В.Я. Смородникова, тобольского губернатора В.А. Тройницкого, К.П. Фредерикса, от тюменских купцов Н.М. Чукмалдина, И.М. Решетникова. С 1897 г. существенную помощь "Ежегоднику" оказывало Министерство земледелия и Государственных имуществ, сперва "единовременными" взносами по 300 - 500 р., а с 1902 г. ежегодно по 300 р. "Когда же приход музея достиг 3000 рублей в год, то материальная сторона издательской деятельности была полностью обеспеченной" /7/.

"Ежегодник" носил характер повременного периодического издания с обширной программой. Он состоял из 2 частей: официальной и неофициальной. В первой печатались протоколы общего годовичного собрания, отчеты секретаря, консерватора, библиотекаря музея, отчеты ревизионной редакционной комиссии, а также список личного состава музея, хроника его деятельности.

Неофициальная часть "Ежегодника" включала материалы различных исследований: статьи по вопросам истории, географии, промышленности, торговли, народного образования в крае, истории культуры, статистику и другие научные публикации, занимающие большую часть издания. Кроме того, публиковались отчеты и результаты различных экскурсий и экспедиций, статьи библиографического характера, биографические очерки и другие материалы.

Для взаимного общения музеев редакция "Ежегодника" в конце каждого выпуска безвозмездно помещала "объявления и заявления и вообще всякого рода публикации от всех сибирских музеев, их органов печати" /8/.

Шестой выпуск "Ежегодника" был полностью посвящен трудам членов комитетов по устройству выставок, так как большинство из

них входило в состав комитета Тобольского губернского музея. Комитеты выставок и комитет музея преследовали одну и ту же задачу изучения местного края.

Таким образом, в структурном отношении "Ежегодник" представлял собой четкую систему, которая складывалась постепенно, по мере развития издания.

Объем "Ежегодника" в среднем составлял 15,7 печ. л. в год. Объем одного выпуска колебался от 9 до 28 печ. л. В 1895, 1897, 1916 гг. выходило по два выпуска и объем издания соответственно составлял: 1895 г. - 32,5 печ. л.; 1897 г. - 31,3; 1916 г. - 44,49 печ. л. в год.

В 1915 г. было напечатано три выпуска объемом 52,05 печ.л. Общий объем 29 выпусков составил 440,06 печ. л.

Таким немалым объемом "Ежегодник" был обязан прежде всего деятельности одного из секретарей редакционной комиссии Тобольского губернского музея Льва Евграфовича Луговского. "Лев Евграфович сумел придать ему очень приличную по местным типографским средствам внешность. Много труда налагал на корректуру, которую, несмотря на массу своего дела, он всегда держал сам, доводя печатание в корректурном отношении до значительного совершенства. Значительное влияние оказывал... и на состав книжек, употреблял большое усилие сделать их возможно разнообразнее", - отмечается в некрологе, посвященном Л.Е. Луговскому /9/. Современники писали, что Л.Е. Луговский "был человек огромной душой музея: ни один шаг в деятельности музея не сделан без его участия" /10/.

Л.Е. Луговский родился в 1860 г. в семье купца Черниговской губернии. В 1879 г. поступил в Петербургский университет, где сблизился с революционно настроенными студентами. В 1882 г. вместе со своими друзьями - народовольцами был арестован за участие в устройстве динамитной мастерской и после суда выслан в Тобольск. Незадолго до отправки в Сибирь в 1883 г. Луговский обвенчался со своей землячкой Марией Александровной Юшковой. По окончании в 1886 г. ссылки они остались в Тобольске, где активно участвовали в общественной жизни города /11/.

Луговский был секретарем статистического комитета, редактором неофициальной части "Тобольских губернских ведомостей".

Занимая пост заведующего Тобольской метеорологической станцией при музее, он много лет вел метеорологические наблюдения, был связан с главной физической обсерваторией. Луговский печатал заметки о наводнении в Тобольске, изучал религиозные представления северных народов, записывал сибирские народные песни, ездил летом 1896 г. на Север Тобольской губернии для врачебного санитарного осмотра рыбопромышленных заведений, в течение нескольких лет составлял гербарий флоры Тобольска. Он устанавливал связи и переписку со многими ссыльными - Н.А. Блиновым, высланным в Сургут за нелегальную переписку и хранение подпольной литературы, С. Чуйковым, политическим ссыльным из Березова - и привлекал их к работе музея.

Кроме Л.Е. Луговского, редакторами и корректорами "Ежегодника" были А.А. Терновский (1893 - 1918), Н.Л. Скалзубов (1894 - 1905), В.А. Ивановский (1901 - 1907, 1909 - 1910, 1914 - 1918), В.Я. Пигнатти (1914 - 1918) /12/.

Редакционная комиссия, под руководством которой выходил "Ежегодник", избиралась общим собранием из среды членов на три года в количестве трех человек, в нее включались также председатель и секретарь распорядительного комитета /13/.

В обязанность редакторов входило: сношение с авторами статей, подготовка их к изданию, печатание "Ежегодника", распределение отпечатанных экземпляров, оставление отчета. Статьи, предложенные авторами для публикации в "Ежегоднике", поступали в редакционную комиссию, где рассматривались редакторами, в случае замечаний возвращались автору для доработки. При необходимости материал сокращался. (Например, приложения к труду Н.М. Палопеженцева "Народное образование в г. Ялуторовске..." в виду "крайней специальности предмета", где были оставлены "только наиболее существенные и имеющие общий интерес сведения" /14/.)

Предложенная П.П. Ершовым поэма "Абалак" не была напечатана, так как, по мнению комиссии, она "оказалась не обработанной и малоинтересной, как простая переделка в стихах оказания о явления Абалакской иконы" /15/.

Как правило, авторы свой материал посылали на имя А.А. Терновокого, который в зависимости от его содержания передавал рукопись другим редакторам или сотрудникам музея.

За помещенные в "Ежегоднике" работы авторы получали гонорар в виде 50 экз. оттисков своих статей и экземпляр выпуска оборника.

Тираж "Ежегодника" в разные годы колебался от 300 до 750 экз. В среднем он оставался 400 – 450 экз., в отдельные годы доходил до 750 – 800 экз. Это было связано с ростом количества подписчиков и потребностей в обмене. В годы революции (1917 – 1918) тираж резко сократился и составил 200 экз.

Анализ содержания издания позволяет сделать вывод о том, что "Ежегодник" был собранием ценнейших сведений о крае. К нему до сих пор обращаются многие исследователи и краеведы. Отвечая своему назначению, издание прежде всего представляло материал краеведческого научного характера. С 1893 по 1918 г. в "Ежегоднике" были опубликованы 159 краеведческих работ научного содержания.

В "Ежегоднике" сотрудники музея печатали результаты своих исследований, полученные в экспедициях и в архивах. На его страницах, например, опубликована большая часть трудов питомца Тюменского уездного училища Н.И. Палопеженцева. Один из них – историко-статистический очерк "Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии".

В письме от 23 сентября 1894 г. к редактору "Ежегодника" автор писал: "... я старался обрисовать со всех сторон состояние народного образования в округе со всеми достоинствами и недостатками в его постановке и на последнее обращал большое внимание читателей... Впрочем работа моя имеет и цель политическую... Но главной целью было разбить надежды, возлагаемые на духовенство заведовать школой. Вот... что вынудило меня работать над сухими и скучными цифрами в течение целого года. И если вы найдете труд мой полезным – то будет моей лучшей наградой" /16/.

Журнал "Русская мысль" (1896. № 4) статью Н. Палопеженцева назвал "одной из самых капитальных работ 2 и 3-го выпуска "Ежегодника". "Составленный с любовью к делу и богатый бытовыми чертами этот очерк в своей исторической части представляет яркую страницу из истории сибирской школы... К исследованию приложена интересная картограмма распространения образования по волостям и довольно много планов школьных помещений" /17/.

Работа Н.И. Палопеженцева в 1894 г. была издана в Тобольске отдельной брошюрой и пользовалась большим спросом у специалистов. В секторе редкой краеведческой книги Тюменской областной научной библиотеки хранится экземпляр этой книги с дарственной надписью автора.

"Нельзя не отметить также интересного собрания сибирских народных песен, записанных около Тобольска М.Н. Костюриной, ценность этого сборника еще увеличивается сличениями текста го-шой Костюриной с текстом других собраний: сопоставление это, показывающее, откуда шли в Сибирь народные песни и каким переделкам они подвергались, имеет даже общий интерес для изучения явлений народного творчества", — так писал журнал "Русская мысль" (1896. № 4. С. 162) о работе Н.М. Костюриной.

В виду того, что тобольские типографии не печатали ноты, редакция "Ежегодника" вынуждена была сделать особый заказ в одну из типографий Екатеринбурга на печатание мелодий сибирских народных песен, собранных М.Н. Костюриной. Было напечатано 750 листов, по числу издаваемых экземпляров "Ежегодника" с присоединением 50 авторских. Один листок нот обошелся 8,5 к. Вследствие ошибок при печатании нот пришлось их перепечатывать вторично. В первый раз печатание обошлось в 27 р. 56 к., а во второй раз в 37 р. /18/.

В Тобольск Мария Николаевна Костюрина приехала вместе со своим мужем Виктором Федоровичем Костюриным, который был широко известен в революционном мире. По "процессу 193" он был приговорен к каторжным работам, которые до 1895 г. отбывал в Каре, после чего вышел на поселение в Якутскую область, откуда переехал в Тобольск. В Тобольске Костюрины принимали деятельное участие в общественной работе как члены различных культурных обществ и сотрудники сибирской прессы. С 1900 по 1918 г. Мария Николаевна была редактором и издателем тобольской газеты либерально-буржуазного направления "Сибирский листок", выходившей с октября 1890 г. Виктор Федорович был основным сотрудником этой газеты более 20 лет. Его многочисленные корреспонденции и статьи по разным вопросам текущей жизни Сибири печатались также в "Русских ведомостях" и других столичных газетах и журналах /19/.

Большая часть статей, помещенных в "Ежегоднике", принадлежит Александру Александровичу Дунину-Юрковичу ("Север Тоболь-

ской губернии" - 1898, вып. 8 ; "О состоянии лесов севера Тобольской губернии, эксплуатация их в настоящем и возможная в будущем" - 1897, вып. 6 ; "Новый труд по исследованию Тобольской губернии (Тобольский Север)" - 1906, вып. 16), Николаю Лукичу Скалзубову ("Коллекция образцов почв Тобольской губернии, принадлежащая Тобольскому губернскому музею" - 1893, вып. 5 ; "Отчет о работах по борьбе с кобылкой в 1895 году в Тобольской губернии" - 1895, вып. 5 ; "Народный календарь, поверья, приметы о погоде и сроки сельскохозяйственных работ у крестьян Тобольской губернии" - 1899, вып. 12 ; "Материалы и вопросы о народной медицине", "Народная медицина в Тобольской губернии" - 1904 г., вып. 14); Льву Евграфовичу Луговскому ("Легенда, связанная с двумя остяцкими идолами из коллекции принадлежностей шаманского культа в Тобольском губернском музее" - 1894, вып. 2); Анатолию Александровичу Терновскому и многим другим.

В 1898 г. Скалзубовым была составлена и разослана программа для собрания материалов о народной медицине, которая основывалась на опубликованной ранее работе М.М. Мизерова о знахарстве в Красноуфимском уезде Пермской губернии /20/. "Программа для собрания материала по вопросу о народной медицине" Н.Л. Скалзубова наряду с другой его статьей "Собрание материалов для словаря народных названий растений" в 1914 г. была напечатана в Петербурге Обществом изучения Сибири и улучшения ее быта в "Сборнике инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь".

Помимо трудов сотрудников музея "Ежегодник" публиковал сочинения некоторых видных деятелей отечественной и зарубежной науки.

На его страницах были напечатаны статьи ботаника, члена-корреспондента АН СССР (1922 г.) Андрея Яковлевича Гордягина ("Почвы Тобольской губернии" - 1901, вып. 12; "Предварительный отчет о геоботанических исследованиях в южной полосе Тобольской губернии, произведенных в 1896 г." - 1896, вып. 7); лингвиста, этнографа, археолога и историка народов Сибири и Туркестана профессора Казанского университета Николая Федоровича Катанова ("Предание тобольских татар о происхождении киргизского народа" 1896, вып. 7; "Погребальные обряды тобольских татар" - 1898, вып. 9; "Предания тобольских татар о грозном царе Тамерлане" -

1899, вып. 9, "О религиозных войнах Шейбаса Багаутарина против инородцев Западной Сибири" - 1904, вып. 14, "Известия Лоренца Ланге о Сибири и сибирских инородцах" (с приложением снимка со старинного изображения вида гор. Тобольска) - 1904, вып. 14). Н.Ф. Катанов передал в дар Тобольскому музею 600 экз. снимков с видами Тобольска /21/.

С "Ежегодником" сотрудничали и политические ссыльные. Среди них - Алексей Николаевич Макаревский профессор Минского ветеринарного института. В 1888 г. он был сослан в Якутскую область за участие в народовольческих организациях. В 1901 - 1908 гг. работал ветеринаром в Томске и Тобольске. Живя в Сибири, он активно сотрудничал в сибирских газетах и в "Ежегоднике". В вып. 16 за 1908 г. была напечатана его работа "Значение оленеводства на севере Тобольской губернии, эпизоотии оленей и борьба с ними". С 1907 по 1909 г. А.Н. Макаревский был членом комитета Тобольского музея.

Особо хочется отметить обдорского ссыльного, этнографа Виктора Викторовича Бартенева - участника революционного движения в Петербурге, друга Александра и Владимира Ульяновых по нелегальным кружкам. Виктор Викторович был выходец из семьи известных революционеров, основателей русской секции I-го интернационала. Сам он входил в группу М.М. Бруснева, посылал в заграничные социал-демократические газеты корреспонденции о событиях в России. После ссылки выпустил книгу "На крайнем северо-западе Сибири" (Спб., 1896). В ней В.В. Бартенев осветил занятия, быт местного населения и русских. Один из вопросов темы "Понятия обдорских остяков о грехе" и был опубликован в "Ежегоднике" музея /22/.

Одновременно с работой В.В. Бартенева была опубликована статья "Похоронные обряды остяков" другого революционера-народника, сына обдорского рыбака И.П. Рослякова, который вместе со своей сестрой вошел в начале XX в. в группу социал-революционеров Закавказья.

В 1906 г. встал вопрос о расширении программы "Ежегодника", придании ему большей популярности. Это было связано с тем, что в данный период "Ежегодник" издавался в "ограниченном количестве и по преимуществу рассылался разным ученым и учреждениям в обмен на их труды". Среди местного населения "Ежегодник" распространял-

ся мало. Чтобы придать "большой интерес" "Ежегоднику", комитет музея признал крайне желательным "пополнить программу его особым отделом передовых сочинений по исследованию Сибири и сопредельных с нею стран...", опубликовать представляющие "большой научный интерес труды: Потканова, Альквиста, Карьялайнена, Гейкеля и других авторов, к сожалению, почти не известных местному обществу" /23/. К большому сожалению, полностью эта программа не была претворена в жизнь.

В вып. 15 и 16 "Ежегодника" была напечатана переведенная с немецкого языка статья одного из основоположников финно-угорской этнографии в Финляндии, профессора Хельсинского университета Уно Тави Сирелиуса "Домашние ремесла остяков и вогулов", написанная во время путешествия по России в 1900 - 1910 гг. За этот период он собрал богатейший материал по этнографии хантов, коми-зырян, удмуртов, татар, карелов и других народов, посетил немало сибирских архивов и музеев. Среди них и Тобольский губернский музей, где познакомился с его многочисленными коллекциями. Для редакции "Ежегодника" Сирелиус "принял на себя труд по отпечатыванию клише в Гельсингфорсе для иллюстрации своей статьи" /24/.

Некоторые выпуски "Ежегодника" были полностью посвящены определенной теме. Например, вып. 25 (1915 г.) был юбилейным, посвященным 25-летию музея, а вып. 27, увидевший свет в 1916 г., полностью отдан рассказу о жизни и деятельности Николая Лукича Скалозубова - селекционера, талантливого ученика К.А. Тимирязева, одного из организаторов Тобольского музея. Скалозубов, первый агроном Сибири, долгие годы работал консерватором (хранителем) фондов музея. В течение 11 лет он был одним из редакторов "Ежегодника". При его активном участии музей получил известность далеко за пределами России.

Тобольский музей играл значительную роль в развитии сибирской библиографии. Об этом говорят многочисленные библиографические материалы, помещенные на страницах "Ежегодника". Среди них три выпуска "Систематического каталога библиотеки Тобольского губернского музея", напечатанные в вып. 10, 15, 23, общим объемом 839 печ.л. Составители этих каталогов были работники библиотеки музея А.А. Терновский, М.В. Филиппов, В.Я. Пигнатти, С.Н. Мамеев /25/.

Степан Николаевич Мамеев (1859 – 1939 гг.) был одним из активных деятелей Тобольского музея, ряд лет заведовал его библиотекой и архивом. Одновременно он являлся и членом редакционной комиссии "Ежегодника". За заслуги перед музеем Мамеев был избран почетным членом его комитета. Он много сделал для изучения Сибири как историк, архивист, библиограф и ботаник.

С.Н. Мамеев занимался изучением флоры Тобольской губернии по заданию ботанического музея Академии наук, производил сборы и коллекционирование растений для сибирского гербария ботанического музея /26/.

С 1892 г. С.Н. Мамеев в "Сибирском листке" и "Тобольских губернских ведомостях" публиковал списки литературы под общим названием: "Материалы для библиографии Сибири". Указатель составлялся по мере накопления материала, поступающего в библиотеку. Списки выходили в свет в течение четырех лет и издавались на средства "благодарно предложенные" членом соревнователем А.А. Сыромятниковым /27/. "Издание это получило значительную повсеместную известность", – отмечает дирекция "Ежегодника"/28/.

После С.Н. Мамеева заведование библиотекой музея принял Анатолий Александрович Терновский (1867 – 1920).

В 1891 г. окончив Петербургский историко-филологический институт, А.А. Терновский преподавал в Тобольской гимназии латинский, греческий, церковно-славянский, русский языки, историю и географию.

Более 20 лет он был членом редакции "Ежегодника", одновременно участвовал в редактировании неофициальной части "Тобольских губернских ведомостей", был корреспондентом "Сибирского листка" и "Сибирской торговой газеты", издававшихся в Томени /29/. Вместе с С.Н. Мамеевым А.А. Терновский вел при музее большую библиографическую работу, его указатели ("Материалы для библиографии Сибири"), включающие "статьи и главнейшие заметки, касающиеся Сибири и помещенные в сибирских периодических изданиях", были опубликованы в вып. I и 3 "Ежегодника" /30/. Работа Терновского получила широкий отклик от библиографов Сибири.

Владимир Евгеньевич Филипченко из Владивостока в своем письме к Терновскому, благодаря его за труд, отмечал, что "русские библиографы, или говоря в широком смысле "книговеды" могли бы сплотиться в дружную и единомышленную семью, для обмена мысля

ли, своими трудами, если бы кто-нибудь взял бы на себя труд и инициативу прочно организационно сплотить их для совместной единой работы... И я глубоко верю, что такое единение библиографических сил возможно и рано или поздно должно быть. Во имя той же идеи единения я предлагаю Вам и музею свою полную готовность быть полезным чем только могу и был бы счастлив, если бы дали мне возможность осуществить на деле эту готовность" /31/.

В газете "Приамурские ведомости" автор вышеуказанного письма труды С.Н. Мамеева, Е.В. Кузнецова и А.А. Терновского ставил в один ряд с такими капитальными трудами как "Библиография Азии", "Сибирская библиография" В.И. Межова, отмечая, что "составленный (последним) указатель производит впечатление обстоятельной и тщательной работы..." /32/.

Неоднократно на страницах "Ежегодника" публиковались библиографические материалы о самом музее. Из них выделяется обстоятельная "Библиография и иконография Тобольского губернского музея", составленная А.А. Терновским /33/, а также "Библиография музея", подготовленная к "юбилейному 25-му выпуску" /34/.

Распространялся "Ежегодник" следующим образом: 1) издавался (высылался) подписчикам; 2) продавался музеем; 3) бесплатно раздавался членам комитета Тобольского музея; 4) посылался в обмен на труды других учреждений и обществ; 5) передавался в дар учреждениям, высылался почетным членам Тобольского музея, лицам и учреждениям, часто жертвующим в библиотеку музея печатные и рукописные произведения.

Подписная стоимость издания была небольшой: I экз. стоил I р., а с пересылкой I р. 25 к. Члены комитета музея имели право получать "Ежегодник" бесплатно; возместив при этом "почтовые расходы по переводам" /35/.

Издание "Ежегодника" было для Тобольского музея основным источником обмена трудами с обществами, как отечественными, так и зарубежными. Его тома периодически высылались в 165 научных обществ и учреждений России: институты, музеи, библиотеки, университеты, редакции журналов, обсерватории /36/. Выпуски "Ежегодника" получали Венгерский национальный музей в Будапеште, общество естествоиспытателей при Варшавском университете, Финно-угорское и Финляндское географическое общества в Гельсингфорсе,

национальный музей в Вашингтоне и Уругвайский национальный музей в Монтевидео, Общество русских ориенталистов в Харбине /37/.

Труды, полученные по обмену, передавались в библиотеку музея и составляли часть ее фонда. За время существования музея было получено несколько тысяч названий книг. Благодаря обмену библиотека Тобольского музея стала одним из самых богатых книгохранилищ в Сибири как по ценности рукописей и книг, так и по количеству их. Кроме того, экономились средства, отпускаемые на комплектование библиотеки и редакцию.

В одном из отчетов отмечалось, что сумма, расходуемая на издание "Ежегодника" (в смете 200 р.), далеко не покрывается поступлением от его продажи (в смете прихода 15 р.), но она не представляет для музея убытка, так как в обмен на "Ежегодник" музей получает разные издания на весьма значительную сумму /38/.

Нередко "Ежегодник" передавался безвозмездно библиотекам, учебным заведениям, обществам по их просьбе. Он высылался в библиотечные общества врачей Енисейской губернии в г. Красноярске (1894), Ялutorовское приходское училище (1894 г.), Общество любителей исследования Алтая (1897 г.) и мн. др.

Издательская история "Ежегодника" – это часть всего музейного книгоиздания России XIX в. На его примере можно судить, как менялась структура, содержание, сфера распространения издания.

В "Ежегоднике" воплощалось все многообразие общественной, экономической, культурной жизни края. "Ежегодник" стал крупным собранием ценнейших сведений о крае, к которому до сих пор обращаются многие исследователи и краеведы.

Примечания

1. Басаргина С.А. Тобольский музей и развитие библиографии в Западной Сибири // Вопросы библиотечного дела, библиографии и истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1975. С. 105 – 117; Роцевская Л.А. Тобольский губернский музей и политические ссыльные в конце XIX века // Материалы науч. конф.

посвящ. 100-летию Тобол. ист.-архит. музея-заповедника. Свердловск, 1975. С. 16 - 21; Коновалова Е. Издавались в Тобольске // Тюмен. правда. 1987. 7 июля.

2. Ежегодник Тобол. губ. музея. 1893. Вып. I. От редакции.

3. Там же.

4. Волкова В.Н. Сибирская книга второй половины XIX века // 200 лет книгопечатания в Сибири. Новосибирск, 1989. С. 74.

5. Ежегодник Тобол. губ. музея. 1915. Вып. 25. С. 52 - 53.

6. Там же. 1895. Вып. 3. От редакции.

7. Там же. 1895. Вып. 4. От редакции; Там же. 1915.

Вып. 25. С. 54.

8. Там же. 1894. Вып. 2. От редакции.

9. Лев Евграфович Луговский: Некролог // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1898. Вып. 9. С. 2.

10. Развитие деятельности Тобольского губернского музея // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1915. Вып. 25. С. 9.

11. Рошевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983. С. III, II6.

12. Список должностных лиц // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1915. Вып. 25. С. 98 - 99.

13. Развитие деятельности Тобольского губернского музея // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1915. Вып. 25. С. 7.

14. Текущая хроника музея // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1894. Вып. 2. С. LXIII.

15. Текущая хроника музея // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1893. Вып. I. С. XXIУ.

16. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. КП. II867/162, № 170.

17. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. КП. II867/16; Рус. мысль. 1896. № 4. С. 182.

18. Отзыв распорядительного комитета на акт ревизионной комиссии // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1897. Вып. 7. С. 32.

19. Роцевская Л.П. Тобольский губернский музей... С. 19.
20. Темплин В.Я. Материалы Ежегодника Тобольского губернского музея как источник по истории культуры русского крестьянства Западной Сибири конца XIX - начала XX вв. // Письменность и книгопечатание: Материалы науч. конф. к 1100-летию создания славянского алфавита, 200-летию книгопечатания в Сибири. Тюмень, 1989. С. 56.
21. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. КП, 916.
22. Ежегодник Тобол. губ. музея. 1895 - 1896. Вып. 5. С. 9 - 12.
23. Отчет секретаря музея за 1903 г. // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1906. Вып. 15. С. 6 - 7.
24. Отчет секретаря музея за 1904 г. // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1906. Вып. 15. С. 44.
25. Басаргина С.Л. Тобольский музей и развитие библиографии... С. 105 - 117; Библиотека музея // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1915. Вып. 25. С. 44 - 50.
26. Басаргина С.Л. Тобольский музей и развитие библиографии... С. 106 - 107.
27. Ежегодник Тобол. губ. музея. 1893. Вып. 1. С. XXVI - XXVII.
28. Там же. Вып. 2. С. XVI.
29. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. КП, 11867/2, ед. хр. 1.
30. Терновский А.А. Материалы для библиографии Сибири // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1893. Вып. 1. С. 1 - 52; Там же. 1895. Вып. 3. С. 1 - 109.
31. Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник. КП, 11867/160.
32. Приамур. ведомости. 1893. № 23. С. 17 - 18.

33. Терновский А.А. Библиография и иконография Тобольского губернского музея // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1894. Вып. 2. С. I - I29.
34. Библиография музея // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1915. Вып. 25. С. 7I - 9I, IOI - I18.
35. Ежегодник Тобол. губ. музея. 1893. Вып. I. С. XIII.
36. Там же. 1915. Вып. 25. С. I26 - I3I.
37. Там же. С. I26, I27, I30, I3I.
38. Акт ревизионной комиссии // Ежегодник Тобол. губ. музея. 1902. Вып. I3. С. 85.

М.А. Белокрыс

ИЗ ИСТОРИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В ВЕРХНЕУДИНСКЕ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX в.

Основанный в 1666 г. русскими казаками-землепроходцами как зимовье, Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) занимал исключительно выгодное географическое положение. Он лежал на ключевом пути, ведущем в Читу, Нерчинск, Нерчинские и Петровский заводы, его практически нельзя было миновать, направляясь в Центральную Азию. Возникший при слиянии Уды и Селенги, он через водную артерию последней оказался связующим звеном Предбайкалья и Забайкалья. Все это способствовало превращению Верхнеудинска в "... основной транзитный и товаропереваляющий пункт в крае" /I/.

Город имел и определенные культурные традиции, восходящие к XVIII в. Уже в начале XIX в. отдельные представители купечества и чиновники заводят личные библиотеки, выписывают из центра газеты и журналы, занимаются литературными и сельскохозяйственными опытами (Г.А. Шевелев, А.М. Курбатов, М.М. Геденштром, Ф.М. Железников и многие другие). Немало светлых личностей находилось среди педагогического персонала учебных заведений. Здесь стоит назвать штатного смотрителя училищ округа, поэта, краеведа, автора песни "Славное море, священный Байкал" Д.П. Да-

выдова, штатного же смотрителя Н.С. Нелюбова, явившегося организатором первой публичной библиотеки и любительского театра (1880 г.), учителя уездного училища Н.В. Паршина, активно сотрудничавшего в сибирских изданиях, и целый ряд других. Существенное влияние на становление духовных интересов горожан имели декабристы. С многими из них верхнеудинцы поддерживали добрые отношения, помогали им, переписывались.

И все же судьба не была милостивой к городу. Слабое развитие собственной промышленности и ремесел, сети учебных заведений, малое число жителей, положение поселения, так и не ставшего значительной административной единицей (в XVIII в. в этом отношении лидировал Селенгинск, в 1851 г. — Чита, ставшая центром вновь образованной Забайкальской области), недостаточное количество просвещенной интеллигенции затормозили экономическое и социально-культурное развитие Верхнеудинска. Необходимые условия, способствующие возникновению первых типографий, зарождению книгопечатания сложились здесь значительно позднее, нежели в других городах Забайкалья, — только в конце XIX в.

Первым печатным изданием в Верхнеудинске, по некоторым данным, явился листок-бюллетень телеграфного агентства, выходивший в течение нескольких месяцев 1882 г. /2/. Но сведения эти, хотя и сообщенные авторитетными знатоками культурного прошлого Забайкалья, нуждаются в проверке и уточнениях, ибо сам факт выпуска бюллетеня предполагает наличие минимальной полиграфической базы, хотя бы слабых следов издательской деятельности. Между тем, в отчетах Верхнеудинской городской управы и за более поздний период однозначно указывается на полное отсутствие в городе типографий, литографий, металлографий и заведений, производящих и продающих принадлежности тиснения /3/.

Строительство Великой Сибирской железной дороги, начавшиеся с 1895 г. работы на ее Забайкальском участке дали новые энергичные импульсы для экономического и культурного роста, значительно освежили социальный состав жителей Верхнеудинска. Первые известные нам попытки организации в городе типографии относятся ко второй половине 90-х гг. прошлого века. Связаны они с именем А.Д. Рейфовича, числящегося крестьянином Саянтуевского селения.

23 августа 1899 г. Рейфович обратился в городскую управу с пространном письмом, в котором писал: "Имея, с разрешения надле-

жащего начальства, копировальный аппарат "Тектограф" для печатания афиш, объявлений и проч/его/, я давно уже убедился, ... что г. Верхнеудинск крайне нуждается в местной типографии, так как в данное время ... вынуждены посылать свои заказы в гг. Читы или Иркутск... Несмотря таким образом на явную необходимость в открытии в г. Верхнеудинске типографии до сих пор не нашлось ни одного предпринимателя, при чем даже с своей стороны я не раз предлагал и советовал некоторым иркутским содержателям типографий /Сизых и Лейбовичу/ открыть и здесь типографию; но они это не нашли для себя выгодным. Для видимости при сем прилагаю три письма типографа Лейбовича, с которыми об открытии типографии я вел переписку с 1894 г. ..., так как уже с того времени сознавалась необходимость в местной типографии" /4/.

Далее Рейфович пояснял, что работая с гектографом, над переплетом книг в организованной им мастерской он заинтересовался издательским делом. Воспользовавшись случаем, и будучи в 1896 - 1897 гг. в Европейской России, подробно ознакомился с деятельностью тамошних типолитографий. После этого у него созрела мысль открыть собственное печатное заведение. Вернувшись домой, он сносится со складом полиграфического оборудования И. Гольденберга в Петербурге и получает полную смету на маленькую типографию. Параллельно, согласно существующему порядку, возбуждает перед военным губернатором Забайкальской области ходатайство об открытии в Верхнеудинске частного типографского предприятия /5/.

Получив 24 июля 1899 г. соответствующее разрешение властей, воодушевленный предприниматель, не располагавший достаточными материальными средствами, и обратился в городскую управу с просьбой о выделении ему на обзаведение субсидии в размере тысячи рублей, обещая вернуть деньги в течение ближайших лет. Рассмотрев письмо Рейфовича 6 сентября 1899 г., отцы города пришли к следующему выводу: "... принимая во внимание, что в распоряжение города не имеется таких источников, ... то, при всем желании города помочь такому полезному делу, городская дума не может этого выполнить" /6/.

Обращение Рейфовича в городскую управу представляется весьма ценным документом для истории книгопечатания в Верхнеудинске. С одной стороны, из него неопровержимо следует, что на август 1899 г. в городе еще не было ни одной печатной машины. С другой,

ясно, что уже с середины 1890-х гг. сам Рейфович кое-что печатал для горожан на копировальном аппарате "Тектограф", накопив определенный опыт оперативной полиграфии. Собственно, именно это, да насущные потребности местного общества и подвигнули его на попытки организации собственной типографии.

Как развивались события после отказа думы финансировать начинания Рейфовича, нам пока неизвестно. Но именно с его именем связано открытие первого типографского предприятия в Верхнеудинске в начале XX в. Точная дата его организации, состав оборудования, штаты, наличие шрифтов пока не установлены. Помещалась типография в собственном доме Рейфовича по набережной Уды, сохранившемся до наших дней. В этом же здании располагалась и переплетная мастерская /7/.

Печатная продукция, выходявшая из стен заведения Рейфовича, была достаточно традиционной для маленьких типографий: деловые бумаги, афиши, объявления, визитные карточки и небольшие по объемам малотиражные брошюры. В основном удовлетворялись нужды города, но иногда поступали заказы и из других населенных пунктов, не имевших собственных типографий. Так, например, в 1904 г. был отпечатан "Устав Петро-заводского общественного собрания" /8/. Активно работала и переплетная мастерская. В библиотеках Улан-Удэ и по сей день встречаются издания, содержащие штамп предприятия первого верхнеудинского типографа.

Рейфовичу принадлежит еще одна ценная социальная инициатива: выпуск первого частного периодического издания. Во второй половине 1904 г. он обращается к военному губернатору Забайкальской области с просьбой о разрешении ему издания газеты. 11 ноября 1904 г. генерал-лейтенант Колшевников сообщил верхнеудинскому уездному начальнику Хамскому, что "Абраму Давидову Рейфовичу разрешено издавать в городе Верхнеудинске, с дозволения предварительной цензуры, под редакторством частного поверенного Иосифа Матвеевича Сипайло, газету ... "Верхнеудинский листок" /9/. Цензором газеты вначале назначен был Хамский, позднее наблюдение за ней поручено крестьянскому начальнику 3-го участка уезда Богданову /10/.

По единодушному мнению историков и мемуаристов, Сипайло являлся фигурой подставной. Сведения о настоящем редакторе "Верхнеудинского листка" разноречивы. Одни источники указывают на из-

вестного народника Л.Ф. Мирского, отбывшего каторгу на Каре и жившего в Верхнеудинске на поселении /II/. Другие - на инспектора народных училищ Верхнеудинского и Баргузинского уездов И.К. Окунцова /I2/. Замыслил стать редактором издаваемого им органа вынашивал и Рейфович. В мае 1905 г. он обратился с соответствующим запросом к властям. Но фигура его, очевидно, доверия не вызвала, и просьба была оставлена "без последствия" /I3/.

Появившийся на гребне событий первой русской революции, "Верхнеудинский листок" объединил вокруг себя либерально настроенную интеллигенцию и имел демократическую направленность. Печатались в нем авторы из нелегальных организаций города, часто помещались корреспонденции острого характера. Это вынуждало издателя и редактора обходить стороной надзирающие органы, вольно лавировать. В октябре 1905 г. встревоженный этим Богданов воспретил выпуск материалов, не прошедших предварительной цензуры, просил уездное полицейское управление наблюдать за выходом из печати только разрешенных номеров газеты /I4/.

19 января 1906 г. по распоряжению возглавлявшего нагрянувшую в город карательную экспедицию генерал-лейтенанта Меллера-Закомельского издатель и редактор "Верхнеудинского листка" были арестованы, газета запрещена, а типография опечатана. Дело обстояло достаточно серьезно, так как против Рейфовича и Сипайло возбуждено уголовное преследование "по обвинению в государственном преступлении" /I5/. Жена Рейфовича, Софья Лазаревна, числившаяся официально содержательницей типографии, вынуждена была дать подписку об ответственности за срыв печатей /I6/. 20 января 1906 г. на квартире редакции производится обыск, а Рейфович заключается в знаменитый Верхнеудинский тюремный замок /I7/.

В специальной литературе существуют различные мнения по поводу времени прекращения выхода "Верхнеудинского листка". Так, Б.Ц. Дондоков приводит дату 19 ноября 1905 г. /I8/, Н.В. Ким считает, что газета издавалась до 19 февраля 1906 г. /I9/. Приведенные выше документы уточняют эти сведения, не оставляя сомнений в том, что последним днем выпуска газеты могло быть только 19 января 1906 г., так как типография опечатана именно в этот день.

В течение почти четырех месяцев закрытая типография бездействовала. В мае 1906 г. Рейфович, все еще находящийся в заключе-

ний, ходатайствовал об открытии типографии, передав все права на нее жене /20/. Согласие властей на это вскоре было получено, и 16 мая печати с типографии сняты /21/. Дальнейшая судьба первенца полиграфии Верхнеудинска и его владельца не совсем ясна. Как предполагал А. Куртик, после выхода из тюрьмы Рейфович издавал газету "Забайкалец", "...за что снова был привлечен к ответственности с лишением права иметь типографию" /22/. Но с этим вряд ли можно согласиться: названная газета выходила в ноябре - декабре 1906 г., когда первая типография города уже давно не существовала. Печатался же "Забайкалец" совсем в другой типографии. Представляется, что подвергнувшийся преследованию по политическим мотивам, Рейфович был лишен права иметь дело с множительной техникой и по выходу из заключения сразу же расстался с печатными машинами.

Личность одного из пионеров забайкальского книгопечатания вызывает безусловный интерес. Однако биографические сведения о нем предельно скупы. Как свидетельствуют архивные документы, Рейфович не был потомственным крестьянином. Его отец - "оспенный ученик Давид Яковлев Рейфович" в 1878 г. занимался в Верхнеудинске "привитием малолетним детям предохранительной оспы" и обязанности свои выполнял "в должной исправности" /23/. Е.Д. Петряев установил, что в начале XX в. А.Д. Рейфович под возможным псевдонимом "Иголкин" печатался в выходившей в Чите газете "Забайкалье" /24/. Это пока все.

Нами документально установлено, что основным покупателем оборудования предприятия Рейфовича явился верхнеудинский мещанин С.Б. Нодельман, открывший в первой половине 1906 г. собственную типографию "Прогресс", а при ней переплетную мастерскую и книжный магазин. Более точную дату образования и этого полиграфического заведения установить пока не удастся. Можно лишь высказать ряд достаточно обоснованных предположений.

В июне 1906 г. проживающий в Верхнеудинске екатеринбургский мещанин Н.С. Костин обратился в соответствующие инстанции с просьбой о разрешении ему издания газеты "Прибайкалье". 24 июня военный губернатор Забайкальской области генерал-майор Сычевский вернул прошение, затребовал от уездного начальника "... сведения о политической благонадежности г. Костина" /25/. 19 августа 1906 г. из Верхнеудинска в Читту поступил ответ: "Костин служит

наборщиком в типографии Нодельмана, издателя закрытой газеты "Байкальская волна", о его политической благонадежности сведений не имеется" /26/. Из приведенных выше цитат архивных документов можно заключить, что 1 июня - первой половине августа 1906 г. С.Б. Нодельман не только являлся владельцем типографии, но и издателем газеты, которую успели запретить в указанный период. Н.В. Кям писал: "Байкальская волна" выходила с 18 июня по 9 июля 1906 г. и считалась общественно-политической и литературной газетой" /27/. Следовательно, печать "Прогресс" не могла быть образована позднее конца мая - начала июня 1906 г.

По типологии выпускаемой продукции типография Нодельмана мало чем отличалась от заведения Рейфовича. Одним из главных направлений его деятельности явилось печатание периодических изданий. Вслед за "Байкальской волной" и "Прибайкальем" Нодельман предпринимает выпуск газеты "Байкальская струя". Как хорошо известно ныне, все это были легальные органы Верхнеудинской организации РСДРП. Они также имели мнимых редакторов, но в действительности их содержание направлял большевик Б.З. Шумяцкий, командированный в Верхнеудинск специально для этих целей II съездом Сибирского союза РСДРП (май 1906 г.) /28/.

Помощь Нодельману и верхнеудинским полиграфистам в подготовке газет оказывали и социал-демократы Кяхты-Троицкосавска, "... направившие им четырех опытных наборщиков, ранее работавших в Троицкосавской типографии" /29/.

Газетам, наполненным статьями "непозволительного" содержания, суждена была недолгая жизнь. Просуществовав каждая менее месяца, они одна за другой запрещались администрацией. Последняя из них, отпечатанная в типографии С.Б. Нодельмана, "Байкальская струя", была приостановлена за помещенную в № 5 от 8 ноября 1906 г. статью "Ты услышь мои печали". А 23 ноября этого же года распоряжением генерал-губернатора Восточной Сибири газета закрыта "... на все время военного положения" /30/.

По-видимому, и в этом случае репрессиям подверглись не только газета, но и владелец печатных станков, вынужденный передать права на них родственнику Г.А. Нодельману. Последний, принимая хозяйство, дал местным властям весьма характерное объяснительство-подписку: "За переходом типографии С.Б. Нодельмана с 12 ноября сего 1906 г. в мое владение, газету "Байкальскую струю"

печатать отказался со дня принятия дел, т/о/ е/сть/ 12 ноября с/его/ г/ода/ и газетные наборщики мною уволены 13 ноября" /31/. Поспешность с увольнением наборщиков и наводит на мысль о том, что жандармы хорошо знали, кто трудился в заведении С.Б. Нодельмана.

Из сохранившихся архивных документов можно понять, что Г.А. Нодельман в установленном порядке получил разрешение на издательскую деятельность только в феврале 1907 г. /32/. Но продолжалась она недолго: уже в 1908 г. он выехал из Верхнеудинска, передав типографию обратно С.Б. Нодельману. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с обычной для тех лет практикой дезинформирования надзирающих органов относительно истинных владельцев дела. Характерно, что полицейский надзиратель, проводивший 2 февраля 1909 г. сверку типографского имущества, заметил недостачу в кассе большого количества шрифта. Объяснения С.Б. Нодельмана он записал в акт: причина заключается в том, что "... брат его, Григорий Андреевич Нодельман, уезжая в м/инушем/ г/оду/ в г. Баргузин /где открыл типографию/ взял и увез туда двадцать пудов двадцать шесть фунтов шрифта" /33/. Сообщение это нуждается в проверке, но уже сейчас можно считать, что семейство Нодельманов явилось основателем типографского дела в Баргузине.

По неизвестным нам причинам типография Нодельмана скоро вновь привлекает внимание жандармов и опечатывается 2 июля 1909 г. по предписанию уездного начальника /34/. После снятия ареста ее берет в аренду местный купец С.И. Розенштейн, а С.Б. Нодельман становится доверенным. Где-то в это же время типография получает название "Скоропечатня". Сохранившиеся архивные документы дают возможность описать ее оборудование. Так, согласно протокола полицейского осмотра типографии, проведенного 6 апреля 1910, в распоряжении С.Б. Нодельмана имелись 3 скоропечатные машины фабрик "Аугсбург", "Гамм", "Кениг и Бауэр", 2 прессы фирм "Франц Мерк и К^о" и "Эмиль Каль", шрифтов разных 182 пуда 1,5 фунта, линеек, украшений и политипажей 83 пуда 26 фунтов, а также 44 комплекта деревянного шрифта /35/. Помимо этого лично у С.Б. Нодельмана оставалась не сданная в аренду машина "Кениг и Бауэр" и некоторое количество шрифта /36/.

Удалось проследить, что "Скоропечатня" и переплетная мастерская при ней успешно существовали до 1920 г., после чего типография была взята в аренду городской управой. Составляя для города смету расходов на содержание типографии, Нодельман указал ее штаты на тот период: заведующий, 4 наборщика, печатник, 2 накладчика, 2 вертельщика и переплетчик /37/. В целом, как видим, по числу рабочих, объемам производившихся работ заведение Нодельмана относилось к типу мелких полукустарных полиграфических предприятий. Характерно, что в 1912 г. рабочие "Скоропечатни", недовольные тяжелыми условиями труда, притеснениями доверенного И.И. Гринштейна, объявили забастовку, предъявив содержанию Нодельману ряд условий. Об этой стачке, закончившейся частичной победой печатников, писала газета "Правда" /38/.

Параллельно с Нодельманом, или несколько раньше, по разрешению военного губернатора Забайкальской области от 27 марта 1906 г., печатное заведение в Верхнеудиноке открыл именитый купец А.К. Кобылкин /39/. Размещалось оно по Большой Николаевской улице, в специально выстроенном во дворе дома Кобылкина двухэтажном здании /40/. Имеющиеся в нашем распоряжении результаты регулярно проводившихся полицейских осмотров типографии позволяют считать, что она имела еще более слабую материальную основу, чем "Скоропечатня" Нодельмана. Так, у Кобылкина имелась одна скоропечатная машина "Аугсбург", ножная американская "Либерти", корректурный валик, просекательный и бумагорезательный аппараты. Шрифта металлического, не считая медного, и разных других материалов для печатания числилось 130 пудов 16 и 3/4 фунта /41/. Позднее, для открытой в декабре 1909 г. переплетной мастерской, дополнительно были выписаны проволокошпигательная машина "Бренсер, № 5" и картонорубилка "Краузе" /42/. Работала при типографии и небольшая мастерская по изготовлению каучуковых штампов.

Типография Кобылкина размножала различного рода бланки, инструкции, фактуры, квитанционные и бухгалтерские книжки. Печатались там и некоторые периодические издания. В частности, в октябре 1914 г. военный губернатор области выдал люблинскому мешанину А.П. Говдецкому, управляющему типографии Кобылкина, разрешение на право издания "Верхнеудинокой газеты" /43/. Что же касается собственно книжной продукции, то из стен типографии выхо-

дили скромные по размерам малотиражные брошюры краеведческого характера. В частности, в 1907 г. в свет выпущено "Сказание о Верхнеудинской Спасокой церкви" И. Карелина (24 страницы), в 1909 г. - "Сведения о так называемом Верхнеудинском общественном реальном училище, существовавшем с 16 декабря 1905 г. до июня 1906 г." Но полным перечнем изданий такого рода мы не располагаем.

Небезынтересно отметить, что и эта типография имела связи с социал-демократами Забайкалья. В 1906 - 1907 гг. корректором у Кобылкина работал А.А. Черных - бывший телеграфист Троицкосавско-Кяхтинской почтовой конторы, участник первых марксистских кружков, впоследствии член верхнеудинской организации РСДРП /44/. Некоторое время (1907 - 1910 гг.) типографией заведовал П.А. Саплин - содержатель первой частной типографии Кяхты-Троицкосавска, затем управляющий типографии И.А. Лушниковой /45/. В феврале 1906 г. Саплин, причастный к изданию запрещенной газеты "Байкал", устройству народных собраний, был арестован. После выхода из тюрьмы перебрался в Верхнеудинск. Профессиональный полиграфист, имевший значительный опыт работы, Саплин, несомненно, во многом помог Кобылкину в организации печатного дела. Типография Кобылкина, предположительно, действовала вплоть до Октябрьской революции.

Анализ изданий первых типографий Верхнеудинска дореволюционного периода затруднен, так как весь их массив на сегодняшний день не выявлен. Кое-что сохранилось в библиотеках региона, в собраниях библиофилов, часть известна по библиографическим описаниям, но многое утеряно безвозвратно. Знакомясь с образцами продукции верхнеудинских печатных станков, можно все же сделать вывод, что помимо деловых бумаг и газет, материалов нелегального характера (листовок, воззваний и т.п.) они выпускали в основном небольшие по объемам и тиражам брошюры официального (уставы, протоколы, отчеты общественных организаций) и историко-краеведческого содержания (история церквей, учебных заведений, строительства железных дорог).

Здесь же стоит упомянуть о предпринимавшихся верхнеудинскими коммерсантами опытах выпуска открыток. В частности, в 1912 - 1914 гг. в обращении появилась серия почтовых открыток с видами Верхнеудинска, реки Селенги, Байкала, изданных неким Т.М. Двор-

сковым. Он являлся родственником (мужем?) "крестьянки Тульской губернии, Алексинского уезда ... " Д.Е. Дворской, содержавшей книжный и писчебумажный магазин на Большой Николаевской улице /46/. Но в данном случае следует иметь в виду, что открытки эти печатались в крупных городах Европейской России, в типографиях, располагавших соответствующими машинами.

Верхнеудинские полиграфические предприятия начала XX в. в силу различных причин ни по одному из показателей не поднялись до уровня аналогичных заведений фабричного типа таких культурных центров Сибири, какими к этому времени стали Иркутск, Томск, Красноярск, Омск. Тем не менее, их положительное значение видится в том, что они способствовали консолидации литературных сил, заложили основы и традиции газетно-журнального и книгоиздательского дела в Прибайкалье, успешно развитые уже в послереволюционное время.

Примечания

1. Ким Н.В. Очерки истории Улан-Удэ. Улан-Удэ, 1966. С. 9.

2. Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 172.; Ким Н.В. Очерки истории Улан-Удэ. С. 84.

3. Например, в декабре 1892 г. Верхнеудинский окружной начальник запросил у городской управы сведения соответствующего характера. В отчете управы значилось, что в городе имеется библиотека, открытая в 1881 г., но никаких полиграфических заведений, а также магазинов, продающих принадлежности тиснения, в городе не имеется. См.: ЦГА БурАССР, ф. 10, оп. 1. д. 844, л. 1 - 2 об.

4. ЦГА БурАССР, ф. 10, оп. 1, д. 1394, л. 1 - 1 об.

5. Там же. л. 1 об.

6. Там же. л. 2.

7. Куртик А. Дом на набережной // Правда Бурятии. 1985. 18 дек. С. 3.

8. Экземпляр брошюры хранится в фонде Редкой книги Республиканской библиотеки Бурятской АССР. Петровский завод не имел своей типографии до Октябрьской революции.

9. ЦГА БурАССР, ф. 337, оп. I, д. 867I, л. I.

10. Там же, л. 7.

11. Васильев Г.А. Из революционного прошлого. Улан-Удэ, 1968. С. 31.; Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1965. Т. 2. С. 676.

12. Куртик А. Дом на набережной. С. 3.

13. ЦГА БурАССР, ф. 337, оп. I, д. 867I, л. 14.

14. Там же, л. 40-40 об.

15. ЦГА БурАССР, ф. 337, оп. 6, д. 57, л. I.

16. Там же, л. 3.

17. Там же, л. 5.

18. Дондоков Б.Ц. Возникновение и развитие партийно-советской печати в Бурятии (1918 - 1937 гг.). Улан-Удэ, 1960. С. 124.

19. Ким Н.В. Очерки истории Улан-Удэ. С. 97.

20. ЦГА БурАССР, ф. 337, оп. 6, д. 57, л. 10-10 об.

21. Там же, л. 13.

22. Куртик А. Дом на набережной. С. 3.

23. ЦГА БурАССР, ф. 10, оп. I, д. 194, л. 2.

24. Петряев Е.Д. Краеведы и литераторы Забайкалья. Чита, 1981. С. 88.

25. ЦГА БурАССР, ф. 337, оп. 2, д. 627, л. I.

26. Там же, л. 2.

27. Ким Н.В. Очерки истории Улан-Удэ. С. 106.

28. Там же. С. 108 - 109.; Посадсков А.Л. Книжное дело в Сибири. 1919 - 1923. Новосибирск, 1979. С. 335.

29. Кравцов В.Т. Кляхта революционная. Улан-Удэ, 1977. С. 34.

30. ЦГА БурАССР, ф. 337, оп. 2, д. 677, л. 2.
31. Там же, л. 5 об.
32. Там же, ф. 337, оп. 2, д. 1120, л. 60 об.
33. Там же, л. 69.
34. Там же, л. 60.
35. Там же, ф. 337, оп. 6, д. 144, л. 5.
36. Там же, л. 5 об.
37. Там же, ф. 10, оп. 2, д. 226, л. 29.
38. Ленинская "Правда" о Сибири 1912 - 1914, 1917 гг. Новосибирск, 1982. С. 43 - 44.
39. ЦГА БурАССР, ф. 337, оп. 6, д. 150, л. 5.
40. Нелюбина А. Главная улица города // Правда Бурятии. 1987. 22 апр.
41. ЦГА БурАССР, ф. 337, оп. 6, д. 150, л. 5-5 об.
42. Там же, ф. 337, оп. 6, д. 144, л. 4.
43. Там же, ф. 337, оп. 2, д. 2412, л. 1.
44. Климов А. Пакет для Александра // Правда Бурятии. 1981. 6 нояб.
45. Подробнее о Саплине см.: Белокрыс М.А. Из истории книгопечатания в Кяхте во второй половине XIX - начале XX в. // Книга в Сибири (конец XVIII - начало XX в.). Новосибирск, 1989. С. 106.
46. ЦГА БурАССР, ф. 337, оп. 2, д. 2261, л. 17.

ТОРГОВЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КНИГОЙ В СИБИРИ (1905 - 1907 гг.)

В период революции 1905 - 1907 гг. Россия, по утверждению известного библиографа Н.А. Рубакина, выдвинулась на "первое место на всем земном шаре" по количеству названий и экземпляров вновь вышедших книг /1/. Прорыв был сделан прежде всего книгами и брошюрами по общественно-политическим вопросам, которые в обход царской цензуры в большом количестве и огромными тиражами печатали возникшие во время революции в Петербурге и Москве издательские объединения "Молодая Россия", "Новый мир", "Новая жизнь", "Новая волна", "Обновление", "Свободная мысль", "Прогресс", "Вперед", "Молот", "Серп", "Утро", "Товарищ", "Пролетарият", "Верный путь", "Набат", "Друг народа", "Трибуна" и др. Инициативу столичных издателей поддерживали молодые издательства провинциальных городов, из числа которых наибольшей известностью пользовались "Буревестник" (Одесса) и "Донская речь" (Ростов-на-Дону). Всего, по подсчетам Н.А. Рубакина, с октября 1905 по 1907 гг. в стране возникло не менее 350 новых издательств, специализировавшихся в основном на выпуске общественно-политической литературы /2/.

Вклад в издание политических книг и брошюр вносили и сложившиеся еще до революции издательские фирмы И.Д. Сытина, М.А. Малых, Е.Д. Мяткова, В.Е. Распопова, В.М. Саблина, а также книгоиздательское товарищество "Знание", которое с 1902 г. возглавлял М. Горький. Издательский бум вокруг политической литературы объяснялся не столько соображениями коммерческой выгоды (реализуя брошюры в среднем по 3 - 5 к. за 1 экз., издательства практически не имели прибыли), сколько страстным желанием издателей внести свою лепту в дело политического просвещения масс и борьбы их против царизма.

Одновременно с изданием политической литературы развертывалась торговля ею. Несмотря на рогатки царских властей (запрет на продажу отдельных книг и брошюр), она велась довольно успешно. На складах издательств практически не залеживались отпечатанные тиражи. Среди регионов, где шла распродажа политических изданий, была и Сибирь. Здесь, как и в других местах, ведущая

роль в торговле ими принадлежала книжным магазинам, владельцы которых со складов издательств и у книготорговцев Петербурга, Москвы, Одессы и Ростова-на-Дону выписывали десятки наименований книг и брошюр, причем многие из них в значительном количестве. Так делал, например, П.И. Макушин, имевший книжные магазины в Томске и Иркутске. Ему, как и другим книготорговцам, приходилось считаться с запретом судебных органов на те или иные издания, поступившие уже в магазины. Об этом свидетельствует такой факт: 31 октября 1906 г. в издававшейся им газете "Сибирская жизнь" напечатан список более 30 политических брошюр, изъятых из продажи.

В Красноярске распродажей социально-политической литературы занимался книжный магазин "Дело и забава", принадлежавший по документам Е. Криницкой, но фактически ее зятю Н.Н. Трегубову, человеку демократических убеждений и весьма энергичному в торговом деле. В 1905 - 1907 гг. и позже по счетам издательств "Новый мир", "Вперед" и других, а также ряда книжных магазинов, в том числе московской фирмы "Рассвет", он получал сотни политических книг и брошюр. Жандармы отмечали: "усиленное распространение таких изданий было главной целью Трегубова" /3/. В феврале 1907 г. из его магазина полиция конфисковала 7265 экз. запрещенных и "вредных", с точки зрения властей, социально-политических книг, брошюр и журналов, а в июне 1912 г. - еще 6130 экз. таких же изданий, выпущенных в 1905 - 1907 гг. /4/.

Во время революции 1905 - 1907 гг. в Омске, являвшемся административным центром Акмолинской, Семипалатинской областей и Степного края, более или менее значительную торговлю печатной продукцией вели книжные магазины А.С. Александрова, М.В. Левина, В.И. Мезенцова, Савельева и братьев Мельниковых. В целях недопущения продажи в них запрещенных судебными органами политических изданий областное правление под расписку вручало владельцам магазинов списки книг и брошюр, подлежащих изъятию из продажи. Получив такие списки, книготорговец сам должен был уничтожить нежелательные для властей издания. Исполнение контролировал чиновник по особым поручениям. Совершая систематические обходы магазинов и осмотр их книжного фонда, он каждый раз о результатах проверки лично докладывал губернатору /5/. Но, как видно из ар-

живных источников, владельцы книжных магазинов не проявляли особого рвения в выполнении предписаний администрации.

Независимый характер показывал В.И. Мезенцов, автор появившейся в конце 1905 г. в продаже драмы "Доля или сибирская глушь" (одно из первых художественных произведений, специально посвященное жизни рабочих на золотых приисках сибирской тайги). Несмотря на официальное предупреждение, его книжный магазин, размещавшийся в районе железнодорожной станции, называвшемся Атаманским хутором, продолжал торговать исключительно бесцензурными политическими брошюрами. Временный генерал-губернатор Акмолинской области Папенгут, сочтя такое деяние преступным, распорядился конфисковать книжный товар "строптивного" магазина и закрыть его /6/.

В течение всех революционных лет книжный магазин А.С. Александра, расположенный в центре Омска, производил впечатление, по отзыву надзиравшего чиновника областного правления, "солидной фирмы, торгующей крупными дозволенными книгами, а не запрещенными брошюрками нелегальной фабрикации" /7/. Однако, как это выяснилось позже, книготорговец лукавил: он не уничтожал запрещенные издания, а припрятывал их от административного ока, намереваясь, очевидно, приторговывать ими тайно. В октябре 1908 г., когда власти разоблачили его, в подвальных комнатах магазина было обнаружено 2695 экз. запрещенных книг и брошюр на социально-политические темы. На следствии по поводу их хранения А.С. Александров заявил: "Книги получались мною от издателей и столичных фирм по мере выхода из печати, получались они всегда до того времени, когда на них накладывались арести" /8/.

Политическая литература реализовывалась в Омске и через малые торговые точки. К их числу относился книжный киоск С.Е. Булачёва, находившийся на перекрестке двух центральных улиц города. В ноябре 1908 г. жандармы, производившие у него обыск, изъяли свыше 10 экз. книг и брошюр, а также три комплекта переплетенных политических брошюр различных названий, запрещенных постановлениями судов /9/.

Продажу политических книг и брошюр осуществляли также книжные магазины, открытые в уездных городах. Так, в прибайкальском городке Верхнеудинске (теперь Улан-Удэ) политическими изданиями приторговывал книжный магазин С.В. Ноделымана, закрытый властями

в декабре 1906 г. в связи с обнаружением в нем до 50 наименований книг и брошюр революционного характера /10/. Политические издания продавались, вероятно, в книжном магазине Невской в Тюмени. Об этом можно предположить по следующему факту: в мае 1909 г. у приказчика упомянутого магазина М.Ф. Кузнецова полиция конфисковала 365 экз. политических книг и брошюр, в основном запрещенных /11/. В Новониколаевске (ныне Новосибирск) имелся книжный магазин, принадлежавший Н.П. Литвинову. Относясь сочувственно к революционному движению, он печатал в своей типографии брошюры на общественно-политические темы, выписывал для продажи такие же издания из других городов. Во время обыска, произведенного у него в мае 1913 г., полиция изъяла свыше 70 политических книг и брошюр, изданных в период первой революции в столицах и других городах /12/.

Вклад в распространение политической литературы в Сибири вносили местные организации социал-демократов и эсеров. Некоторые из них, установив связи с издательствами и книжными магазинами, открывали торговлю книгами и брошюрами соответствующих идейно-политических направлений. По воспоминаниям Л.А. Лужанской, в 1906 г. она в течение двух месяцев по поручению партийного комитета продавала в Томском технологическом институте брошюры социал-демократической ориентации, выписанные из Петербурга и Москвы. Торговля прекратилась по требованию властей /13/. В сентябре того же года полиция Томска установила книготорговую деятельность членов социал-демократической организации К.М. Кулеша, А.М. Шаболтаса и А.М. Левченко. При обыске в квартире, где они жили вместе, были обнаружены "книга отчетности" по продаже социально-политических изданий и 264 экз. нереализованных брошюр /14/.

Книготорговля имела место в деятельности Иркутского и Читинского комитетов РСДРП. На базе книжного товара, полученного от них, в ноябре 1906 г. социал-демократы Верхнеудинска открыли на базаре киоск, продержавшийся почти месяц, пока его не закрыла полиция /15/. Книжный киоск некоторое время в 1906 г. имели и социал-демократы Новониколаевска /16/.

Сибиряки охотно покупали политическую литературу, выходившую в период первой революции. Это видно, в частности, из жанрарско-полицейских материалов об обысках и арестах в 1906 -

1916 гг. Согласно этим источникам по 100 – 150 и более политических книг и брошюр в Омске имели слесарь железнодорожного депо Э.М. Реперьяш, учитель школы молочного хозяйства Н.Д. Яценко и конторщик переселенческого управления Н.И. Дроханов, Томске – студенты В.М. Царевский, П.Н. Обросов, С.С. Александровский, А.А. Ганин, Г.М. Букин, братья А.А. и Л.А. Семёновы, Красноярске – акушерка П.Д. Коновалова, служащий банка Н.А. Шепетковский, Енисейске – С.П. Токарев, Минусинске – М.С. Голубев, А.А. Соболев и А.Ф. Филиков, Иркутске – адвокат А.И. Туманов, служащие А.П. Тарелкина, М.Г. Аппинг, М.В. Незаманников, Н.А. Пятидесятников /17/.

По 50 – 100 экз. изданий в Тьмени имели приказчик Г.С. Васенин, рабочие В.Ф. Дудин, Н.И. Горбунов, П.Г. Котельников и служащий И.М. Шайгин, Кургане – слесарь железнодорожного депо А.И. Забелин, Омске – столяр Е.О. Зюрлев, счетовод переселенческого управления Н.Н. Суслов и бухгалтер торговой конторы Т.П. Белоногов, Новониколаевске – бывший студент А.Г. Фортов, Бийске – заведующий обществом сельского хозяйства Ф.М. Козинец, Барнауле – учащиеся С.И. Лебедянцеv, братья П.К. и Д.К. Завьяловы, Канске – сестры В. и Р. Абрамович, Иркутске – служащие Д.М. Соколов и В.Н. Чепалов /18/.

От 10 до 50 экз. политических книг и брошюр хранили у себя дома в Тьмени рабочий В.И. Просандеев, Омске – служащий А.Д. Калмыков, машинист поездов К.И. Белоусов, почтово-телеграфный чиновник А.П. Данилов, бывший студент Московского коммерческого института Е.К. Попов, служащие переселенческого управления В.М. Бархатов и В.А. Захаров, исполняющий обязанности писаря В.И. Шамшин, Томске – инженер управления Сибирской железной дороги П.С. Карлашев, Кольвани – бывший ученик Омской учительской семинарии А.Я. Кокшаров, Канске – фотограф А.А. Шуйский, Красноярске – супруги А.В. и К.Л. Байкаловы, врач В.М. Крутовский, Енисейске – бывший студент Томского технологического института Л.А. Красин /19/. Это, разумеется, далеко неполный список покупателей политической литературы в объеме 10 экз. и более. В архивных источниках также можно прочесть десятки фамилий, у которых полиция конфисковывала от одного до десяти политических изданий. По нашим подсчетам, не претендующим на полноту, в 1905 – 1907 гг. в городах и селах Сибири полиция выявила 67 домашних библиотечек. в фондах

которых хранились по три-пять и более политических книг и брошюр. В 1908 - 1916 гг. обнаружено 85 таких библиотечек.

Покупали политическую литературу не только частные лица. За счет покупок в книжных магазинах, очевидно, пополнялись фонды политических изданий библиотек, состоявших на бюджете городских дум, ведомств, учреждений, учебных заведений, различных общественных объединений, революционных партий и профсоюзов. Просмотр их опубликованных каталогов, а также следственных материалов органов правопорядка, хранящихся в архивах, убеждает в том, что в каждой из них находилось большое количество политических книг и брошюр периода 1905 - 1907 гг. Не исключая возможности приобретения этой массы литературы заказами из издательств и магазинов Европейской России, можно предположить и то, что частично она закупалась в местных, сибирских магазинах.

Отдельные библиотеки и их владельцы перепродавали политические издания. Известен, например, случай, когда в сентябре 1906 г. Омское отделение Общества попечения о начальном образовании продало партии политических книг и брошюр Обществу взаимопомощи работающих в ремесленных и заводских предприятиях г. Семипалатинска и его предместий /20/.

Количественные показатели "книжного наводнения", охватившего страну в 1905 - 1907 гг., до сего времени не определены. По некоторым данным, только с октября 1905 по апрель 1906 г. в России централизованно было издано социал-демократической литературы 953 названия тиражом 26 млн экз., эсеровской - 250 наименований тиражом 24 млн, анархистской - 70 названий, около 8 - 10 млн экз. /21/. Нет также сведений о количестве политических книг и брошюр, проданных в Сибири. Основываясь на жандармско-полицейских материалах об обсках в книжных магазинах, киосках и у частных лиц, можно предположить поступление в сибирский регион для распродажи нескольких сотен названий указанных изданий.

Значительная масса изданий приходилась на переводную литературу, т.е. на книги и брошюры зарубежных авторов, переведенных и изданных на русском языке. В Сибири через книжные магазины распространялись труды не менее 50 авторов из западноевропейских стран*. Более всех были представлены К. Маркс и Ф. Энгельс. Их

---

* Здесь и далее подсчеты автора.

труды, опубликованные в виде брошюр, книг и тематических сборников (всего 53 названия), сибиряки охотно покупали. Большим спросом пользовались популярные брошюры одного из лидеров Германской социал-демократической партии и II Интернационала К. Каутского. Из более чем 30 его брошюр, получивших распространение в Сибири, особую известность имели "Эрфуртская программа", "О Коммунистическом манифесте", "Аграрный вопрос в России", "Социальная революция", "Движущие силы и перспективы русской революции", "Нет больше социал-демократии!" (последние две брошюры изданы с предисловиями В.И. Ленина). Сибиряки читали книги и брошюры, авторами которых являлись А. Бебель, Л. Блан, Э. Вандервельде, Ж. Гёд, Ш. Дикштейн, И. Дитцен, В. Зомбарт, Ж. Жорес, Ф. Лассаль, П. Лафарг, Ш. Лонге, В. и К. Либкнехты, Ж. Реклю, Х. Роланд-Холст, Р. Люксембург, Г. Фольмар, К. Цеткин и другие деятели социалистического движения стран Западной Европы.

Отечественная общественно-политическая литература, завозимая в Сибирь для продажи большими партиями, условно делилась на три группы: 1) издания, пропагандировавшие революционные традиции народов России; 2) издания о политических партиях, их тактике и политике в первой революции и 3) справочные пособия. В первую группу входили как общие работы о революционном движении в России, так и издания, посвященные отдельным его этапам, особенно революционно-демократическому. Авторами книг и брошюр являлись преимущественно участники и идеологи движения: М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин, П.Л. Лавров, О.В. Аптекман, Е.К. Брешко-Брешковская, Н.К. Михайловский, В.Н. Фитнер, С.М. Степняк-Кравчинский и др. К этой же группе примыкал ряд работ (книги В. Облиевского "Полгода русской революции", М.М. Шахназаряна "Крестьянское движение в Грузии" и др.), в которых делались первые попытки изучения движения масс в революции 1905 - 1907 гг.

Вторая группа изданий была самой многочисленной. В нее входили брошюры с материалами съездов и конференций политических партий и организаций России периода первой революции: социал-демократов (большевиков и меньшевиков), эсеров, народных социалистов, трудовиков, анархистов, кадетов, октябристов, черносотенно-монархических союзов и объединений. Здесь же были издания, знакомявшие читателей в популярной форме с программой, тактикой

и политикой отдельных партий. Каждая из партий в соответствии со своими воззрениями готовила пропагандистские брошюры по актуальным вопросам российской революции. Это, в частности, касалось аграрно-крестьянского вопроса, по которому издательства выпустили множество брошюр. В их числе были брошюры большевиков В.И. Ленина "К деревенской бедноте", "Аграрный вопрос и "критика" Маркса", "Пересмотр аграрной программы рабочей партии", Н.А. Рожкова "К аграрному вопросу", "Как идет крестьянское аграрное движение в России", А.Ю. Финн-Енотаевского "Аграрный вопрос и социал-демократия", меньшевиков П.П. Маслова "Аграрный вопрос в России", "Развитие народного хозяйства и аграрная программа", "Как крестьянам добиться земли?", "Критика аграрных программ", Вл. Громана "Земельный вопрос и земельные проекты", Б.Б. Веселовского "Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902 - 1906 гг.)", эсеров В.М. Чернова "Пролетариат и трудовое крестьянство", Л.Э. Шишко "По аграрным вопросам", "Об аграрной программе", Д.Л. Эмилина "Как могут крестьяне сами себе помочь", С.С. Зака "Крестьянство и национализация земли", "Земля и капитализм", Н.П. Огановского "Освобождение земли", М.Я. Гендельмана (лит. псевдоним: М. Якобий) "К аграрному вопросу", членов народно-социалистической партии А.В. Пешехонова "Земельные нужды деревни", "Аграрная проблема в связи с крестьянским движением", "Национализация земли", В.Г. Богораза-Тана "Новое крестьянство", С.Я. Елпатьевского "Земля и свобода", А.П. Вихляева "Аграрный вопрос", "Право на землю", "Народно-социалистическая партия и аграрный вопрос", члена Трудовой группы С.И. Бондарева "Торжество земледельца или трудолюбие и тушеядство", эсера-максималиста М.А. Энгельгардта "Принципы трудовой теории", кадетов М.И. Туган-Барановского "Национализация земли", М.Я. Герценштейна "Земельная реформа в программе партии народной свободы", А.И. Чупрова "К вопросу об аграрной реформе: Аграрный вопрос", членов "Союза 17 октября" П.П. Митгулина "К вопросу о земельном устройстве крестьян", А.В. Еропкина "Аграрные проблемы", а также чиновника царского правительства А.С. Ермолова "Наш поземельный вопрос". Всего в 1905 - 1907 гг. сибиряки приобрели в книжных магазинах и киосках не менее 70 названий книг и брошюр по аграрно-крестьянскому вопросу. В них пропаган-

дировались аграрные программы десяти политических партий и движений.

Принцип партийности отчетливо проявился в литературе по поводу выборов в I, II и III Государственные думы и их деятельности. В эту литературу (свыше 60 названий) входили брошюры октябриста В.И. Герье "Первая русская Государственная дума", кадетов П.Н. Милкова "Год борьбы", В.Е. Якушкина "В Государственной думе о земле", М.М. Винавера "Конфликты в первой Думе", В.Д. Набокова и А.И. Калинин "Вторая Государственная дума", трудовиков Г.К. Ульянова "К моим избирателям", С. Бондарева и И. Субботина "Тактика Трудовой группы: Роспуск первой Государственной думы", народных социалистов В.А. Мякотина "Надо ли идти в Государственную думу", Т.В. Локоть "Политические партии и группы в Государственной думе", В.Г. Богораза-Тана "Мужики в Государственной думе", меньшевиков М. Балабанова и Ф. Дана "Рабочие депутаты в I Государственной думе". Среди "думских" изданий в продаже находились семь брошюр В.И. Ленина "Победа кадетов и задачи рабочей партии", "Роспуск Думы и задачи пролетариата", "Социал-демократия и избирательные соглашения", "Социал-демократия и выборы в Думу" и др. Вопросам думской тактики социал-демократии посвящались большевистские сборники "Очередные вопросы", "Сборник первый", "Зарницы", "Вопросы тактики", "О бойкоте третьей Думы", "Голос жизни" и другие, получившие распространение в Сибири.

Справочных пособий, составлявших третью группу отечественной общественно-политической литературы, было немного. Особым спросом у сибиряков пользовались указатели общественно-политической литературы для самообразования и пропагандистских кружков "Библиотека социал-демократа", "Что читать крестьянам и рабочим" (сост. П. Лебедев), "Что читать социал-демократу" (сост. С. Струмилин), "Памятная книжка марксиста" (сост. И. Чернышев), "В помощь читателю" (сост. В. Захаров), "Каталог в помощь читателям", "Библиотека социалиста" (сост. Г. Нестроев), "Справочная книга социалиста" (в 2 т., сост. Гуго и Штейман).

К общественно-политической литературе примыкали произведения некоторых писателей и поэтов, написанные в духе политической публицистики. К их числу относились работы великого русского писателя Л.Н. Толстого "Не убий", "Неужели это так надо?" и неко-

торые другие, изданные отдельными книжками. С 1906 г. в стране распространялась сказка С.А. Басова-Верхоянцева "Конек-Скакун". Это была оригинальная политическая сатира в стихах, смело обличавшая существовавший общественный строй, царя Николая II и его правительство. С чудо-сказкой сибиряки были знакомы почти сразу после ее публикации отдельной книжкой. В 1908 г. в Омске полиция во время обысков изымала ее дважды: в январе - у адвоката И.Л. Янкелевича и в октябре - у почтово-телеграфного чиновника А.Н. Данилова /22/.

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что Сибирь являлась одним из регионов страны, где достаточно широко велась торговля политической литературой, выпущенной в период революции 1905 - 1907 гг. Благодаря ей, впервые сибиряки получили возможность открыто приобретать политические книги, долгие годы находившиеся под запретом царских властей. Распространяемые магазинами и киосками издания влияли на рост политической культуры населения. Естественно, на это требовалось определенное время, особенно на формирование социалистического сознания. "Т а к и е количества теоретической литературы, в такой короткий срок брошенные в девственные, почти незатронутые социалистической книжкой массы, не перевариваются сразу, - писал В.И. Ленин в 1908 г. - Социал-демократическая книжка не пропала. О н а п о с е я н а. Она растет. И она даст плоды..." /23/. История доказала правильность ленинского предвидения.

Примечания

1. Соврем. мир. 1909. Кн. 12. С. 3 - 12.
2. Там же.
3. ГАКК, ф. 827, оп. I, д. 796, л. 96.
4. ГАКК, ф. 595, оп. 63, д. 4219, л. 12-21; ф. 827, оп. I, д. 796, л. 10, 26-43.
5. ЦГА КазССР, ф. 369, оп. I, д. 956, л. 91.
6. Там же.
7. Там же.

8. ЦПА КазССР, ф. 369, оп. I, д. 956, л. 89; ГАОО, ф. 270, оп. I, д. 296, л. 140.
9. ГАОО, ф. 270, оп. I, д. 296, л. 206.
10. ГАЧО, ф. I-п, оп. 2, д. 256, л. 186.
11. ГАПО, ф. 161, оп. 2, д. 26, л. 91-92.
12. ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1917 г., д. 343, ч. 82, л. 1-3.
13. АТОКМ, оп. 4, д. 170, л. 20.
14. ГАТО, ф. 411, оп. I, д. 277, л. 59.
15. ЦГА ДВ РСФСР, ф. 1104, оп. I, д. 80, л. 38-39; ГАЧО, ф. I-п, оп. 2, д. 256, л. 193-194, 203-204.
16. См.: Воспоминания о революционном Новониколаевске /1904 - 1920 гг./. Новосибирск, 1959. С. 37.
17. ГАОО, ф. 270, оп. I, д. 398, л. 107-108; д. 409, л. 252-255; д. 420, л. 194, 222; ГАТО, ф. 10, оп. II, д. 5, л. 324; ф. 411, оп. I, д. 162, л. 10; ГАКК, ф. 827, оп. I, д. 680, л. 18; д. 731, л. 33-36; д. 766, л. 12-13; д. 1754, л. 314-326; ЦГАОР, ф. ДП, 00, 1908 г., д. 5, ч. 63, л. 6; ф. ДП, 7 д-во, 1906 г., д. 3077, л. 7-10; ГАМО, ф. 243, оп. 5, д. 59, л. 88-153; ф. 600, оп. I, д. 587, л. 8-11.
18. ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7 д-во, 1906 г., д. 10072, л. 6-7; ГАТМО, ф. 158, оп. 21, д. 16, л. 31-33; д. 38, л. 175-178; ф. 159, оп. I, д. 43, л. 82/2-82/3; ГАПО, ф. 161, оп. 2, д. 26, л. 28; ГАОО, ф. 270, оп. I, д. 326, л. 19-20; д. 378, л. 71; д. 398, л. 189-190; ГАТО, ф. 10, оп. 4, д. 5, л. 39-42; ф. 126, оп. 2, д. 1940, л. 25; ф. 411, оп. I, д. 160, л. 85-86; ГАКК, ф. 827, оп. I, д. 1614, л. 43-44; ГАМО, ф. 243, оп. 5, д. 61, л. 44-48.
19. ГАТМО, ф. 159, оп. I, д. 58, л. 105-106; ГАОО, ф. 270, оп. I, д. 296, л. 189; д. 394, л. 311; д. 398, л. 3; д. 417, л. 150, 233; д. 429, л. 18; д. 527, л. 116; ГАТО, ф. 411, оп. 5, д. 27, л. 82, 92; оп. I, д. 274, л. 28; ГАКК, ф. 827, оп. I, д. 661, л. 50-51; д. 766, л. 47; д. 1614, л. 62-63; д. 1690, л. 189.

20. ЦИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 719, л. 23-24.
21. См.: Корноухов Е.М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. М., 1981. С. 79.
22. ГАОО, ф. 270, оп. I, д. 296, л. 21; д. 394, л. 311.
23. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 292.

Сокращения

АТОКМ	- Архив Томского областного краеведческого музея
ВСОРГО	- Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ГААК	- Государственный архив Алтайского края (Барнаул)
ГАИО	- Государственный архив Иркутской области
ГАКК	- Государственный архив Красноярского края
ГАНО	- Государственный архив Новосибирской области
ГАОО	- Государственный архив Омской области
ГАПО	- Государственный архив Пермской области
ГАТО	- Государственный архив Томской области
ГАТ _Т М _О	- Государственный архив Тименской области
ГАЧО	- Государственный архив Читинской области
ГБЛ	- Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина
ИИФ _И Ф СО АН СССР	- Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР
МВД	- Министерство внутренних дел
МОСХ	- Московское общество сельского хозяйства
НБ КавГУ	- Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина
ОР ГБЛ	- Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина
ОР ГПБ	- Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ОР ИРЛИ	- Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома)
РАО	- Русское археологическое общество
ТОКМ	- Томский областной краеведческий музей
ТОНБ	- Томская областная научная библиотека
ТФ ГАТ _Т М _О	- Тобольский филиал Государственного архива Томской области
ЦГА БурАСОР	- Центральный государственный архив Бурятской АССР

ЦГА ДВ РСФСР	- Центральный государственный архив Дальнего Востока РСФСР (Томск)
ЦГА КазССР	- Центральный государственный архив Казахской ССР
ЦГА ТАССР	- Центральный государственный архив Татарской АССР
ЦГА Я-С ССР	- Центральный государственный архив Якутской-Саха ССР
ЦГАЛИ	- Центральный государственный архив литературы и искусства
ЦГАОР СССР	- Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
ЦГВИА	- Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГИА СССР	- Центральный государственный исторический архив СССР
ЧитОКМ	- Читинский областной краеведческий музей

Сведения об авторах

Белокрсы Михаил Алексеевич - доцент, декан Омского филиала Алтайского государственного института культуры

Волкова Вера Николаевна - ведущий научный сотрудник ГПНТБ СО АН СССР, канд. искусствоведения

Володкович Александр Феликсович - аспирант ГПНТБ СО АН СССР

Захарова Тамара Викторовна - студентка Восточно-Сибирского государственного института культуры

Зверев Владимир Александрович - доцент Новосибирского государственного педагогического института, кандидат исторических наук

Зверева Капитолина Емельяновна - старший преподаватель Новосибирского государственного педагогического института, кандидат исторических наук

Коновалова Елена Никифоровна - заведующая сектором редкой краеведческой книги Тюменской областной научной библиотеки

Косых Владимир Иванович - преподаватель Читинского государственного педагогического института

Курусканов Петр Захарович - старший научный сотрудник Омского государственного университета, кандидат исторических наук

Лукьянова Лидия Степановна - преподаватель Тюменского института культуры и искусства, аспирантка ГПНТБ СО АН СССР

Матханова Наталья Петровна - старший научный сотрудник Института истории, филологии и философии СО АН СССР, кандидат исторических наук

Максимова Саргылана Васильевна - аспирантка ГПНТБ СО АН СССР

Роцевская Лариса Павловна - и.о. профессора Сыктывкарского государственного университета, доктор исторических наук

Соболевская Тамара Николаевна - научный сотрудник ГПНТБ СО АН СССР, кандидат филологических наук

Чернышова Надежда Константиновна - научный сотрудник ГПНТБ СО АН СССР, кандидат исторических наук

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Соболевская Т.Н. О культурных взаимоотношениях центра и провинции (Судьбы деятелей первого книгоиздательского центра Сибири)	3
Чернышова Н.К. Сибирская тема и авторы-сибиряки в изданиях Казанского университета первой половины XIX в. ...	13
Володкович А.Ф. Личные библиотеки и круг чтения сословных "низов" Сибири (первая половина XIX в.)	28
Матханова Н.П. Авторы и читатели сибирских Губернских ведомостей в первые годы их издания	49
Косых В.И. Переводческая деятельность Иркутской духовной миссии в XIX в.	58
Волкова В.Н. Памятные книжки и календари Сибири как вид издания второй половины XIX в.	74
Лукьянова Л.С. Становление библиотечного дела в Тимени (начало 60-х - середина 90-х гг. XIX в.)	88
Коновалова Е.Н., Рощевская Л.П. Книгоиздание и печать в дореволюционной Тимени (вторая половина XIX - начало XX в.)	104
Зверев В.А., Зверева К.Е. Распространенность печатных изданий в селениях Сибири пореформенного периода (1861 - 1904 гг.)	118
Захарова Т.В., Максимова С.В. Общедоступные библиотеки дореволюционного Якутска (80-е гг. XIX в. - 1917 г.)...	140
Коновалова Е.Н., Рощевская Л.П. "Ежегодник Тобольского губернского музея" (1893 - 1918 гг.)	152
Белокрыс М.А. Из истории книгопечатания в Верхнеудинске в конце XIX - начале XX в.	167
Курусканов П.З. Торговля политической книгой в Сибири (1905 - 1907 гг.)	180
Сокращения	192
Сведения об авторах	194

Св. план 1991, поз. 28

КНИЖНОЕ ДЕЛО В СИБИРИ
(конец ХУШ - начало ХХ в.)

Сборник научных трудов

Редактор Н.И. Коновалова
Корректоры А.В. Овечкина, Л.И. Лисина

Подписано в печать 11.11.91, Формат 60x84/16.
Бумага писчая. Ротапринт. Усл. печ. л. 11,4. Уч.-изд. л. 12,0
Тираж 400 экз. Заказ № 1090. Цена 1 р. 80 к.

ИО ГИИТБ СО АН СССР. Новосибирск, ул. Восход, 15.
Типография ГИИТБ СО АН СССР. Новосибирск, пр. К. Маркса, 2.

1р. 80к.